

Виктор Сарияниди

В ПОИСКАХ
СТРАНЫ
МАРГУШ

Москва

ISBN — 900346—01—3

Виктор Сарияниди

В ПОИСКАХ СТРАНЫ МАРГУШ

Формат бум. л. 60×84/16 Печать офсетная
Печ. л. 22,625 Бумага офсетная Зак. № 191
Тир. 1000 экз. Цена договорная

Фабрика офсетной печати
249020 г. Обнинск, ул. Королева, 6

*Дангатару
Гулмурадову
посвящается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	7
Глава 1. У развалин старого Мерва	12
Глава 2. На пороге бронзового века	23
Глава 3. Восстание в пустыне	32
Глава 4. Поиск в песках	48
Глава 5. Открытие страны Маргуш	75
Глава 6. Первые колонисты в дельте Мургаба	103
Глава 7. Гонур-столица страны Маргуш	117
Глава 8. По ту сторону гор	134
Глава 9. Один день в бронзовом веке	151
Глава 10. Дворцы и храмы Маргианы	161
Глава 11. По следам Заратуштры	182
Глава 12. Родина Заратуштры?	208
Глава 13. Сельский храм Тоголок-1	262
Глава 14. Ур или Гонур?	293
Глава 15. Загадочные храмы Гонура	333
Вместо заключения	354

Вместо введения

Позади изнурительный день под беспощадным каракумским солнцем. Ноги гудят от вязкого песка – сколько раз, падая и спотыкаясь, приходилось нам переваливать через сыпучие барханы. Но это древне поселение мы все-таки обнаружили.

Рубаха просолилась от пота, тело просит освежающей воды, а вокруг все те же бескрайние барханы. Одноликие и мрачные в лучах заходящего солнца, они стеной встают на пути нашего завтрашнего маршрута. Изнуряющая жара, горячее марево. Но то завтра.

А сегодня, после целого дня поисков наступает долгожданный вечер. Солнце, наконец, все ниже уходит за горизонт, все длиннее тени от огромных, с трехэтажный дом, барханов. Пустынный бриз приятно обвевает тело. Это привал не любителей-туристов, а профессиональных археологов.

Вот уже какой полевой сезон мы ведем свои поиски здесь, глубоко в юго-восточных Каракумах, где, предположительно, могла находиться никому еще неизвестная древняя цивилизация. Скупое, медленно раскрывает свои тысячелетние тайны пустыня. Сколько еще поколений археологов пройдут по этим и другим маршрутам, все больше углубляясь в пески, в поисках ответов на все новые и новые вопросы.

Почему здесь, так далеко в Каракумах, затерялись древние поселения, следы которых уходят еще дальше, за встающие на горизонте очередные барханы? Как могла существовать здесь древняя культура, когда вокруг ни капли воды?

Безводная пустыня, изнуряющая жара, это была окружающая нас реальность, но реальностью было и только что открытое нами, полусасыпанное надувным песком, древнее поселение, где во II тыс. до н.э. в эпоху бронзы бурлила жизнь первых земледельцев.

Не счесть вопросов, вставших в тот вечер, когда мы, сгрудившись вокруг ярко пылающего костра, вяло переговаривались в ожидании живительного чая. Трещат в огне жаркие сучья саксаула, закипает, бурлит вода в чайниках, наконец-то наступает тот благодатный миг, которого мы ожидали в течении всего тяжелого и многотрудного дня.

По-своему странную картину представлял наш поисковый отряд в тот обычный летний каракумский вечер. В тени высоченных барханов, в наступающих уже сумерках, вокруг пылающего костра сидит группа людей в ожидании чая, издали, наверное, ничем не отличаясь от далеких предков, некогда вот также сидевших около очагов своих родных домов три-четыре тысячи лет назад. Огромные, бесформенные в наступившей темноте контуры машины-вездехода снова вернули нас в конец XX в. Казалось бы, что может сделать эта горстка людей перед лицом бескрайней пустыни, где, чуть сбившись с дороги, потеряешь свой след и все, за чем ехал сюда. А вчерашний буран начисто заметет и перекроет песком еще одно древнее поселение, где возможно и покоится ответ на наш главный вопрос.

Обо всем этом думал я летним вечером, сидя у костра, попивая чай и еще не представляя себе, какое же огромное дело затеяли мы, отправившись сюда в поисках следов древности. Нас было мало, а проблем так много, что оставалось лишь надеяться на удачу. Как же нужна была она нам в начале такого длинного и многотрудного пути. Но все по порядку.

Все это в который раз я «проигрывал» в памяти, сидя около потухшего уже костра. Мы с документальной точностью ответили на первую половину поставленной задачи – племена южного Туркменистана на рубеже III-II тыс. до н.э. ушли со своих веками насиженных мест. Но оставался вопрос: куда и почему они ушли? Надо понять психологию оседлых земледельцев, решивших забросить родные поселки и отправиться на поиски новой Родины. Здесь тысячелетиями жили их предки, здесь были их могилы, налаженный быт, а впереди лишения и неизвестность. Ответа пока не было. Правда, можно было попытаться ответить на вопрос – куда они ушли. Поиски их новой Родины и привели нас этим летним вечером 1972 г. в глубину юго-восточных Каракумов, где в древности протекала река Мургаб.

И впервые их следы мы здесь нашли после длительных, а временами и запутанных поисков. Казалось бы, круг замкнулся: забрасывается подгорная прикопетдагская полоса южного Туркменистана и заселяется древняя дельта р. Мургаб. Происходит обычное племенное перемещение из географически близких, соседних областей в системе одной и той же страны. И здесь будет к месту остановиться на вопросе о названии древней страны, расположенной здесь в Каракумах с начала II тыс. до н.э. Мы не знаем, имелась ли тогда здесь письменность вообще. Зато в соседнем Иране в середине I тыс. до н.э. складывается огромная по тем временам мировая империя, Ахеменидское государство, где честолюбивые цари ахеменидской династии не упускали случая любыми способами возвеличить свою личность. Царь Дарий I повелел начертать на складе Бехистун, расположенной около иранского города Керманшах, клинописную надпись.

Бехистунская надпись выполнена в искусственном углублении на недоступной высоте (свыше 100 м) от пролегающей дороги и содержит более тысячи строк. К счастью для нас, несколько строк из них имеют к нашей теме самое прямое отношение. В строчках 10-21 третьего столбца сохранилась надпись: « Говорит Дарий царь: страна Маргиана стала мятежной. Одного человека по имени Фрада, маргианца они сделали начальником. После этого я послал к персу по имени Дадаршиш, моему рабу, сатрапу в Бактрии и сказал ему так: «Иди разбей войско, которое не называет себя моим. Затем Дадаршиш отправился с войском и дал бой маргианцам. Ахурамазда оказал мне помощь. Милостью Ахурамазды мое войско наголову разбило мятежное войско в 23-й день месяца ассиадия ими был дан бой. Говорит Дарий царь: Затем страна стала моей. Вот что мною сделано в Бактрии».

В этой версии перевода страна названа в ее греческом произношении – Маргиана, но, как доказал академик В.В.Струве, еще раньше ее древнеперсидское название было Маргуш. Нам нет необходимости входить в тонкости лингвистических изысканий, достаточно данных специалистов, доказавших, что страна, упомянутая в священной книге «Авеста» под названием Маргав, соответствует древнеперсидскому названию Маргуш, древнегреческому – Маргиана, средневековому – Марв и современному – Мары. Трудно удержаться, чтобы не привести слова академика В.В. Струве, доказавшего, что с именем реки Мюргаб, где «аб» – вода, т.е. «Мюрг – воды», ...надо думать, и связано древнее название оазиса Мары – «Маргуш», «Маргиана».

К сожалению, мы до сих пор не знаем, когда была написана «Авеста» и, соответственно, когда вошло в употребление название «Маргав». Зато мы точно знаем, когда жил Дарий I. В тот период эта страна уже определенно называлась «Маргуш». И есть все основания считать, что это название вполне приложимо к стране, открытой археологами в последние десятилетия в дельте древней реки Мургаб.

Специалистами уже неоднократно отмечалось кажущееся противоречие в приведенной бехистунской надписи: основная речь идет о стране Маргуш, а заканчивается словами «Вот, что мною сделано в Бактрии». Из этого был сделан естественный вывод, что при Ахеменидах Маргиана входила в состав Бактрии. И хотя эти слова были написаны в середине I тыс. до н.э. и, таким образом, характеризуют историческую ситуацию того времени, есть все основания предполагать такое же положение и на тысячу лет раньше. В самом деле, археологические открытия в Бактрии и Маргиане с документальной точностью установили близкую, если не сказать одинаковую культуру в этих обеих странах.

Новые открытия в Маргиане давали все новые доказательства о вхождении Маргианы в состав Бактрии, древней страны, некогда широко раскинувшейся по обоим берегам Амударьи на смежной территории современного Афганистана и южных областей Средней Азии. Сначала это были незначительные эпизодические свидетельства, затем они становились все более существенными и многозначительными. Пока мы с удивлением обнаружили, что местные южнотуркменистанские традиции созвучны традициям Бактрии и еще дальше – традициям древнего Ирана.

Более того, становилось очевидным, что это были не только культурные связи и контакты между двумя соседними древними странами, но и существовала общность их исторических судеб.

Но каких?

Проблемы вставали за проблемами, мы еще были очень далеки от их разрешения, но мы стояли на единственно верном пути – только археологическое изучение могло дать хотя бы частичный ответ на все эти и другие вопросы. Поиски этих ответов на многочисленные «почему» и привели нас в Маргиану, древнюю страну, казалось бы навечно затерянную в пустынном безмолвии ночных Каракумов.

На фоне южного светлого неба, как доисторическое чудовище, горбатилась машина нашего вездехода. Около нее – раскладушки со спящими участниками поискового отряда. А еще чуть дальше огромным пятном выделялось древнее поселение, всего несколько часов назад впервые открытое нами. И оставалось чуть-чуть напрячь воображение, и тогда поднимались из руин былые стены, выстраивались в ряд дома, оживала жизнь людей бронзового века.

Глава I. У развалин старого Мерва

...Поезд медленно тянется по среднеазиатской пустыне. Вокруг выжженное безлюдье, маленькие полустанки среди безбрежного моря пустыни. Вместе с товарищами, такими же студентами-практикантами, будущими археологами, я впервые еду в настоящую археологическую экспедицию. Мы едем из Ташкента, где только стали студентами кафедры археологии Среднеазиатского Государственного Университета.

Все это происходит вскоре после окончания Второй Мировой войны, когда снова возобновились археологические исследования в стране.

Южно-Туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию возглавлял тогда старейший исследователь, крупный знаток среднеазиатских древностей проф. М.Е. Масон. Уроженец Самарканда, он с детства увлекался древностями края, сотрудничал с выдающимися востоковедами начала века, жившими в Узбекистане, а после войны возглавил археологическую экспедицию в Туркменистане.

Первое знакомство с ним произошло в 1950 г., когда я пришел на кафедру археологии с письменным заявлением о приеме, сделав в нем по крайней мере несколько ошибок. Удивленный взгляд из-под круглых очков профессора запомнился мне на всю жизнь.

Став студентом, в первую же осень я выехал вместе со всеми в тогда еще неизвестную мне Туркмению.

Медленно, лениво двигается по пустыне поезд Ташкент-Красноводск, надолго останавливаясь у каждого полустанка. В общем вагоне жара и духота. Трехъярусные полки забиты багажом, пассажирами, неизвестно куда и зачем тронувшимися с насиженных мест.

Где-то между Бухарой и Самаркандом в вагоне появляется слепой певец, инвалид только что отгремевшей войны. О том, что мы уже на территории Туркменистана, говорят микроэтнографические изменения. Вроде бы в вагоне те же черноволосые широколицые узбеки, но уже меняется цвет национальной одежды: уже почти нет зеленых в полоску халатов, их заменили ярко-красные. Особенно отличны одежды туркменских женщин: красные, синие, голубые длинные до пят платья, на шее бренчащие монеты из иранских серебряных монет; круглые нагрудные украшения с кроваво-красными каплями сердолика. Приглядываемся, прислушиваемся. Резкая узбекская речь постепенно сменяется мягким говором туркмен. Вот на вагонную полку рядом с узбеком примостился новый пассажир, туркмен в косматой шапке и ярко-красном полосатом халате. Отдышавшись, он обращается с каким-то вопросом к соседу узбеку, но в ответ лишь смущенный смешок. Казалось бы оба они говорят на одном тюркском языке, но как далеко по диалекту разошлись между собой: только самые простые быденные слова еще понятны им, но не более того.

Стучат колеса вагонов. Далеко позади осталась река Амударья и город Чарджоу. За окнами вагона зыбкие песчаные барханы, уходящие до самого горизонта. Это знаменитый Репетекский заповедник, основанный еще в 1928 г. в Восточных Каракумах.

Барханные гряды украшены зарослями саксаула, их сторожит хозяин пустыни – варан, застывший свинцово-серым изваянием на фоне золотисто-желтых барханов, диковинным ожерельем причудливой окраски промелькнет уползающая змея.

После утомительного сидения в старых разбитых вагонах небольшую, насквозь пропыленную, станцию Байрам Али воспринимаешь как центр цивилизации. Кирпичное станционное здание, построенное еще в конце прошлого века при прокладке железной дороги, окруженное одноэтажными домиками, кажется оазисом в пустыне.

Зал ожидания, станционный колокол, водокачка, небольшой станционный скверик. На перроне разноголосая толпа приезжающих и отъезжающих. Медлительные туркмены в косматых папахах, с невообразимо тяжелыми чувалами; ожесточенно жестикулирующие красавцы курды с идеально тонкими подбритыми усиками; молчаливые, полные достоинства белуджи с огромными в пол-лица глазами, затененными длинными ресницами. Шум, крик, смех, ругань – в общем настоящий Восток.

От вокзала в город идет единственная мощеная дорога. Приводит она к Всесоюзному почечному санаторию. Это бывшее «государево имение», задуманное, как показательная ферма, позже перестроенное под санаторий; микроклимат Байрам-Али благотворно влияет на лечение почек. Теперь санаторий в Байрам-Али стал всемирно известной лечебницей болезней почек.

И настоящий восточный базар раскинулся неподалеку от вокзала у полуобвалившихся, но все еще величественных и высоких, стен былой крепости. Печальный рев верблюдов, безнадежное бляение баранов под оглушительный аккомпанемент трубного рева ишаков. Одетые в толстые ватные халаты, продавцы скота призывно расписывают достоинства своего живого товара.

Идут торги. Для нас это непривычное представление. Покупатели, будто и не слыша уговоров продавцов усердно щупают курдюки бляющих баранов; рвут пасти верблюдов, проверяя зубы; задумчиво рассматривают живой товар со всех сторон. Торгуются здесь беспощадно. В который раз покупатель насильно сует в ладонь продавца толстую пачку денег, но тот лишь отрицательно мотает головой. А вокруг толпа зевак, они не просто наблюдают – каждый очень громко поддерживает «своего». Наконец, подводят посредника. Обычно это молчаливый, полный внутреннего достоинства человек, авторитет которого непререкаем и общеизвестен всему базару. Он внимательно выслушивает обе стороны, и как судья произносит свой приговор – цену, которая и становится окончательной.

Рядом с этим базаром – «барахолка», где покупалось и продавалось все: трофейные бальные платья волнами кружев окутывают старую туркменку, выбирающую свадебное платье для дочери; разбитые солдатские сапоги и лаковые туфли, сшитые на скорую руку рубашки и великосветские хвостатые фраки; спички и иголки; батарейки и подсвечники; дорогой антиквариат и грубые подделки под туркменские украшения.

А еще дальше – зеленый базар. Здесь-то все свое: груды помидоров и огурцов, пучки зелени, яблоки и сливы, горы арбузов и дынь. Все, чем издревле славилась маргианская земля.

Шум, крик, гам... Совсем в иной мир попадаешь, взобравшись на верх башни средневековой крепости, что начинается от самого базара. Мощные, потрескавшиеся и полуобвалившиеся стены мертвыми глазницами темных бойниц смотрят вниз на базарную толпу, копошащуюся у их подножия.

Внизу суетный мир. Здесь наверху – умиротворяющая тишина. Внутри громадного прямоугольника стен древней крепости груды битого жженого кирпича. Это все, что осталось от былых величественных построек. Предприимчивые горожане уже давно добывают отсюда кирпич для строительства своих домов. Удручающее зрелище представляет собой бывшая кала-крепость, где еще совсем недавно кипела городская жизнь.

От этой крепости начинаются мощные оборонительные стены, усиленные множеством выступающих вперед башен, принадлежащие средневековому Мерву. Современное название городища Султан Кала. Его многометровые бугры тянутся почти до самого горизонта. Но давно опустели и разрушились дворцы правителей и частные дома городского люда, обезлюдели некогда многоголосые базары и площади, куда тянулись длинные тяжело нагруженные караваны со всего Востока.

Средневековый Мерв славился на весь тогдашний мир. И как безмолвное напоминание о былом величии гордо высится посреди оплывших руин и холмов мавзолеев Султана Санджара. Никто не может пройти мимо, не заглянув сюда, где покоится прах Султана Санджара, построившего собственную усыпальницу задолго до своей смерти, как бы предчувствуя сложную, полную драматических событий, свою судьбу.

В народной памяти до сих пор все, что было великим и знаменательным в истории туркменского народа, приписывается ему, и туркмены свято чтут память Султана Санджара. Полумифические, часто фантастические легенды связывают с его именем, и редко кто из туркмен, где бы он ни жил, не сделает зиарат-поклонение, не посетит его могилу, ставшую подлинной святыней. Кто же он, чье имя, пережив века, до сих пор будоражит ума людей?

Издrevле на степных просторах севера Средней Азии кочевали племена номадов. Объединенные племена хионитов и эфталитов включали тюркоязычные племена, которым предстояло сыграть большую роль в истории Средней Азии и Туркменистана в особенности.

В середине V в.н.э. они кочевали от восточного побережья Каспия (в пустынных зонах современного Туркменистана) по течению Амударьи, к северу от Теджена и Мерва. Казалось бы, ничто не угрожает могучему эфталитскому государству, в зависимости от которого находился даже Иран. Однако постепенно на восточной окраине эфталитского царства появляется еще более воинственный соперник. Это новое большое государство кочевников под общим названием – Тюркский каганат, в который вошли различные племена и народности Алтая, Центральной Азии и Семиречья.

Слово «тюрк» первоначально обозначало не название народа, а имело больше политическое обозначение. В дальнейшем, в результате ассимиляции разных племен и народностей, образовалась одна общая группа или народность, говорившая на общепонятных друг для друга тюркских языках, наречиях и диалектах. Именно в это время, в VI-VII в.в.н.э., в Туркменистан переселилось много новых тюркских племен, которые в последствии составной частью вошли в состав туркменской народности. Среди этих пришельцев выделяется могущественное племя Огузов, обитавшее вокруг Аральского моря.

На восточном побережье Каспийского моря в X в. из этого огромного огузского объединения выделилась особая туркменская группировка, или племенной союз, который возглавил правитель Сельджук. Эти племена с территории Хорезма и Сырдарьи постепенно проникают на территории современного Туркменистана и занимают г. Мерв. Дальнейшие военные успехи приводят Сельджукидов к захвату огромных территорий древнего Ирана и Афганистана. В результате Сельджукидам стала принадлежать обширная территория от Азербайджана до Северного Афганистана и от Хорезма до Индийского океана. И среди бесчисленных городов сельджукской империи Мерв всегда оставался предметом особых забот этой династии. Мерв который славился бесценными сокровищами царей и эмиров.

В городе было несколько библиотек, известных всему Востоку, дворцов, мечетей и мавзолеев. Из сельджуков особенно любил Мерв Султан Санджар – «Этот второй Александр Македонский», как его назвал известный русский востоковед В.А.Жуковский. Сюжа из своих победоносных походов в Иран и Афганистан султан привозил большие сокровища, которые шли на украшение и возвеличивание его любимого города, но «под конец долгого и славного царствования Санджар потерпел жестокий удар, имевший для него роковые последствия». В 1153 г. он двинулся на непокорных подвластных ему гузов, но был разбит ими и взят в плен. Не ограничившись этим, гузы потребовали себе в надел Мерв, на что пленный Санджар с гордостью ответил: «Мерв – столица и ничьим наделом быть не может». В отместку за это гузы подвергли город неслыханному грабежу, сопровождая его

убийствами и бесчинствами. Наступило смутное время. Против пришельцев гузов собирается новая коалиция, которой даже удалось освободить Султана Санджара из плена, но подорванное изменчивой судьбой здоровье его не выдерживает новых испытаний, и Султан Санджар умирает в 1157 г. Похоронен он был в заранее возведенном им же мавзолее. Пройдут годы, и турки из Хорасана силой займут всю Малую Азию, но по иронии судьбы будут остановлены в своем победоносном шествии другим тюркским предводителем Тимуром.

Невозможно было не вспомнить это, когда мы, стоя в тени мавзолея Султана Санджара, в который раз любовались его величественными контурами и особенно куполом, четко выделявшимся на голубом безоблачном небе.

Вечерние сумерки принесли прохладу, и мы начали осмотр городища. Неподалеку от мавзолея наше внимание привлекли два огромных пирамидальных холма из кусков кирпича и камней, резко выделяющихся среди обычных оплывших бугров. Если бы не случай, мы бы так и не узнали их происхождения.

... К нам медленно приближалась семья туркмен, не доходя до мавзолея, они стали набирать, валявшиеся под ногами, обломки кирпичей и камни. Подойдя ближе, они стали бросать их в общую кучу, всем своим видом выражая крайнюю степень гнева и ярости. Наше недоумение рассеял глава семьи, старик-яшули. «Здесь находятся могилы двух врагов султана Санджара – уверенным тоном объяснил он нам. И все, кто уважают и чтят его память, должны таким образом отомстить его врагам».

Мы разбрелись по городищу Султан Кала, осторожно пробираясь между руинами былых зданий, невольно вспоминая исторические события, навеянные еще вчерашними университетскими лекциями.

Вспоминались слова знаменитого географа начала XIII в. Якута, который три года прожил в Мерве, не уставая восторгаться книжными богатствами города. Тогда здесь было десятки библиотек, причем только одна из них, основанная каким-то правчим, начавшим свою карьеру с продажи фруктов и ароматических трав на мервском базаре, содержала около двенадцати тысяч рукописей. Якут вспоминает о времени, проведенном в этих библиотеках: «...забывая в сладости изысканий и мою родину и мою семью; там я собрал почти все материалы для составления этой книги и других писаний». Не здесь ли, под этими руинами, покоится одна из таких библиотек? Тогда, как впрочем и сейчас, такое предположение казалось и реальным и фантастическим. Но только лишь раскопки могли дать окончательный ответ. И они были произведены почти через тридцать лет, когда в 1985 г. известный туркменский археолог Теркеш Ходжаниязов, исследуя Султан Калу, неожиданно обнаружил замаскированный вход, круто уходящий вниз под землю.

Было бы заманчиво отыскать здесь книгохранилище одной из десяти мервских библиотек. Средневековые авторы писали о страшном погроме, которому подвергли Мерв татаро-монгольские полчища за то, что при его осаде был убит любимый внук Чингиз Хана. Один из историков, Хафиз Абри, с горечью замечает, что Чингиз Хан пришел в неопишемую ярость, узнав о смерти внука, и повелел царевичам разрушать и уничтожать все, что встретится в Харасане. Так и поступил царевич Тули Хан.

После взятия Мерва в течение нескольких дней монголы вывозили в поле горожан, уничтожали всех поголовно, от ребенка до дряхлых старцев. Мерв был разрушен до основания.

Там, где стояли дворцы и великолепные мечети, славившиеся на весь Восток библиотеки, теперь бродили гиены и хищные звери, krenfyust дымом пожарищ.

Трудно представить, чтобы после такого варварства могли уцелеть легко воспламеняющиеся библиотеки с их книгохранилищами. Но выстоял же целым и невредимым мавзолеем султана Санджара!

В Султан Кале многометровые слои, относящиеся непосредственно к послемонгольскому завоеванию, свидетельствуют о продолжении городской жизни на этом месте. Может быть, действительность была не столь драматичной, как она рисуется

средневековыми авторами? Может что-то осталось после погрома и пожаров того тяжелого в истории Мерва времени. И если очень повезет, то возможно еще будут найдены археологами свидетельства жизни многих средневековых мыслителей и в том числе легендарного поэта и философа Омара Хайама, который прожил в Мерве несколько лет.

Можно часами бродить по Султан Кале, поднимая из под ног то обломок сосуда, то бусинку, а если очень повезет, то монету. А память снова возвращает к недавним занятиям в университетской библиотеке, где перед отъездом в экспедицию перечитывалась литература по Мерве. Вспоминается опыт, проделанный в дореволюционное время генералом А.В.Комаровым, страстным любителем древностей закаспийского края. Пользуясь своим служебным положением, он отправил сто казаков на поиски находок с поверхности городища, которые, встав цепью, в течение двух часов нашли там около 1500 монет и резных камней! Уже только по этому можно судить, каким же богатым городом был Мерв, если после страшных погромов и грабежей из руин можно извлечь такие богатые находки.

За восточной стеной города находится еще более древний город, под современным названием Гяур Кала (город неверных). Жизнь на этом месте возникла еще в середине I тыс. до н.э., когда вся эта территория была включена в состав державы иранских царей из династии Ахеменидов.

Позднее, в эллинистическое время, это место было обведено мощными стенами, и возник древний Мерв. Античные авторы достаточно хорошо были осведомлены о нем. Еще Страбон отмечал, что, окруженный пустыней, Мерв имел хорошо налаженную ирригационную систему. Античный Мерв славился плодородием, его гордостью был особый сорт винограда, гроздь которого достигали суть ли не двух локтей. Судя по этим данным, Маргиана, как называли эту страну греческие историки, была столь изобильна и плодородна, что правитель Антиох Сотер приказал обнести эти древние земли оборонительной стеной, имевшей 1500 стадий в окружности.

Можно было бы до бесконечности перечислять свидетельства древних авторов и сопоставлять их с данными археологических раскопок, но наша цель иная.

Пройдут века, и на западной окраине Гяур Калы появятся сооружения, заложившие основы раннесредневековому городу Султан Кала. Став крупнейшим городом Востока, средневековый Мерв вплотную приблизился к территории современного города Байрам Али, на южной окраине которого была в позднесредневековое время построена небольшая крепость, у подножия которой и располагается теперь современный базар. С этой крепости мы и начали наш, хотя и поверхностный, но так необходимый для дальнейшего повествования, обзор развалин старого Мерва.

Глава 2. На пороге бронзового века

Прошли годы. Судьба разбросала бывших студентов, а теперь уже археологов, по разным городам Средней Азии, но память о величественных руинах городища древнего Мерва у меня сохранилась.

Закончив Университет в Ташкенте, я почти два года проработал в Самаркандском музее. Случилось так, что в 1955 г. были возобновлены работы в Маргиане, но теперь уже на более древних памятниках, расположенных далеко на север от Султан Калы и Гяур Калы, среди песков и барханов пустыни Каракум. К тому времени уже полным ходом шли раскопки на античной Гяур Кале, и было решено сделать маршрутную разведку: что же располагается далее на север от Гяур Калы?

В начале XX века американская экспедиция начала раскопки на холмах Анау под Ашхабадом. Затем исследования были проведены далее на востоке. Американцы достигли Байрам Али, произвели частичные раскопки на Гяур Кале и даже рискнули углубиться в

пески, которые начинаются через несколько километров за северной оборонительной стеной Гяур Калы. Поиск в пустыне привел неожиданным результатам. На плоских, полузанесенных песком, такырах американским археологам посчастливилось найти отдельные «пятна» россыпи битой керамики, которой пользовались в середине I тыс. до н.э. Иначе говоря, здесь и жили современники тех, кто основал в ахеменидское время Гяур Калу. Итак, историческая арена древней Маргианы расширилась во времени и пространстве. А небольшие россыпи черепков и невысокие холмики, покрытые обломками, некогда разбитой посуды, уходили все дальше на север в сторону угрюмых и немых барханов. Неожиданной оказалась для американских археологов картина, когда за очередным поворотом караванной тропы перед ними появились высоченные холмы поселения, древнейшего из известных в то время в Маргиане. Местные чабаны их называли Яз депе. Запомним это название и мы. В дальнейшем еще не раз вернемся мы к этому исключительно интересному памятнику.

Больше полувека прошло с того времени, но как был Мерв загадочным раньше, так им он остается и теперь.

Энтузиазму американских археологов не было предела, когда на поверхности Яз депе они обнаружили черепки посуды, сделанной вручную, да к тому же покрытой расписными узорами. Ведь точно такую керамику находили они совсем недавно при раскопках древнейших холмов Анау под Ашхабадом, история которых уходит вглубь тысячелетий. Чувствуя себя первооткрывателями, американцы посчитали, что поселение Яз депе существовало на несколько тысячелетий раньше, чем Гяур Кала! Последующие исследования показали ошибочность этого предположения, но тем не менее Яз депе в то время было самым древним из известных памятников Маргианы. Правда, жизнь в этом поселении существовала по крайней мере за 400-500 лет до основания Гяур Калы, но не за тысячелетия, как считали первооткрыватели.

Неуверенность в определении историко-культурной принадлежности памятников, открытых американцами, побудила почти через полвека наших археологов снова обратить на них свое внимание. Археологи ушли еще далее в пески, почти на 50 км от Байрам Али, и, наконец, обнаружили полузасыпанные колодцы под названием Тахирбай. Вокруг колодцев были разбросаны холмы того же ахеменидского времени, что и обнаруженные ранее. Но так казалось до тех пор, пока далее, за песчаными грядами, археологи не открыли огромное по площади, невысокое, почти не выраженное в рельефе, поселение. Поверхностный материал его, и в первую очередь керамика – эта «визитная карточка» любого древнего поселения – не была похожа ни на что, до сих пор известное в Маргиане. Это не была расписная посуда типа той, что имелось на Яз депе, но очень напоминала керамику южного Туркменистана поры его кризиса и запустения. Вот тогда-то и возникло смелое предположение: а не является ли тахирбайское поселение самым древним из известных, основанных выходцами из предгорий Копет Дага? Но ответ могли дать лишь раскопки, а в тот 1953 год у маршрутного отряда были другие цели и задачи. Так что, раскопки решено было отложить до следующего года. Для проверки этой гипотезы был создан специальный отряд, который возглавил Вадим Массон. Массоном-младшим мы называли сына начальника нашей экспедиции.

Результатом трехлетней работы молодого исследователя стала книга «Древнеземледельческая культура Маргианы», до сих пор сохранившая свою актуальность.

Первые пробные раскопки на поселениях Тахирбай и Яз депе оказались настолько многообещающими, что в 1955-1956 гг. здесь были развернуты крупномасштабные раскопки. Вот тогда-то, весной 1955 года, я был приглашен принять участие в предполагаемых работах.

Я снова в Маргиане, и хотя уже прошли десять послевоенных лет, здесь все еще ощущались последствия пережитой разрухи. Только что созданная на основе филиала АН СССР Академия наук Туркменской ССР, нуждалась не только в квалифицированных кадрах, но и в техническом оснащении. Небольшой академический автопарк никак не мог обеспечить автомашинами одновременно все экспедиции: предпочтение отдавалось тем, кто вносил практический вклад в развитие республики. На долю археологов оставались старые

грузовики, так нам досталась разбитая машина Урал-ЗИС, потерявшая рессоры еще в пору своей юности. Тысячи километров проделали мы на ней, трясясь в жестком кузове. Много синяков и шишек набили себе за это время, но именно с ней связаны наши первые открытия древней истории Маргианы.

Не знаю, как оснащались другие экспедиции, но наше оборудование не заполнило тогда и половины кузова Урал-ЗИСа.

То памятное лето 1955 года отличалось невероятной жарой. Пересохли водосборные ямы в пустыне, Покрылись соляной корочкой бывшие русла арыков и впадин. Казалось, в пустыне все вымерло, и лишь у колодцев чабанов еще теплилась жизнь. К ним ежедневно спешила наша экспедиционная машина, заливая живительной прохладной водой деревянные бочки – челеки, к которым, озираясь в смертельном страхе, подбирались пугливые джейраны в поисках хоть глотка воды. Колодцы заботливо поддерживались и охранялись чабанами. Стены их были обложены жженым кирпичом или плетеным кустарником. Заглянув в колодец, где-то далеко внизу, в темном подземелье можно увидеть серебряное зеркало воды, куда плюхалось ведро на длинной веревке. Переброшенная через бревно с кольцом-шарниром на конце, веревка закреплялась на шее старого верблюда, который часами, днями, неделями вымерял шагами свои 5-10 м. в сторону от колодца, и снова к нему.

За многие месяцы этого однообразного хождения верблюдом была протоптана тропинка, по которой суждено ему было ходить еще долгие годы. Отходит верблюд, и веревка с ведром, наполненным водой, медленно поднимается вверх и по желобу вода выливается в кирпичный резервуар. Вновь приближается верблюд к колодцу – опускается вниз ведро, черпает колодезную воду и снова поднимается наверх. И так весь день, без помощи человека, пока к вечеру тишину не разорвет тысячеголосое бляение овец, не испивших за весь день ни глотка воды. Кажется, со всей пустыни стекается сюда все живое за основным источником жизни – водой.

Май сменился летними месяцами, и жара набирала невыносимую силу. В шесть часов утра еще только вставало солнце, а термометр показывал уже 30 С. Впереди нас ожидал раскаленный полдень вдали от экспедиционного лагеря. То ли хозяйственники скупились, то ли наводили режим экономии, но кроме спальных мешков и раскладушек у нас не было ничего, даже куска брезента для тени. А вокруг голая степь и безжалостное солнце над головой. Никакой крыши, никакой тени... Но «голь на выдумки хитра».

Подогнав в центр лагеря многострадальный «Урал», мы широко раскрывали его борта, подставляли под них лопаты и тень готова. В тени места для всех не хватало, и тогда мы залезали только головой под кузов, представляя собой ошетилившийся круг сверкающих на солнце пятюк. Но, как бы то ни было, экспедиция приступила к работам, которые начались с раскопок на поселении Тахирбай – все еще загадочном для нас памятнике.

Для начала был расширен и углублен контрольный шурф, который показал, что толщина слоев на этом участке поселения достигла 2,5 м. Ничего, кроме обычного, рядового материала – обломков керамики, найдено не было. Но упорство было вознаграждено находкой на самом дне шурфа. Здесь нам посчастливилось обнаружить древнее погребение. Но какое! В ногах погребенного мужчины благочестивые родственники бережно поместили округлый горшок с куском поминального мяса, миниатюрную красноглинную мисочку и каменную, биконической формы бусину. У головы покойного находился целый сервиз, включающий вазу на высокой ножке и два кубка; в правом ухе покойного была бронзовая сережка. Сам он был помещен в могилу в скорченном положении, в позе «спящего».

Результатом пробных раскопок установили, что на участке тахирбайского поселения стояли долговременные постройки, образующие по крайней мере два последовательных во времени строительных горизонта. Но оставалось неясным, какова была сама планировка поселения. Для ответа необходимы были новые раскопки, но теперь уже не вглубь, а вширь – по горизонтальной площадке. С этой целью на юго-западной окраине Тахирбая был устроен раскоп размером 100 кв.м., установивший, что и здесь находилось два, сменивших друг друга, строительных комплекса. Верхний, и следовательно наиболее поздний, комплекс

состоял из двора, в центре которого располагалась круглая печь, сильно прокаленная изнутри, до удивления похожая на современные туркменские тандыры-печи для выпечки хлеба. И теперь, женщины-туркменки разводят яркий огонь внутри таких печей, доводят до сильного каления, а когда дрова прогорят и внутри останется один жар, они ловко лепят к раскаленным стенкам лепешки.

Вокруг двора сохранились остатки стен, сложенных из сырцового кирпича. На месте былых помещений обнаружено много разбитой керамики. В руки археологов попало тогда редкое изделие – костяная трубочка с выгравированной личиной. В дальнейшем такие находки будут сделаны и на других маргианских поселениях. Они имели явно не бытовое, а скорее культовое назначение.

Убрав стены верхнего комплекса, мы обнаружили остатки предшествующего ему, раннего, где нами были расчищены три древних захоронения. Судя по отсутствию погребального инвентаря, умершие не принадлежали к высшему слою местного общества, и бедные родственники не имели возможности положить вместе с ними хотя бы два-три скромных керамических сосуда. Один из скелетов оказался сильно нарушенным и частично покрыт слоем золы, так что было высказано мнение о хотя и неполном, но преднамеренном трупосожжении. Если это и так, то это первый и единственный пример подобного погребального обряда. В последующие годы в Маргиане были выявлены многие десятки древних могил, но ни в одной из них не было обгоревших скелетов. На Тахирбае кости скелета лишь частично, да и то очень слабо, сохранили следы огня. Все это скорее указывает на устройство более позднего очага, который нарушил былое погребение, частично обуглив кости скелета.

Казалось, там впереди за барханами уже нет никакой жизни, кроме летних загонов чабанов у редких колодцев, куда по еле видимой проселочной дороге совсем редко проходили машины. От водителей мы узнали, что вдоль дороги им попадаются какие-то развалины, обломки жженого кирпича, битая керамика. Может быть, пески таят древние, еще никому не известные, поселения или, наоборот, это остатки поздних строений вдоль караванной дороги, возможно даже недавнего, прошлого столетия.

Был обычный воскресный день, когда раскопки не велись, и сотрудники отдыхали от тяжелой трудовой недели. Раннее утро, лагерь еще спал, а я вместе с экспедиционным шофером на все том же неизменном «Урале» выехал по дороге на север. Накатанная дорога извивалась между небольшими песчаными барханами, легко и мягко катилась вглубь песков. Еще в лагере мы сверили общее направление дороги по компасу и отметили километраж по спидометру. Впереди высился бугор, обследованный еще раньше и получивший условное название Тахирбай I. Проехав от него километра четыре, у самой дороги мы заметили небольшой холм до полутора метров высотой, поверхность которого была усыпана черепками. Нам не понадобилось много времени, чтобы установить, что на этом поселении люди жили в то же время, что и на Тахирбае. Дав ему название Тахирбай 4, мы двинулись дальше, надеясь после такой удачи через каждые два-три километра пути находить очередное древнее поселение. Следующая же остановка жестоко разочаровала нас. На горизонте у колодцев Якипер обозначились контуры очередного холма, но при его осмотре ничего более древнего, чем остатки средневекового караван-сарая, мы не нашли. Было похоже, что Тахирбай 4 был последним древним поселением из этой группы памятников, и ожидать далее на севере таких древних находок не приходится.

Дорога становилась все хуже, машину, практически лишенную рессор, тяжело подбрасывало на выбоинах, шоферу приходилось притормаживать, и тогда клубы пыли окутывали нас так, что нужно было включать фары. А за окном кабины тянулись пески, кое-где поросшие высохшей верблюжьей колючкой да кустами саксаула. По спидометру мы проехали уже свыше двадцати километров, а впереди – все те же унылые пески, окутанные жарким маревом июньского лета. Наконец, на горизонте показалась легкая изгородь чабанской кошары у колодца под названием Тархан.

От гостеприимных чабанов мы узнали, что к востоку от колодцев в урочище Аучин они находили черепки разбитой посуды, обломки медных изделий, бусы. Проехав ровно восемь километров от колодцев, мы хотя и с трудом, но действительно обнаружили древнее поселение, скрытое от глаз постороннего песчаными дюнами. У нас оставалось время только на то, чтобы собрать коллекции керамики, до сумерек выбраться к колодцам Тархан и доехать до лагеря. Наша «разведка» оказалась удачной: привезенная керамика оказалась до удивления похожей на керамику Тахирбая.

Стало очевидным, что тахирбайская группа памятников не единственная – глубоко в песках имелось еще одно поселение, а возможно даже целая группа, относившаяся к тому времени. Для более основательного ознакомления с древностями Аучина мы выехали, захватив с собой группу рабочих.

Пробные раскопки показали, что толщина культурного слоя памятника не превышает полутора метров. Параллельно с этим на окраине Аучина мы расчистили древний гончарный горн: топка его была вырыта в земле, обложена изнутри кирпичами и обмазана поверх глиняным раствором. К моменту расчистки стенки горна представляли собой прокаленную, ошлакованную от сильного жара поверхность. В середине топки была возведена опорная стенка, на которую опирался пол камеры обжига, располагавшегося таким образом над топкой. Ровный и гладкий, он сохранил сквозные отверстия продухи, через которые жар от бушевавшего в топке огня проникал в камеру обжига, где стопками стояли сосуды-полуфабрикаты. Хотя сводж камеры не сохранился, он, скорее, всего имел сводчатую форму.

Мы расчищали керамический горн, обмеривали и фотографировали его, начальник отряда составлял глазомерный план памятника. Его внимание привлекла закраина сосуда, торчавшего над поверхностью. Возможно это целый сосуд, некогда находившийся в земле и оказавшийся теперь частично на поверхности в результате естественной дефляции от дождей и ветров.

Расчистка этого участка, и в самом деле, выявила древнюю могилу, в которой находился скелет взрослого человека на боку, в скорченной, как бы «спящей», позе, в окружении более десяти керамических сосудов. В одном из них, согласно погребальным обрядам Тахирбая, находилась каменная биконическая бусина и вдобавок бронзовый браслет. Шею умершего украшало ожерелье из разноцветных бусин и круглый амулет, выточенный из яшмовидной породы камня. На одной плоскости его была выгравирована извивающаяся змея, на второй – крестовидная фигура. Тогда мы еще не могли по достоинству оценить эту находку, и прошло свыше полутора десятка лет, пока стало ясно, что подобные амулеты составляют особое явление в глиптике Маргианы.

Но что же представляют собой памятники типа Тахирбая и Аучина? В результате специального исследования было установлено, что эти памятники относятся к II тыс. до н.э. и ближе всего напоминают культуру племен, обитавших в предшествующее время рядом, в Южном Туркменистане. Сходство было настолько полным и показательным, что было высказано предположение о существовании особого маргианского варианта культуры позднебронзового века Туркменистана. Более того, создавалось впечатление, что маргианские поселения основаны выходцами из Южного Туркменистана, причем скрупулезный анализ соответствующих материалов позволил конкретизировать такие допущения. Все это дает право предположить, что вначале были основаны памятники типа Аучина. Обитатели тахирбайских поселений относятся к более позднему времени. Раскопки в последующие годы принесли новые доказательства этому, расширили наши знания и представления о древней истории все еще загадочной нам страны Маргуш.

Глава 3. Восстание в пустыне

Как бы ни были интересны результаты наших работ на Тахирбае, в плане экспедиции было исследование другого памятника – Яз депе, также расположенного в Маргиане, но

относящегося скорее всего к другому народу. В самом деле, на этом огромном памятнике среди обычной светлой керамики, сделанной на гончарном круге и почти ничем не украшенной, резко выделялись немногочисленные обломки посуды, вылепленной вручную, да к тому же украшенной расписными узорами. Она очень напоминала посуду, бытовавшую у южнотуркменистанских племен еще в глубокой древности, начиная с V-IV тыс. до н.э. Чтобы выяснить эти вопросы наша экспедиция перебазировалась весной 1955 г. с Тахирбай на поселение Яз дepe. Сейчас этот памятник расположен среди хлопковых полей совхозов, а тогда, четверть века назад, до ближайшего колодца нужно было добираться много десятков километров. Вокруг была настоящая, нетронутая еще человеком пустыня, и нередко возвращаясь затемно из маршрутных поездок, мы видели в свете фар, пугливо шарахающихся от машины, джейранов.

Древнее Яз дepe состоит из высокого бугра, бывшей цитадели, и расположенных вокруг него, более низких оплывших холмов самого поселения. Цитадель имеет форму неправильного прямоугольника высотой 12 м. В середине восточного фаса располагается довольно глубокая лощина, отмечающая былой въезд в цитадель.

Небольшие всхолмления на северном и западном фасах возможно являются остатками былых оборонительных башен. Вокруг цитадели располагаются бугры высотой до 4 м., представляющие собой руины домов поселения. Вместе цитадель и поселение занимают площадь свыше 15 га, выделяя этот памятник в один из крупнейших в системе всей Средней Азии.

Для начала нам предстояло выяснить самый загадочный вопрос – когда же на самом деле появились здесь люди, основавшие это огромное и интригующее поселение. С этой целью было заложено два шурфа, выявившие многометровую свиту культурных отложений. Что же представляют собой и как образуются «культурные слои», так часто упоминающиеся в литературе по археологии?

В древности, по крайней мере в ту эпоху, о которой идет речь, обожженного кирпича еще не было. При строительстве зданий использовался сырцовый кирпич прямоугольной формы длиной до полуметра. Сотни и тысячи таких формованных кирпичей штабелями сушилось на солнце, прежде чем пойти на строительство.

Поскольку материк, или древняя донная поверхность, представлял здесь аллювиальные, часто глинисто-песчаные отложения древней реки Мургаб, то для прочности с самого начала будущую «строительную площадку» обычно заливали слоем глины, на котором уже возводили здание. Как и теперь стены строили из кирпичей на жидком глиняном растворе, а затем с обеих сторон покрывали глиняной же штукатуркой. Этнографические наблюдения современных сырцовых домов Востока показывает, что такой дом мог существовать не более 50-60 лет, после чего уже было бессмысленно его ремонтировать.

Пришедший в ветхость, дом разрушали, битый кирпич утрамбовывали под прочный фундамент, и на старом месте возводили стены нового дома. Иногда обитатели старого дома свою новую постройку переносили на другой конец поселения, и тогда заброшенный участок мог превратиться в мусорную свалку.

Но размеры древних поселений были не беспредельны, и наступало время, когда какая-то семья вынуждена была использовать былую свалку под строительство нового дома. Тогда утрамбовав уплотненные мусорные слои, она возводила на этом месте собственный дом.

В течении десятков и сотен лет в результате подобной последовательности такие поселения превращались в «слоеный пирог», который все больше рос вверх, образуя те бугры и холмы, с которыми и имеют дело археологи.

Естественно, что самые нижние из слоев относятся к наиболее древнему времени, фиксируя тем самым начальный период возникновения жизни на этом месте. И соответственно самые верхние, наиболее поздние, слои отмечают последний, заключительный период в жизни памятника.

Вот такую-то работу и предстояло нам проделать на Яз дepe, чтобы с точностью установить, когда же на самом деле появились здесь первые строения, в которых жили самые древние обитатели этого конкретного поселения. Для начала был выбран наиболее высокий холм, который должен был соответственно содержать наибольшее количество строительных остатков, на южной окраине Яз дepe, где высота его достигала пяти метров. Сверху здесь сразу же под дерновым слоем появились стены и мусорные слои самых поздних по времени строений. На полах и в засыпках нам встретилась однотипная керамика, которой пользовались жители накануне того момента, когда по тем или иным причинам они окончательно оставили это место.

Как оказалось, в своем быту жители использовали посуду сделанную в основном на гончарном кругу. Особенно популярными у местных хозяек были стройные банкообразные сосуды с подкошенной придонной частью, обломки которых в большом количестве были найдены в этих слоях. Мы прошли почти пятиметровую толщу напластований, состоящих из стен, полов бывших зданий и мусорных наслоений, и везде среди керамических обломков были примешаны фрагменты подобных банкообразных сосудов. Помимо них в древнем быту использовались глубокие миски, пузатые кринки, чашки, вазочки.

Примечательно, что вся эта посуда ничем не украшена, если не считать желтовато-белый ангоб, или иначе, жидкую подсвеченную глину, которую древние гончары наносили на внешнюю поверхность сосудов. Если учесть, что сами сосуды после обжига приобретали ярко-красный цвет, то такое сочетание выглядело достаточно эффектно. Главное внимание гончары обращали на создание новых форм керамической продукции.

Итак, шурф прорезал пятиметровую глубину культурных слоев, его дно уже находилось на уровне окружающей равнины. Казалось, здесь-то и должны находиться стены самых древних сооружений памятника, но под лопатами рабочих все шли культурные наслоения, уходя дальше в толщу, выбранного нами для раскопок, холма. Понадобилось еще много дней раскопок пока шурф, действительно, не вышел на материковые глинисто-песчаные слои, не содержащие никаких следов обитания человека. Шурф теперь достигал глубины 7,5 м, уходя ниже окружающей поверхности на 2,5 м. Очевидно, что за прошедшие три тысячелетия окружающая равнина «подняла» свой уровень на 2,5 м, что было связано с аккумуляцией и частичным оплывом бугров самого памятника. На пятиметровой глубине резко изменила свой облик керамика: вместо гончарной, вычурных форм посуды появились обломки грубых, вручную вылепленных сосудов, украшенных к тому же красочными, расписными фризами и орнаментами. Правда, и в лежащей ниже 2,5 м толще слоев встречались единичные обломки гончарной керамики, но она теперь становится наиболее массовой и показательной.

Обширные раскопы, заложенные в различных частях поселения, подтверждали подобную закономерность. Почти повсюду самые ранние слои включали лепную, в том числе расписную посуду, которую в вышележащих слоях постепенно сменяла гончарная посуда, вплоть до полного исчезновения лепной расписной.

Другой раскоп на Яз дepe выявил часть древней планировки последнего периода, состоящей из серии взаимосвязанных помещений, построенных из сырцового кирпича. Результаты этих раскопок показали, что частные дома на Яз дepe состояли из небольших жилых и хозяйственных помещений, группировавшихся вокруг внутреннего дворика. Между собой такие многокомнатные дома разделялись прямыми улочками, а вместе они образовывали застройку всего поселения.

Помимо обломков посуды, этого наиболее массового вида находок, в одном из помещений археологам посчастливилось расчистить кучу сильно окислившихся железных предметов, включающих несколько проушных топоров и долота. Не исключено, что это был дом мастера по обработке дерева, а находки составляли его инструментарий. Каменные зернотерки, пестики, терочки, встреченные в ходе этих раскопок, бесспорно использовались для обмолота и приготовления муки из пшеницы и ячменя, обугленные зерна которых, кстати, также были найдены при работах на Яз дepe.

Чем больше накапливалось материала, тем больше появлялось новых проблем, для разрешения которых требовались дополнительные раскопки. Уже третий месяц шли работы в Маргиане, причем в самую жаркую летнюю пору. Рабочие, нанятые в Байрам Али, с каждым днем становились все сумрачнее и угрюмее. Казалось, не видно конца ни раскопкам, ни адской жаре, от которой некуда было спастись.

Монотонная, однообразная работа на раскопках, куда надо было идти еще в предрассветное время пока солнце не набрало всей своей адской силы; однообразная пища; пыльные бури – все это не только утомляло физически, но и действовало на психику. Веселые и деятельные в начале полевого сезона, рабочие постепенно становились все более замкнутыми. Не помогали даже субботние поездки домой в Байрам Али. Наоборот, после двухдневного расслабления в домашних условиях, им все труднее было входить в экспедиционный режим, заставляя себя снова ехать в пески на утомительную и, в общем-то, тяжелую работу землекопов.

Эту, достаточно мрачную, атмосферу разряжал лишь новый сотрудник экспедиции, человек трудной судьбы – Сергей Николаевич Юренев.

Выходец из потомственной, но обедневшей интеллигентной дворянской семьи, он с блеском закончил учебу в Петербурге и затем долго работал искусствоведом в одном из провинциальных музеев России. Судьба бросала его в разные концы страны и не всегда по его собственному желанию, пока он не осел в Бухаре, городе, который полюбил всей душой еще в юности. Работал и жил он здесь в одной из келий средневекового медресе, занимаясь вопросами реставрации архитектурных памятников Бухары. Высокий, стройный, несмотря на свои годы, с тонким носом и длинной бородой, он олицетворял собой живой портрет Дон Кихота. Да и вся его жизнь в чем-то была похожа на судьбу легендарного рыцаря. Только не было у него семьи, в своей келье он соблюдал стерильную чистоту и аккуратность. Все его немногочисленные вещи стояли и лежали в строгом порядке в определенных местах, сверкая чистотой. Ограничиваясь в быту самими минимальными потребностями, ведя спартанский, почти аскетический образ жизни, он все свои деньги тратил на покупки этнографических экспонатов. В каждый базарный день он позволял себе подобное, как он говорил «пьянство», покупая у торговцев то ветхий, полувыгоревший на солнце, коврик, тканые узоры которого уходят в тысячелетние традиции; то старинную треснувшую пиалу с китайским рисунком; то медную ступку. Годами вел Сергей Николаевич жизнь затворника иной раз буквально перебиваясь с хлеба на воду. Зато купив очередной маленький палас, какие уже давно были вытеснены машинными коврами, он с детства непосредственностью радовался покупке.

В результате у него в келье собралась настоящая музейная коллекция, в чем-то не уступающая даже бухарскому музею, куда, в конечном счете, она и была передана по его завещанию.

Пожалуй, не было ни одного жителя в Бухаре, который бы не знал в лицо высокого человека с характерным прозвищем «Калон Бобо», т.е. «высокий старик», в чем подразумевался не только его рост, но и высокие душевные качества.

Помню, как однажды он показывал мне сердоликовую вставку с изображением римского воина. «Если вставить ее в серебряную оправу, получится замечательный перстень, который подойдет к серому с искоркой костюму», - увлеченно говорил мне Сергей Николаевич, одетый в застиранные, хотя и чистые, брюки и выцветшую на солнце рубашку.

Но еще задолго до этого, он работал с нами в Маргиане. И тогда в редкие воскресные дни Сергей Николаевич выезжал в город, спешил на базар, где покупал то самодельную туркменскую обувь – чарыки, то резной деревянный половник, то медный, окислившийся от времени, кувшин.

Деля с нами экспедиционные горести и радости, он был одинаково вежлив и с научными сотрудниками, и с рабочими. Его неизменное обращение на «Вы» сначала вызывало у них недоумение, они даже слегка подтрунивали над ним, но постепенно рабочие оценили это, а «Калон Бобо» стал самым уважаемым лицом в экспедиции. Во время

коротких перерывов в работе он занимался музыкальной этнографией. Присаживаясь к рабочим-землекопам: то туркмену, то курду, то белуджу – он просил напеть ему какую-нибудь, уже слышанную, песню. Записывал в дневник все тонкости музыкальных модуляций их песенного репертуара.

Часто это вызывало улыбку, иногда, кто-нибудь из рабочих, давясь от смеха, напевал очередную песенку и косился на чудаковатого старика. Но при всем при том «Калон Бобо» завоевал у них непререкаемый авторитет. И доказательства тому выявились при нескольких драматических обстоятельствах.

Настали самые жаркие июльские дни. Солнце не просто палило; оно обжигало, кололо тела тысячью жгучих иголок. С раннего утра и до восхода, не выпив даже чаю, все спешили на раскопки, чтобы успеть до полуденной жары выполнить свою дневную норму. Уже к полудню все живое замирало вокруг, и мы все тихо исходили потом под кузовом «Урала», ожидая благодатного вечера с его легким ветерком и относительной прохладой. Трудно было всем, но рабочим-землекопам – в особенности. Температура воздуха в тени доходила до 45-47 С, а им приходилось копать землю на открытом солнце, все выше и выше выбрасывая ее наверх из глубокого шурфа. И, наконец, все это кончилось взрывом. Одно неосторожное слово кого-то из сотрудников экспедиции, и вот уже брошены лопаты и носилки, оставлена незаконченная работа, послышались требования расчета. Забурлили озлобленные страсти, уставших физически и особенно морально, людей. Кто-то уже кричит из палатки: «Здесь пустыня, здесь прокурора нет!» Кто-то демонстративно собирает и чистит охотничье ружье. Многие собирают свои вещи и все требуют расчета.

Настоящее восстание в пустыне! И в этот кульминационный момент наш начальник, бодро сверкнув роговыми очками на мясистом носу, бросив нам крылатое: «Я пошел решать проблемы древней ирригации», скорым солдатским шагом, четко и недвусмысленно устремился в пустыню, оставив все жизненные проблемы в лагере. Тогда-то и обнаружился авторитет Сергея Николаевича. Я так и не знаю, о чем он говорил с рабочими, но лишь он один из нас отважился пойти в палатку, набитую разгоряченными людьми, после чего страсти постепенно улеглись, и мы продолжили и удачно завершили наши раскопки.

Прошло больше четверти века, но и сейчас еще, встретившись в Байрам Али с кем-нибудь из бывших наших рабочих, мы всегда вспоминаем Сергея Николаевича, человека необыкновенного и редкого.

Как бы то ни было, но полевой сезон 1955 г. мы закончили с замечательными результатами. С документальной точностью установили, что в эпоху бронзы в Маргиане существовала не одна-две, а группа памятников типа Тахирбая и Аучина, обитатели которых хотя бы частично были выходцами из Южного Туркменистана. Более того, было доказано, что по соседству с ними обитали люди иной культурной принадлежности, люди расписной керамики, столица которых располагалась на поселении Яз депе. И хотя, и те, и другие были древними земледельцами, их исторические судьбы, и в частности взаимоотношения, все еще оставались загадкой для нас.

Чтобы разгадать эту загадку, на следующий год мы снова вернулись в Маргиану.

Осенью 1956 г. обстоятельства сложились так, что прежде чем поехать в Маргиану, мне пришлось ненадолго принять участие в раскопках неолитического поселения Джейтун, расположенного неподалеку от Ашхабада, но уже в песках. Ранее было установлено, что этот памятник – самый древний из тех, где люди впервые, еще в VI тыс. до н.э., перешли к оседлому образу жизни. Они уже научились строить дома из глины и примитивных кирпичей, составлявшие целые поселки. На прилегающих к селениям полях они выращивали ячмень и пшеницу, начали одомашнивать диких животных.

Памятники оседлоземледельческой, неолитической культуры прерывистой цепочкой протянулись вдоль подножий Копетдата в Южном Туркменистане, продолжались далеко на восток, немного не доходя до г. Серахса. Дальнейший прогресс племен джейтунской культуры заложил основы для развития высокоразвитого древнеземледельческого общества поры энеолита и бронзы. Ключевой памятник местной неолитической культуры, поселение

Джейтун, и предстояло мне раскапывать в течении двух-трех недель. Сам бугор Джейтун, полузасыпанный вплотную подступающими к нему песками, и представлял собой остатки бывшего поселения, состоявшего всего из нескольких десятков древних домов.

Из-за удаленности Джейтуна от населенных пунктов создавались определенные трудности: нужно было издалека набрать и привести рабочих, содержать большой лагерь, вести сложное хозяйство. Основную рабочую силу тогда составляли либо десятиклассники, не попавшие в институты, либо люди постарше, но еще не устроившие свою судьбу в жизни, либо решившие подправить свои дела случайными заработками.

Вот тогда то я и познакомился с одним таким десятиклассником, Данатаром Гулмурадовым, не предполагая, что случайное наше знакомство перейдет в дружбу, которая продолжится многие десятилетия.

Уже на следующий год после наших работ на Джейтуне он поступил, а через пять лет успешно закончил институт и стал работать в своем родном городе Теджене. Именно через этот город во все последующие годы приезжали наши машины, тяжело груженные экспедиционным оборудованием, направляясь на раскопки очередных памятников. И пожалуй нет ни одного археолога, которому не была бы оказана здесь помощь. Каким только бессовестным образом не эксплуатировали мы дом, семью и долготерпение гостеприимного Данатара. Здесь ремонтировались наши экспедиционные машины, следуя проездом из Ашхабада на место раскопок, здесь пополнялись экспедиционные запасы продуктов, здесь многие из нас проводили свои лучшие дни перед отъездом в пески.

Но обо всем этом подробнее дальше. А сейчас Данатар вместе с други рабочими усердно трудится на раскопках Джейтуна. Под их лопатами выявляются остатки стен жомов, в которых едва ли не десять тысяч лет назад жили все, кто заложил основу среднеазиатской цивилизации. На полах комнат вместе с обломками посуды в изобилии встречаются кремневые пластины, скребки, трапеции, - орудия труда первых земледельцев Средней Азии.

Значение этих находок было особенно важным, так как они осуществляли связь с племенами предшествующей мезолитической эпохи. Такие орудия употреблялись местными мезолитическими племенами, но еще до того как они перешли от бродячей жизни охотников и собирателей к оседлому образу жизни.

Понимая всю важность подобных находок, основной руководитель раскопок Джейтуна назначил небольшое денежное вознаграждение рабочему, нашедшему кремневую трапецию. И уже вскоре его полевая коллекция резко пополнилась этими мелкими, плохо заметными, но чрезвычайно важными кремневыми изделиями. Рабочие буквально охотились за трапециями, которые затем систематизированные и классифицированные, подсчитанные до самого последнего обломка будут учтены в соответствующих таблицах будущих книг археологов. На основании их будет потом выведено их процентное соотношение в общей массе кремневых орудий, что и найдет свое отражение в книге «Поселение Джейтун». Но полезное само по себе начинание, перешло потом в нездоровый ажиотаж. И вот уже в обеденный перерыв некоторые из «деловых» рабочих, забравшись за высокий бархан, подалее от глаз начальства, собирали эти кремневые орудия трапецевидной формы с поверхности памятника. Надежно спрятав их в карман, затем подбрасывали их в раскоп под собственные лопаты, требуя от начальства обещанного денежного вознаграждения.

Но вернемся в Маргиану. На этот раз мы сразу же приступили к продолжению раскопок на Яз депе, совершенно оставив в стороне тахирбайскую группу памятников, и как оказалось – напрасно. Пройдет без малого почти двадцать лет, пока дальнейшие исследования древнеземледельческих поселений в Маргиане не приведут нас к открытию здесь никому ранее не известной страны. Но все это будет потом, а пока мы снова на месте нашего старого лагеря.

Поставлены палатки, расставлены раскладушки, разведен огонь в старом очаге, и экспедиционный лагерь готов. Правда, на этот раз, учитывая печальный опыт прошедшего сезона, мы все же достали у хозяйственников кусок брезента. Натянув его на четыре высоких

кола, мы, наконец, получили ту тень, которой нам так не хватало в прошлом году. И как раньше экспедиционный пейзаж снова оживлял наш испытанный друг «Урал».

Итак, работы очередного полевого сезона начались. Но на этот раз решено было сосредоточить их на раскопках наиболее возвышенной части поселения – на цитадели Яз депе. Мы уже давно с завистью поглядывали на высоченные бугры цитадели, нередко поднимались туда по крутым склонам в надежде сделать какую-нибудь находку.

Должно быть, непростое сооружение располагается так высоко, доминируя над всем древним поселением. Может быть, под оплывшими руинами располагается царская резиденция, а может, храм неизвестной нам религии. Словом, слишком много напрашивалось вопросов, чтобы не рискнуть и не попытаться найти хотя бы частичный ответ на них в процессе раскопок.

Правда, еще раньше, в самом начале работ на Яз депе, наверху предполагаемой цитадели была заложена траншея длиной 26 м, выявившая сплошную кирпичную кладку, по-видимому, от платформы, на которой и было сооружено монументальное здание.

Продолжение этих работ с документальной точностью установило, что с самого начала здесь на чистом месте была возведена кирпичная платформа до 8 м высотой. Древние строители отчетливо представляли себе, какое астрономическое количество кирпичей понадобится им для возведения такого грандиозного сооружения.

Вышли из сложного положения они при помощи остроумного строительного приема. Платформу они сделали состоящей не из сплошной кирпичной кладки, а в виде «сетки», где участки выложенные регулярной кладкой кирпича чередовались с участками, забитыми сплошным строительным завалом. Таким хитроумным способом они сумели сэкономить многие тысячи кирпичей и вместе с тем воплотить в жизнь свой грандиозный замысел. На ровной площадке возведенной платформы они построили монументальное сооружение, планировка которого заслуживает особого внимания.

Общий план закрытого здания составляют три ряда продолговатых и квадратных помещений, соединенных друг с другом чрезвычайно узкими и длинными коридорами. Особенно выделяется обширный зал в восточной части комплекса, в углу которого сохранился встроенный кирпичный сегмент, полукругом выступающий внутрь помещения; второй полукруглый выступ имеется в середине западной стены. Внутри зала сохранились два кирпичных столба, по-видимому, поддерживающих когда-то его кровлю. В последующее время здание частично перестраивалось, закладывались одни проходы, пробивались новые. Даже не полностью раскопанное сооружение производит величественное впечатление. Что же это было: дворец или храм? Пока здание полностью не раскопано однозначный ответ на это дать трудно. Бесспорно лишь одно, что это было явно монументальное сооружение, особого, не бытового назначения.

Со временем весь этот монументальный комплекс потерял свое былое назначение, и был обжит рядовыми жителями, свидетельством чему служат обычные находки хозяйственного происхождения. Правда, в помещениях было обнаружено большое количество ядер для метания и бронзовые наконечники стрел, так что можно предположить, что бывший дворец или храм использовался также для обороны во время возможных неприятельских нападений. Укрывшись высоко вверху, за толстыми стенами цитадели, жители могли переждать там любую осаду врага. Хотя раскопки цитадели остались незавершенными, вскрытый план монументального сооружения находит параллели в соответственных памятниках, но относящихся к иному культурному кругу, как в той же Маргиане, так и в далекой Бактрии.

Помимо большой коллекции керамики, и в особенности расписной посуды, при раскопках Яз депе было найдено разнообразное бронзовое оружие, в особенности многочисленные наконечники стрел, но почему-то – ни одного украшения. Зато, потерянная серьга стала счастливой находкой археологов, раскапывающих поздние строения на Яз депе.

Забегая вперед, отмечу, что исследования в Маргиане приведут к открытию небольших сельских поселений с такой же лепной расписной посудой, но ни одно из них по

своему значению и в малой степени не может быть сравнимо с Яз депе. Все они – не более, как периферийные, захолустные деревушки перед яркой звездой – столицей Яз депе, с ее монументальными зданиями, гордо вознесенными на высокую цитадель. Пройдут годы, и, когда в 1969 г. будет организована советско-афганская археологическая экспедиция, именно ей выпадет удача открыть очень похожий памятник, расположенный в Бактрии на территории Северного Афганистана. Этот памятник под названием Тилля Тепе известен открытием там великолепных царских захоронений античного времени, но блеск найденного в Тилля Тепе золота не смог затмить научную значимость скромных, вылепленных вручную черепков, украшенных расписными узорами.

До раскопок Тилля Тепе памятники этой культурной принадлежности были известны лишь в Маргиане да частично в Южном Туркменистане. Теперь же историческая арена существования родственных племен значительно расширилась, включив Бактрию и отчасти Иран. Многолетние раскопки Тилля Тепе не только установили принадлежность ее обитателей к той же культуре, что и Яз депе, но и выявили здесь кирпичную платформу шестиметровой высоты, наверху которой оказалось сооружение, монументальное здание размером 36 на 28 м. По внешнему краю оно было обнесено мощной оборонительной стеной с угловыми башнями. С самого начала оно состояло из центрального здания, которое затем было частично перестроено, в результате чего в нем образовались два зала.

Большой зал с девятью колоннами, на полу в центре сохранил алтарь, меньший зал имел шесть колонн. Судя по всему, и в первую очередь по алтарю, оказавшемуся заполненным чистой, слежавшейся золой, все это здание являлось храмом огня, вознесенным на высокую кирпичную платформу. И именно это обстоятельство, имеющее принципиальное значение, роднит между собой Яз депе и Тилля Тепе. А различие их планировки отражало их разное назначение. Основным исследователем Яз депе склонялся к мысли, что здесь располагался дворец, резиденция местного маргианского правителя.

И все же, приходится признать, что, несмотря на ширококомасштабные раскопки, проведенные в Маргиане и Бактрии, мы до сих пор не знаем с точностью происхождения обитавших там людей. Хотя их родство не вызывает сомнения: близкие памятники типа Кучук Тепе в Узбекистане и некоторых поселений около Кучана в восточном Иране так же относятся к этому культурному кругу. Но далее нить логических сопоставлений обрывается. Ведь в очередной зоне люди расписной керамики появляются внезапно, производя впечатление пришлых племен. Единственно, что можно считать доказанным, это хронологический приоритет людей, обитавших в Тилля Тепе, перед остальными. Все вместе, они производят впечатление племен, широко расселившихся по азиатским просторам, но движение которых шло в восточном направлении. Не исключено, что в дальнейшем окажется установленной их связь, а возможно и происхождение из юго-западного Ирана, что, однако, является делом будущего.

Глава 4. Поиск в песках

Прошло почти семнадцать лет с момента открытия первых древнеземледельческих памятников Маргианы, Тахирбая и Аучина, обстоятельства сложились так, что все внимание археологов было перенесено на изучение еще более древних памятников, но расположенных на юге Туркменистана в предгорьях Копетдага. В результате почти двадцатилетних работ многих экспедиций на разновременных памятниках Южного Туркменистана наши представления о ходе развития древней истории этой страны значительно расширились и изменились.

Если взглянуть сверху, с высоты птичьего полета, на крайний юго-запад Средней Азии, территорию современного Туркменистана, то увидится огромный океан вздыбленных песков великой пустыни Каракумы, почти вплотную подступившей к предгорьям Копетдага.

И лишь приглядевшись внимательно, заметишь узкую зеленую полоску подгорной зоны, как бы вклинившейся между скальными отрогами Копетдага и барханами Каракумов.

А между тем, именно эта, казалось бы невзрачная, узкая полоска земли и является центром древнейшей культуры на территории нашего государства. Именно здесь еще в VI тыс. до н.э. зарождаются истоки яркой среднеазиатской цивилизации в виде памятников типа Джейтуна, которые удивят мир блеском и своеобразием своей культуры. Но понадобились многолетние археологические исследования, многокилометровые маршруты, поиски и ширококомасштабные раскопки, чтобы выявить многотысячелетнюю историю среднеазиатской цивилизации.

Уже в X-VI тыс. до н.э. в Прикаспии появились люди, занимавшиеся охотой и собирательством. Особенно интересной оказалась пещера Джебел в западных отрогах хребта Балхан, где мезолитические охотники и собиратели в течение многих сотен лет находили себе убежище. Вооруженные кремневым оружием, они охотились на джейранов, горных баранов, быков, куланов. Не исключено, что охотники начали приручать овец. Это и привело со временем к зарождению домашнего скотоводства. Казалось бы, именно эти обитатели скальных гротов и пещер и должны были в эпоху неолита спуститься с гор в предгорье Копетдага и оставить после себя поселки типа Джейтун, которые появляются в предгорьях Копетдага уже в VI в. до н.э., однако полной уверенности в этом еще нет. Среди специалистов нет согласия в том, что именно охотники и собиратели мезолитического времени и были предками тех, кто основал первые оседло-земледельческие поселения типа Джейтуна. Но независимо от окончательного решения, нет сомнений, что такие поселки свидетельствуют о том, что вчерашние охотники, рыболовы и собиратели, откуда бы они не пришли в Туркменистан, постепенно перешли от бродячего и полубродячего образа жизни к оседлому, заложив тем самым основы будущей среднеазиатской цивилизации. Эти люди не только научились возводить из глины долговременные поселки, но и, что важнее, уже знали древнейшее земледелие. Из серии раскопанных археологами неолитических поселений наиболее интересным является упомянутое поселение Джейтун, расположенное в контактной зоне подгорной равнины Копетдага и песков пустыни Каракум. Поселение Джейтун было построено на высоком песчаном холме, в дельтовой части небольшой подгорной речушки, которая в весенние паводки приносила с собой массу воды.

Именно на таких естественных развалинах, не требовавших сложных навыков и больших затрат труда, и базировалось древнейшее земледелие. Поселки первых земледельцев состояли из отдельных однокомнатных домов и прилегающих двориков с хозяйственными постройками. Орудия труда и оружие изготавливались исключительно из кремня: особенно интересны примитивные костяные серпы с кремневыми лезвиями, которыми древнейшие земледельцы собирали со своих полей урожай зерновых. Кремневые скобели для обтачивания различных деревянных и костяных изделий, кремневые сверла для проделывания отверстий в камне и керамике. Ножи, развертки, пилки, скребки, проколки, шилья – все они изготовлены из того же кремня. Отсутствие естественных месторождений кремня вокруг Джейтуна предполагает необходимость далеких экспедиций в горы Копетдага. Зато крупные камни, из которых изготавливались зернотерки, ступки и персты для размалывания зерна могли попасть сюда вместе с бурными потоками речушек при весенних разливах. Из костей животных изготавливали костяной инвентарь, как например, иглы, приколки, различные скобящие орудия, необходимые для обработки шкур. Люди, жившие в таких поселках, изготавливали керамическую посуду, украшая ее расписными орнаментами.

О развитии древнейшего земледелия свидетельствуют десятки таких неолитических поселков, вытянувшихся хотя и прерывистой, но связанной цепочкой вдоль подгорных ручьев, стекавших с Копетдаты. Каждое такое поселение состояло из нескольких десятков домов, разделенных дворами и узкими улочками. Прогресс местной неолитической культуры, обусловленный благоприятными экологическими условиями, приводит к дальнейшему развитию местных племен, которые в V тыс. до н.э. уже знакомятся с первыми

медными изделиями, знаменующими своим появлением смену неолитической эпохи периодом энеолита. Увеличиваются в размерах древние поселения, дома которых возводятся из стандартного, прямоугольной формы сырцового, высушенного на солнце кирпича. На смену однокомнатным, приходят многокомнатные дома, отделенные друг от друга узкими улочками, переулками, дворами. И хотя в древнем хозяйстве в основном все еще используются каменные орудия, наряду с ними наиболее удачливым археологам, попадаются в руки уже медные украшения и мелкие медные орудия. Создается впечатление, что в IV тыс. до н.э. поселки энеолитического времени занимают все наиболее благоприятные для ведения земледельческого хозяйства плодородные оазисы подгорной полосы Копетдага. Нехватка таких земель постепенно приводит к колонизации новых, расположенных дальше на север от подгорной полосы. Видимо, именно таким образом складывается крупный оазис энеолитических поселений в дельте р.Теджен. Выход части древнего населения из предгорий в долины таких больших рек, свидетельствует о дальнейшем расцвете местной культуры.

Особенно заметны успехи в культурном развитии, свидетельством тому являются поселения у ж/д станции Геоксюр. Столичное поселение площадью свыше 10 га, с правильной и регулярной планировкой, демонстрирует новый тип памятников этого времени. Керамическое искусство представлено великолепными образцами художественной керамики, хотя еще изготовленной вручную, но украшенной сложными расписными орнаментами. Узоры росписей по преимуществу геометрические, они ажурными фризами наносятся древними гончарами на тонкостенные чаши, кубки, миски. Не без влияния культуры соседнего Ирана в начале III тыс. до н.э. в работе местных гончаров появляются новые, в особенности зооморфные мотивы, и в том числе, изображения мягко крадущихся пятнистых барсов, горных козлов, с гордо закинутыми за спину ветвистыми рогами, птиц, рептилий. В это время наблюдается разнообразие различных стилей в керамике, когда, например, обитатели бассейна р.Теджен раскрашивают свою посуду многоцветными замысловатыми орнаментами. Этот характерный полихромовой стиль расписной посуды близко напоминает художественную керамику юго-западного Ирана, что указывает на возможные историко-культурные связи между ними.

Больших успехов в энеолитическое время добиваются и местные гончары: из их искусных рук выходят десятки и сотни глиняных, но преимущественно женских статуэток. Как правило, такие тарракотовые статуэтки изображают обнаженных женщин в сидящем положении. Их бесстрастные, как бы застывшие лица, с крупными носами и большими глазами, видимо, передают внешний облик местных людей, обитающих в III тыс. до н.э. в южном Туркменистане. Нередко головы их украшены длинными косами или сложными прическами с целым рядом горизонтальных буклей. Некоторые статуэтки сохранили раскраску, возможно, передавшую реально существовавшую татуировку. Образы местных вождей можно представить по редким мужским статуэткам со шлемами на головах. Не исключено, что тарракотовые женские статуэтки с пышными формами изображали богиню плодородия, культовые ритуальные обряды в честь которой могли совершаться в святилищах, встреченных в ряде поселений. Хотя кремневые орудия труда еще широко не используются в быту, уже начинают распространяться изделия из меди, пока правда, преимущественно в виде различных украшений и мелкого инструментария.

Развитие древнего ткачества подтверждается находками большого количества керамических прясел. По керамическим колесикам можно сделать предположение об использовании тягловой силы в древнем хозяйстве.

Успехи во всех областях хозяйства и культуры, рост производительности труда и совершенствование орудий труда приводят к все большему расширению посевных площадей и росту населения.

Ярким свидетельством успехов местного общества может служить ирригационная система, служившая для многообразного полива полей, открытая с помощью аэрофотосъемки в дельте р.Теджен.

Как оказалось, уже на рубеже IV-III тыс. до н.э. здесь создается сложная ирригационная система каналов и арыков, подтверждающая высокий технический уровень развития местных племен.

К середине III тыс. до н.э. относится наступление качественно нового периода в истории местных южно-туркменистанских племен, переход от энеолита к эпохе бронзы. Это время знаменуется существенными изменениями в палеоэкономике и общей культуре. Об этих крупных изменениях в общественной жизни людей свидетельствует появление больших поселений типа Намазга депе у Каахка, Углуб депе у Душака и Алтын депе у Меана площадью в несколько десятков гектаров, наряду с которыми существуют и маленькие селения. Многокомнатные дома заселяются большими, связанными кровным родством семьями. Поселения состоят из серий таких многокомнатных домов, разделенных улицами, переулками и небольшими площадями. Не исключено, что в больших поселениях строятся уже монументальные сооружения типа дворцов и храмов, что указывает на дальнейшее усложнение социальной жизни и концентрацию власти в руках отдельных кланов.

Большие изменения наблюдаются и в древнем производстве, особенно в гончарном. Хотя на первых порах гончары еще по старинке изготавливают лепную посуду, раскрашивая ее расписным орнаментом, технический прогресс постепенно приводит к кардинальному изменению гончарного дела. Вместо примитивных керамических печей энеолитического времени, распространяются технически более совершенные большие двухъярусные горны, в которых одновременно могли обжигаться несколько десятков сосудов. Большие изменения произошли с появлением гончарного круга, что значительно повысило производительность труда мастеров-керамистов. Из их искусных рук выходят сотни глиняных сосудов-полуфабрикатов, которые устанавливаются стопками в большие горны для обжига. Появляются кварталы гончаров. Их продукция, еще недавно малочисленная, служившая для обмена на сельскохозяйственные продукты, постепенно приобретает черты товарности. Гончарное дело становится таким сложным и требует столько специальных знаний, что из домашнего промысла превращается в настоящее ремесло.

С появлением гончарного круга главным в искусстве гончара становится выбор формы изделия. Постепенно расписные фризы исчезают полностью, зато керамические сервизы поражают разнообразием и вычурностью своих форм. Хотя и менее заметные, но происходят изменения и в древней металлургии, документальным свидетельством чего являются многочисленные изделия из бронзы. Особенно показательны металлические печати, отлитые в сложной перегородчатой технике, требующей больших специальных знаний. Есть все основания предполагать, что древняя металлообработка эпохи бронзы выделялась в особое ремесло, требующее специальных знаний.

Прогресс в древнем хозяйстве и экономике приводит к дальнейшему культурному подъему. Особых успехов достигает древняя коропластика, причем изобилие женских скульптурок является характерной чертой культуры племен южного Туркменистана конца III, начала II тыс. до н.э. Как правило, это все те же обнаженные терракотовые фигурки преимущественно в сидящей позе, с подчеркнутыми признаками пола. Головы их нередко украшены либо сложными прическами, либо высокими головными уборами. Руки всегда расставлены в стороны, внизу живота начерчен крупный треугольник. В ряде случаев на плечах они сохранили специально нацарапанные знаки, предположительно указывающие на конкретное назначение статуэтки в качестве богини местного пантеона, как например, богиня растений, богиня воды и т.д. Известны редкие обнаженные мужские статуэтки, также с подчеркнутыми признаками пола. Они могли использоваться при ритуальных церемониях, связанных с культом плодородия, в специальных храмах, как например, в предполагаемом храме, раскопанном на поселении Алтын-депе.

Эпоха бронзы Южного Туркменистана характеризуется сложением крупных поселений протогородского типа, строительством монументальных зданий культового и светского назначения, все большим распространением металлических печатей, этих первых символов власти и личной собственности.

Если добавить большие успехи в древнем хозяйстве и ремесле, то станет очевидным, что местное общество в эпоху бронзы достигает подлинных вершин прогресса. Высокий уровень хозяйства и культуры предполагает образование местной цивилизации, входящей в круг передовых центров древневосточного мира. Вместе с тем, пока еще нет прямых данных, которые бы указывали на сложение здесь государства. Напротив, историческая ситуация этой части юго-западной Азии в конце III, начале II тыс. до н.э. настолько сложна, что требует специального исследования, а это дело будущего.

В самом деле, кажется все обещало дальнейших расцвет местной южно-туркменистанской, однако вдруг полностью обезлюдили некогда процветавшие поселения, захирела жизнь на крупных, явно столичных поселениях. Зброшенные, обезлюдившие поселки, заросшие сорняком поля вокруг них – вот что представляли собой теперь многолюдные и процветающие земли в предгорьях Копетдага. Но теперь заселяется Маргиана.

Казалось бы, сам ход научных исследований подводил нас к мысли о продолжении давно оставленных археологических работ в Маргиане. Шли годы, раскапывались и изучались все новые памятники, но опять-таки в южном Туркменистане. Кроме того, как я уже говорил, в 1969 г. была создана совместная Советско-Афганская археологическая экспедиция, которой предстояло проводить свои полевые исследования на севере Афганистана, в непосредственной близости от южных областей советской Средней Азии, где можно было ожидать открытие сходных памятников. Получив приглашение принять участие в этих работах, я, естественно, начал с поисков наиболее интересных мне памятников эпохи бронзы, которые ранее в Афганистане известны не были.

Ландшафт левобережья Амударьи, или древней Бактрии, где предстояло нам работать, до удивления напоминал полупустынный пейзаж соседнего Туркменистана. Те же ровные глади такыров, перемежающиеся с небольшими барханными грядами песка, за которыми опять идут «пятна» такыров. Если учесть, что в северном Афганистане проживает в основном тюркоязычное население, а в районе наших работ – туркмены, то станет понятным ощущение того, что ты не за границей, а у себя дома, на раскопках очередного памятника типа Аучина или Тахирбая.

В тот первый полевой сезон все работы экспедиции были сосредоточены около г.Шиббергана, центра газовой промышленности Афганистана, где с помощью советских специалистов добывался природный газ. Почти на окраине города, среди десятков холмов был открыт уже упоминавшийся бугор Тиля Тепе, которому суждено было через десять лет удивлять мир сенсационными находками золотых ювелирных изделий.

Но все это еще было впереди, а пока поверхность этого холма, к большому нашему удивлению, оказалась усыпанной обломками посуды, сделанной вручную. Это невольно вызывало в памяти ассоциацию с давно проведенными работами на Яз депе. Смутная догадка перешла в уверенность, когда на черепке, поднятом с поверхности Тиля Тепе, удалось рассмотреть, почти совсем выцветший на солнце, расписной орнамент, прямо повторяющий узоры крашенной керамики из далекой Маргианы. Сначала пробные шурфы, а затем раскопы последующих сезонов полностью подтвердили такое предположение, расширив историческую арену существования племен крашенной керамики далеко на восток. Тиля тепе находится в Бактрии, а Яз депе в Маргиане, их разделяют многие десятки и сотни километров непроходимых песков пустыни Каракум. Но факт оставался фактом. Если смешать обломки посуды с обоих памятников, из Бактрии и Маргианы, то потом разобраться, какому из памятников они принадлежат, уже невозможно.

Казалось бы, столь многообещающие находки должны были заставить нас сосредоточить основное внимание на раскопках Тиля Тепе, но последующие открытия оказались еще более заманчивыми.

Специалисты – газовики из советской колонии Шибберган, посещавшие наши раскопки на Тиля Тепе, не раз говорили нам, что по трассе газопровода им нередко попадались россыпи древней керамики. Сначала мы недоверчиво относились к этим

рассказам, да и не было свободного времени, пока, наконец, сотрудник нашей экспедиции А.В.Виноградов не направился в маршрутные обследования песчаных дюн левобережья Амударьи. Специалист по каменному веку, он тем не менее обращал внимание и на другие памятники. В частности, к северу от небольшого г.Акча, двигаясь в сторону Амударьи по упоминавшемуся уже газопроводу, его маршрутный отряд в контактной зоне песков и такыров обнаружил и обследовал несколько холмов, покрытых черепками древней посуды. Собранная с поверхности холмов небольшая коллекция до удивления близко напоминала ту, что мы нашли почти пятнадцать лет назад при раскопках древнеземледельческих поселений Маргианы. Соблазн был настолько велик, что уже в следующем 1970 г. мы предприняли раскопки одного такого холма под названием Дашлы. Уже с первых дней стало очевидным, что перед нами древнее поселение, материальная культура которого до деталей повторяет культуру древнеземледельческих поселений Маргианы. Общая планировка древнего поселка, строительная техника, приемы жилой архитектуры, наконец, однотипный по формату сырцовый кирпич – я как-будто снова вернулся к дням моей юности, когда только-только начинал свои самостоятельные работы, раскапывая Аучин или Тахирбай. Но в особенности поразительное сходство проявилось в однотипности керамики этого северо-афганского памятника Дашлы при сопоставлении его с маргианским Аучином. Окончательно уверились мы в этом, когда в ходе раскопок Дашлы, открыли древнее захоронение, где подобно аучинскому, скелет лежал в скорченном положении, головой на север, в окружении десятков, казалось бы, тех же самых сосудов. Сходство было настолько очевидным, что абсолютно исключало элемент случайного совпадения.

В последующие годы работы в Северном Афганистане, в древней Бактрии, выявились десятки таких же поселений, образующих в древности несколько ирригационных оазисов. Наши открытия дополнились работами узбекских археологов на побережье Амударьи, на территории Северной Бактрии. Раскопки и маршрутные обследования академика А.Аскарова и его коллег с документальной точностью установили существование на юге Узбекистана памятников, до деталей копирующих северо-афганские и Маргианские. Стало очевидным, что Бактрия – страна некогда раскинувшаяся по обоим берегам среднего течения реки Амударьи – во II тыс. до н.э. была населена практически одним и тем же народом, с одинаковой культурой.

Но вернемся к началу раскопок на Дашлы, в процессе которых первые удалось раскопать не обычное амфорное поселение, а настоящую крепость. В самом деле, начав раскопки с середины холма, мы постепенно двигались к его периферии. Под лопатами рабочих с каждым днем выявлялись все новые остатки стен, которые по мере их расчистки соединялись в прямые линии, а при пересечении с другими стенами, образовывали отдельные помещения. Серия таких помещений образовывала общую планировку древнего поселения, которая все более расширялась по мере увеличения масштаба раскопок.

Так продолжалось до тех пор, пока помещения, выйдя на край холма, вдруг не оборвались и не вытянулись в одну прямую линию, а затем не замкнулись на глухой стене, размеры которой поразили воображение археологов. Ширина этой стены достигала четырех метров: она была сложена из сырцового кирпича и образовывала внешнюю оборонительную стену крепости. Пока я расчищал ее внешний край, еще не смея поверить в свою догадку, рабочие продолжали расчищать ее далее. Наконец, пройдя почти 100 м, стена сделала поворот, образуя прямой угол. Расчищая ее дальше, мы, наконец, с документальной точностью установили, что холм Дашлы представляет собой руины прямоугольной крепости размером 100 на 80 м, обнесенной по внешнему фасу четырехметровой ширины оборонительной стеной. Больше того, в четырех углах крепости были устроены мощные круглые башни диаметром до 7 м, сложенные из того же сырцового кирпича.

Тип прямоугольной крепости с угловыми башнями столь раннего времени нам пока был неизвестен не только здесь, но и в соседних странах, в системе всего Ближнего Востока, что представляло собой бесспорное открытие в истории древней архитектуры и гражданского строительства.

Буквально «вылизывая» веником кладку башен, я мысленно возвращался к поселению Аучин. Тогда, пятнадцать лет назад, не было ни средств, ни времени для крупномасштабного исследования. Тем не менее с памятника был сделан глазомерный план, который показал, что Аучин представляет собой небольшое прямоугольное в плане поселения, от которого отходит пониженная часть, своеобразный шлейф, покрытый россыпью битой керамики. Сходство общей прямоугольной конфигурации Аучина с Дашлы дополнялось практически одинаковой керамикой, что вероятно не было случайным. Тогда можно допустить, что и в Маргиане существовали не только неукрепленные поселения, но и крепости подобные Дашлы.

Предположение оказалось настолько фантастичным, что только раскопки могли внести полную ясность, но для этого нужно было снова вернуться в Маргиану и заново исследовать Аучин.

С этой целью и выехала теперь наша маленькая группа археологов весной 1972 г. в сторону Аучина. Почти не имея финансовой поддержки, она состояла из нескольких стажеров и лаборантов, воодушевленных одним лишь энтузиазмом и духом первооткрывателей. Но теперь уже, не в пример прошлым годам, сюда в Маргиану вело ровное асфальтированное шоссе, вокруг – колхозы и совхозы, ровные возделанные поля и фермы, и уже не найти тот колодец, где мы когда-то брали воду.

И хотя наш маршрут лежал дальше на север, в глубину песков, грех было не посетить раскопки Яз депе, с которыми были связаны первые работы в Маргиане. За прошедшие годы дожди и ветры сделали свое дело. Глубокие шурфы полузасыпаны надувным песком, обвалились и заплыли стены монументального здания. На цитадели, у подножия памятника, валяются старые машинные баллоны, ржавые детали от тракторов, хлам от всевозможной колхозной техники. Совершив печальный зиарат (иначе паломничество) к руинам Яз депе, мы двинулись дальше, в сторону колодцев Тахирбай. Новости ожидали нас и здесь. Вместо легкой овечьей кошары и жалкого, глинобитного домика мы увидели целый овцеводческий поселок с автономной электростанцией, свежей водой из отводного от канала арыка, с аккуратными домами – коттеджами. Тысячеголосое блеяние овец и злобный лай чабанских волкодавов встретили нас на ферме, неизменным осталось гостеприимство местных жителей. Тахирбай для нас был последним форпостом цивилизации – здесь была проточная вода, свет, иногда кино, телевизор, словом, все то, чего уже не было впереди, в конечном пункте нашего маршрута.

Переночевав здесь, мы рано утром под соболезующими взглядами чабанов, несмотря на все их предостережения, отправились в путь.

Как и двадцать лет назад петляя между барханами, шла грунтовая дорога через колодец Якипер, пока впереди не появились легкие строения у колодцев Тархан. И здесь тоже были перемены – вместо единственного домика было их уже несколько, оборудованных переносными движками и прочими достижениями современной техники.

Отсюда дорога шла прямо на восток к водосборной яме охотников – Аучин. Но мы, где-то сбившись с дороги, заблудились и рассыпавшись цепочкой, стали прочесывать один за другим одноликие барханы.

На этот раз первому повезло мне – вдали за песчаной грядой просматривалась сероватая верхушка, чуть-чуть отличающаяся по цветовому оттенку от желтоватых песчаных барханов. Прикрыв голову огромными листьями лопухов, уже который час предохраняющих нас от солнечного удара, мы медленно побрели в ее сторону.

Чем ближе мы подходили к холму, тем больше вырастала моя уверенность в том, что мы не зря предприняли этот рейд. Вот уже на ровной желтоватой поверхности, кое-где покрытой редкими кустами черкеза и саксаула, появились светлые блики, потом пятнышки, превратившиеся затем в обычные черепки. Наконец, появились и земляные отвалы от бывших раскопов, почти полностью затянутые надувным песком. В этот день мы уже не способны были устраивать лагерь, на это ушел весь следующий. У подножья памятника, как по

линейке, вытянулась цепочка выцветших на солнце палаток, а рядом тент, прочно укрепленный на высоких кольях. Нам предстояло жить и работать на Аучине.

Мы хотели установить, имеются ли оборонительные стены на этом памятнике и, если да, то попытаться выявить их.. Уже первое, поверхностное обследование дало обнадеживающие результаты. Вооруженный опытом раскопок оборонительных стен на Дашлы, я стал внимательно обследовать внешние края поселения, которые показались мне идущими прямыми полосами с небольшими буграми по четырем углам. Создавалось впечатление, что и здесь мы имеем почти квадратную в плане крепость размером 140 x 150 м с угловыми башнями, но только раскопки могли дать окончательный ответ. Произвести их мы решили на самой возвышенной части, в восточном углу предполагаемой крепости. Собственно говоря, на сколько-нибудь большие раскопки у нас не было ни средств, ни сил, поэтому решено было ограничиться зачисткой гребня внешнего края. Уже первая расчистка показала, что прямо под дерновым слоем идет сплошная кирпичная кладка, состоящая из стандартного сырцового кирпича размером 44 (42) x 20 x 10 см. Дальнейшая зачистка выявила подлинную стену шириной 5 м, которую удалось проследить на отрезке свыше 30 м, когда она повернула под прямым углом, образуя внешний угол былой крепости.

Теперь уже можно было твердо считать, что на Аучине, подобно бактрийским памятникам, располагалась укрепленная крепость с широкими, явно оборонительными, стенами. В таком случае, это была самая ранняя крепость не только в Туркменистане, но и во всей Средней Азии. Не трудно представить нашу радость, когда самые отчаянные скептики, осмотрев наши раскопки, вынуждены были согласиться с этим утверждением. Нашему ликованию не было предела, когда зачищая внешний угол крепости, мы увидели, что кирпичи в этом месте не обрываются ровной, прямой линией, а веером продолжают дальше. Тщательная зачистка выявила круговую систему кладки. Не оставалось сомнений – здесь, подобно Дашлы, располагается круглая угловая башня.

Но дальше начиналось что-то новое. Если на североафганском Дашлы такие башни располагались только по углам, то здесь, рядом с угловой появилась вторая, а затем третья башня. К сожалению, ни тогда, ни сейчас дальше по периметру обводная стена Аучина расчищена не была. Пока можно лишь утверждать, что она имела обводные стены с угловыми башнями, которые, правда, могли продолжаться вдоль всего периметра внешних стен, что однако предстоит выяснить в процессе будущих раскопок.

Параллельно с этим внутри крепости, на пониженной части, нами был заложен небольшой стратегический раскоп общей площадью 12 кв.м. Либо размеры раскопов оказались слишком маленькими, либо он попал внутрь бывшего дома, но никаких строительных остатков от предполагаемых строений здесь обнаружено не было. Да и само культурное заполнение, состоящее из рыхлых натечных слоев, скорее указывало на второе допущение. С другой стороны, вряд ли в обычном дворе можно было обнаружить двенадцать практически целых сосудов, которые хозяйки в древности, как впрочем и сейчас, оставили бы на месте, не забрав с собой. При раскопках многочисленных бытовых памятников, находка одного – двух целых сосудов представляет уж большую редкость. Как правило, в руки археологов попадают черепки от безнадежно разбитых сосудов, а не целые экземпляры.

Непосредственно от крепости, на расстоянии до 200 м тянется россыпь битой керамики, отмечающая остатки самого поселения, где почти 20 лет назад мы обнаружили ранее описанное погребение. На его южной окраине ветры и дожди размыли и частично обнажили небольшой могильник. Раскопать удалось лишь пять могил, в которых все скелеты лежали в скорченном положении на боку, в позе «спящего», преимущественно головой на север. Тщательная зачистка выявила тонкие глинистые, скорее всего дождевые натечки внутри части погребальных сосудов, лежащих к тому же на боку. Это обстоятельство может указывать, что первоначально могильные ямы были пустотелыми в виде склепов, в которых сосуды могли постепенно упасть на бок, а внутрь их натекла дождевая вода, образовав глинистые натечки.

Заупокойные приношения в основном составляют керамические сосуды, причем внутри одного из них находился медный браслет и биконическая бусина, напоминая погребальные обряды не только Тахирбая, но и далекой Бактрии. В этом отношении показательно, что в каждом

погребении поставлен крупный горшок, содержащий кости животных, украшения, туалетные принадлежности, как например, миниатюрный флакон, выточенный из мягкого розового алебаstra. И хотя погребальные приношения весьма скромны, можно не сомневаться в заботливом отношении к умершим родственникам: под их головы они бережно подкладывали большие обломки сосудов. Только в одном погребении шею покойника украшало ожерелье, состоящее из гипсовых, лазуритовых и сердолитовых бусинок. Здесь же располагался круглый амулет с гравированным орнаментом в виде свернувшейся в кольцо змеи. В целом же, это был рядовой могильник местной бедноты, которым родственники при всем желании не могли положить более двух, трех скромных керамических сосудов.

Параллельно с раскопками мы провели и обследование прилегающего района, так как мы знали, что в Бактрии такие памятники составляли целые группы. Перед нами встал вопрос: действительно ли Аучин является единственным памятником или вокруг него имеются и другие, но пока невыявленные. И уже первые же рекогносцированные обследования близлежащих песчаных дюн с документальной точностью подтвердили второе допущение. Стало очевидным, что в эпоху бронзы здесь в аучинском оазисе ключом была жизнь. Как оказалось, вокруг центрального Аучина, на котором шли наши стационарные раскопки, располагалось еще не менее пятнадцати мелких, можно сказать, сельских поселений. По их расположению, цепочкой с севера на юг, можно предположить, что в древности они располагались вдоль одного из протоков дельтового веера древней реки Мургаб. К моменту раскопок почти все они оказались почти полностью развеянными процессами естественной дефляции так, что сейчас от них сохранились лишь россыпи битой посуды на чистом такыре, а бывшие кирпичные дома оказались полностью развеянными и смытыми. Как правило, каждое такое поселение имело свои собственные гончарные горны, ошлакованные остатки которых порой являются единственным признаком, отмечающим место бывшего поселения. Дело в том, что, прокалившиеся от сильного жара, они приобретали огнеупорное свойство, что предохранило их от окончательного разрушения.

Среди обычных небольших деревушек аучинской группы выделяется поселение Аучин-7, расположенное в низине в окружении барханов. Оно представляет собой круглое оплывшее сооружение около 120 м в диаметре, до определенной степени напоминая явно не бытовые, а здания особого назначения типа круглого храма Дашлы-3, раскопанные нами в Бактрии.

С поверхности поселений аучинской группы была собрана коллекция керамики, обычной для эпохи бронзы. Вся она преимущественно имеет светлый фон, однако отдельные фрагменты сохранили сплошную яркокрасную окраску; в единичных экземплярах в быту использовались сероглиняные сосуды. Подобно керамике других древнемаргианских памятников и на аучинских поселениях посуда ничем не украшена. Исключение представляет крупный кубок, на внешней стороне которого сохранилось, нацарапанное еще до обжига по сырой глине, изображение козла. Среди обычных обломков посуды резко выделяются единичные носики от чайников с "мостиком"-дужкой, идущей от носика к венчику самого сосуда.

В массе рядовой, ставшей уже знакомой гончарной посуды, выделяется небольшая группа лепных, грубо изготовленных вручную горшков, украшенных нарезным или нацарапанным орнаментом в виде заштрихованных треугольников и др. Эта категория посуды была широко распространена у степных скотоводческих племен, живших в степях Средней Азии. Отдельные, редкие обломки их встречались здесь еще раньше. Появилось даже предположение о военном вторжении кочевников в традиционно земледельческие оазисы. Имеются сторонники подобной теории и сейчас, но точно так же можно допустить присутствие этой кочевнической керамики на земледельческих памятниках не в результате военной экспансии, а как следствие вполне мирных контактов, в порядке торговых обменов или даже смешанных браков. Тем более, что здесь же в непосредственной близости, среди песчаных выдувов нам посчастливилось найти одну такую стоянку скотоводов, где среди

основной массы лепных с нарезным орнаментом черепков имели место единичные обломки гончарных, более характерных для оседлых аучинских поселений.

Помимо керамики с поверхности аучинских поселений в руки археологов попали кремневые наконечники стрел, каменные сосуды и обломок вазы из мраморовидного камня с небольшим резервуаром и непропорционально длинной ножкой. В дальнейшем мы установили, что подобные вазы встречаются в других маргианских поселениях, а также в Бактрии и Восточном Иране. Причем их не обычное бытовое, а особое культурное назначение представляется наиболее вероятным. Обычными являются находки крупных биконических стеатитовых бусин, нередко украшенных нарезными кружочками, которые были известны еще в северном Афганистане, восточном Иране и Белуджистане. Как и на Тахирбае, здесь не было найдено произведений древнего прикладного искусства, если не считать трубчатую кость животного с тонкогравированным лицевым изображением.

Несмотря на сравнительно ограниченные масштабы работ, результаты наших изысканий превзошли все ожидания. Теперь уже с документальной точностью было установлено, что далеко в глубине юго-восточных Каракумов имеются не только отдельные поселения, но и древний ирригационный оазис, что значительно расширило наши представления о границах обживания человеком Маргианы. Более того, и здесь, наряду с небольшими сельскими поселениями, существовали крепости, игравшие роль административно-культурных центров. В целом же аучинская группа выглядит как небольшой провинциальный оазис, расположенный на северо-восточной окраинной части древнемургабской дельты, где жизнь протекала где-то в середине II тыс. до н.э.

Подобно другим маргианским соплеменникам, местные жители вели земледельческо-скотоводческое хозяйство. На полях, прилегающих к их родным поселкам, они возделывали ячмень и пшеницу, разводили стада домашних животных. На центральном Аучине в крепости находилась местная власть, которая одновременно могла выполнять и культовые обряды. В целом же аучинская группа представляет собой достаточно автономный район, возможно входящий составной частью в более крупное объединение - в Маргианский племенной союз.

По окончании работ в аучинском оазисе нам предстояло заняться прерванными много лет назад раскопками в поселении Тахирбай-3. Перебазировавшись сюда с Аучина, мы решили придерживаться уже выработанной методики исследования: наряду с раскопками Тахирбая параллельно проводить обследования его окрестностей с целью выявить возможные новые поселения. Для этого в центре Тахирбая мы заложили новый раскоп размером 10x10 м. Мы хотели узнать, что же представляла собой древняя планировка, и тем самым установить характер застройки рядовых поселений Маргианы. В результате раскопок нам удалось выявить улочку, идущую с востока на запад, по обе стороны от которой располагались многочисленные дома рядовых обитателей поселения. Сами дома группировались вокруг внутренних двориков, в одном из которых располагался тандыр - печь для выпечки хлеба. Еще в 1955 году тандыр, устроенный внутри двора, был нами раскопан на другом участке этого же поселения. Как видно, обитатели Тахирбая, как правило, устраивали во дворах тандыры, может быть даже один на несколько семей, где готовили основную пищу земледельцев - горячие лепешки.

К северу от улицы располагался ряд взаимосвязанных между собой прямоугольных помещений, внутри которых мы нашли много древней посуды. Особенно богатый набор керамики был обнаружен в одной из примыкающих к улице комнат, где прямо на полу находилась группа из 17 целых, поразительно однотипных сосудов в виде небольших, пузатых горшков, аккуратно сделанных на гончарном круге. Срыв пол, на котором они стояли, мы углубились ниже и выявили более ранний пол этого же помещения. Здесь также мы обнаружили группу из восьми целых сосудов и рядом каменный светильник в виде цилиндра с углублением в торцевой части и каменного же сосуда. Обычно такие светильники клали в могилы покойников. Возможно, и здесь мы имеем пример кенотафных

захоронений. Когда тело человека, скончавшегося на чужбине, далеко от родных мест, не могло быть погребено в могиле, устраивались символические погребения, иначе кенотафы.

Воодушевленные находками такого большого количества целых сосудов в этом помещении, мы решили пробить и этот пол и опуститься еще ниже. Но углубившись ниже, мы уже больше не нашли ничего, и пройдя общую в 2,5 м толщину культурных слоев, достигли материка.

Осталось добавить, что в углу этого помещения нам посчастливилось обнаружить целый вылепленный от руки "степной" сосуд с нарезным орнаментом, того же типа, что и уже обнаруженные ранее черепки на Аучине, принадлежащие кочевникам. Поверхность его от венчика до донца оказалась сплошь украшенной нарезными геометрическими узорами в виде цепочки заштрихованных треугольников, ниже которых шел "елочный" орнамент.

Хотя вся керамика, встреченная в ходе раскопок, бесспорно отражала традиции керамического искусства Аучина, на поверхности окраинной части Тахирбая встречены были обломки посуды, отдаленно напоминающие ту, что в 1955-1956г.г. мы находили при раскопках на Яз дepe. Правда, это было лишь общее впечатление, так как ни одного расписанного черепка на поверхности мы не нашли, и только раскопки могли внести уточнение.

С этой целью на восточной окраине поселения мы заложили небольшой шурф размером 12 кв.м. Углубившись на полметра, мы встретили лишь мусорные слои и фрагменты стен, разрушенных еще в древности. Опустившись еще ниже, мы действительно обнаружили обломки посуды, вылепленной вручную, но покрытой не нарезным орнаментом в стиле "степняков", а расписанной красочными узорами, как это практиковали гончары на Яз дepe. Иными словами, перед нами была посуда людей, живших в ту пору, что и обитатели поселений Яз дepe, расположенных в 20 км к югу.

Казалось бы, какое значение имеет смена одного керамического стиля другим или тем более их сосуществование на одном месте. За невзрачными на первый взгляд черепками стоят живые люди с особыми, присущими только им вкусами и традициями изготовления керамики, которые были свойственны только какой-то одной эпохе, какому-то одному определенному народу. Такие смешения разных стилей и традиций могут быть следствием ассимиляции одного народа другим, в результате чего происходит смешение их культур. Именно с таким случаем мы и столкнулись на Тахирбае: на одном памятнике рядом сосуществуют два принципиально отличных друг от друга керамических комплекса. Иначе говоря, это могли быть два отличных народа, исторические судьбы которых скрестились на одном памятнике.

Если это действительно так, то тогда возникает закономерный вопрос - каковы же были взаимоотношения между ними? Мы с точностью установили, что люди, основавшие Тахирбай, жили здесь где-то в середине II тыс.до н.э. Точно так же нам известно, что "племена расписной керамики" появились на этой территории много позднее, не ранее рубежа II-I тыс.до н.э., так что разница между ними составляет почти 500 лет. В таком случае, очевидно, что они застали здесь давно уже существовавшие поселения, выгодно расположенные у водных источников. Но тогда "люди расписной керамики" либо силой захватили Тахирбай, либо наоборот поселились рядом, мирно сосуществуя с аборигенами.

Без письменных данных такие исторические вопросы решить трудно. Вероятнее всего, при военном вторжении завоеватели не ютились бы на окраине поселения, а заняли бы центральную часть Тахирбая. Следовательно, наиболее вероятной представляется ситуация, при которой пришельцы осели рядом с тахирбаевцами, около одного водного источника, каковым могло являться только одно из русел древней дельты реки Мургаб. Но и это допущение следовало еще доказать, для чего мы и предприняли работы, отчасти связанные с изучением древней гидрографии.

В том месте, где мы выявили следы обитания "людей расписной керамики", по микрорельефу местности с севера на юг тянется своеобразный вал. Не мог ли он быть остатками бывшего русла реки? Предположение было таким заманчивым, что вскоре мы

заложили поперечную траншею на валу. С самого верха появился песчаный слой аллювиального происхождения, как это бывает в речках, стекающих с гор и несущих много ила и взвешенных частиц песка. На глубине 70 см песок сменился горизонтальными глинистыми прослоями с рыжеватыми прожилками, которые обычно образуются от длительного стояния воды на одном месте.

К сожалению, в тот год мы так и не смогли расширить наши раскопки, но уже пробные результаты указывают на возможность существования здесь русла реки, ширина которой была около 20 м, а длина была прослежена нами до 3 км., а затем она, достигнув песчаных барханов, потерялась в песках. И хотя дополнительных раскопок здесь не производилось, судя по поверхностному материалу, создается впечатление, что на левобережье древней р.Мургаб располагалось более раннее поселение эпохи бронзы, в то время как "люди расписной керамики" поселились несколько позднее на правом берегу. Предположение о том, что вал, идущий с севера на юг, является руслом былой реки, в какой-то степени можно подтвердить расположением современных гидротехнических сооружений этого региона: отводные арыки, идущие от Каракумского канала к ферме Тахирбай имеют то же направление, с юга на север. Это наиболее оптимальное направление, связанное с естественным наклоном местности.

Но "люди расписной керамики" не только селились на окраинах уже существовавших поселений, они основывали рядом или поблизости от них свои собственные небольшие поселки. Одна такая деревушка была открыта нами в трех километрах на востоке от Тахирбая. Возможно, здесь были и другие поселения, но дальше идут гряды сплошных надувных песков, что затрудняет поиски следов древнего человека.

За прошедшие тысячелетия верхний слой был развеян безжалостными степными ветрами и размыв обильными весенними дождями. В особенности пострадали древние захоронения, от которых к моменту раскопок сохранились лишь полуразвеянные кости скелетов, да бывшие погребальные приношения. В одной из таких полуразвеянных могил мы нашли вставленные друг в друга вазы, в другой - одну золотую и множество лазуритовых бусинок, сердоликовые шарики, отшлифованные до зеркального блеска.

Весенний полевой сезон 1972 г. заканчивался. Раскопки и камеральные обработки материала были завершены. Предстояло лишь свернуть лагерь, и, пока шли предварительные сборы экспедиционного оборудования, я решил последний раз осмотреть памятники тахирбайской группы. Дело в том, что в предшествующие дни параллельно с раскопками на Тахирбае мы проводили обследования песков к северу от него, в результате чего удалось обнаружить около полутора десятков небольших сельских поселений, цепочкой вытянувшихся от центрального Тахирбая далее на север. Видимо, действительно они располагались по берегу одного из протоков дельтового веера р.Мургаб.

Наконец, мы достигли последнего, наиболее северного памятника, еще раз сверили дневниковые данные с положением на месте и, имея запас времени, решили несколько углубиться еще дальше в пески. Справа и слева от дороги тянулись невысокие песчаные бугры, поросшие редкими кустами, впереди громоздились более высокие барханы, все вместе без каких-либо признаков древней, и тем более, современной жизни. Наконец, впереди на горизонте показались очередные бугры, но не песчаные, а сероватые, напоминающие обычные археологические холмы - остатки былых поселений.

Уже потухшие наши надежды затеплились вновь. До боли в глазах всматривались мы вперед, ожидая увидеть на поверхности черепки. Но действительность полностью разочаровала нас. Это оказались отвалы от кака, огромной водосборной ямы, вырытой чабанами для сбора дождевой воды. Летом, когда пересыхают весенние паводковые лужи, здесь еще долго стоит вода, порой единственный источник для колхозных отар. Как бы не были мы разочарованы в тот день, проехав уже много километров пути, все же решили воспользоваться случаем и сделать остановку. Зачерпнув воду в кувшины, называемые по-туркменски тумчами, и наломав саксаула, мы прилегли в тени машины в ожидании чая. Пока разгорался костер, я смотрел на тумчи и думал о безвестном умельце прошлого, сумевшем

изобрести такой совершенный сосуд, на котором можно было за считанные минуты вскипятить чай, чуть ли не на одних спичках. А может, в них отразился тысячелетний опыт, пока эмпирическим путем не была найдена их оптимальная форма. Сделанные из тонкого медного листа, тумча имеет плоское дно и коническую, сильно сужающуюся горловину с ручкой у венчика. Налитая в них вода нагревается моментально, а после употребления, легкие и небольшие, тумчи ополаскиваются и почти невесомые прячутся во выючные мешки чабанов до следующей остановки. Сколько раз в Москве, устав от "шума городского", я вспоминал эти чаепития в песках.

Целый день прошел в маршрутных поисках под нещадно палящим солнцем. Все тело в испарине, соленый пот заливает глаза. Ноги вязко тонут в песчаной осыпи бархана, мы медленно поднимаемся все выше, к его гребню, ожидая увидеть наверху россыпь керамики еще неизвестного никому древнего поселения. Но на вершине бархана - только цепочки следов от ящериц, да впереди крутой склон очередной песчаной дюны.

Машина разгружена. И все дружно разбрелись по пескам за саксаулом. Уже вынуты тумчи, залиты водой, и вскоре их охватывает жар горящего саксаула. Все длиннее тени от бархана, под которым трещат сучья саксаула, в жаркий огонь уже заливает бьющий ключом кипяток. Начинается второй акт ритуального чаепития. В кипяток засыпается зеленый чай - теперь важно его так приготовить, чтобы оправдать свои собственные надежды.

Три раза переливается заварной чай из тумчи в пиалы и обратно. Это "кайтарма", или как выразился один наш российский сотрудник, впервые попавший в Туркмению, "кутерьма". Это особый способ заварки чая, от которого зависит и его крепость, и его аромат, и твое собственное удовольствие. Сколько раз нужно переливать чай - этого никто не знает, это - от бога. Считается, что три раза - наилучший вариант, но у каждого свои правила.

Кажется уже все. Можно приступать к чаепитию. Именно так и поступают наиболее нетерпеливые. Но можно подождать еще чуть-чуть, а заваренные после "кайтарма" тумчи снова поставить рядом с жаркими углями, весь секрет в том, чтобы это было не дальше и не ближе, чем требуется. И если вы сумели достичь этого, начинается чайный кейф! Его не сравнить ни с чем. Ни с лучшими винами, ни другими напитками. Вечерняя прохлада окутывает пустыню. На легком ветерке, стелящемся по такыру, быстро остывает терпкий зеленый чай, не признающий никаких сладостей. Чаепитие в пустыне - в качестве достойного приза ожидает вас в конце каждого дня, независимо от того был он удачен или нет.

На этот раз день прошел для нас неудачно. Но постепенно улетучилась горечь разочарования, помог этому волшебный чай. Попивая чай, я вспомнил туркменскую пословицу "Пусть тебе не повезет сначала - зато повезет потом". И против всякой логики я решил не возвращаться в лагерь, а продолжить наш поиск в пустыне. И не зря.

Едва машина отъехала несколько километров от нашей стоянки, как на межпесчаных выдувах, прямо на такыре стали появляться единичные черепки керамики. Но мы решили ехать дальше вглубь пустыни, оставив эти места "на потом".

И опять как несколько часов назад, впереди на горизонте замаячили небольшие холмы, превратившиеся при нашем приближении к ним в целую гряду бугров на ровной плоскости такыра.

На этот раз это не могли быть отвалы от водосборной ямы, к тому же на их поверхности уже различались многочисленные пятна разбитой керамики. Это могло быть древнее поселение, но, судя по огромным размерам, сравнительно позднего, средневекового времени. Еще никто не встречал такие огромные поселения, которые существовали бы в эпоху бронзы!

Машина сделала последний поворот и уже без дороги, напрямую помчалась прямо к буграм. Она еще двигалась вперед, а я уже из кабины пытался на глаз определить по валяющимся черепкам, что же это - действительно средневековый город или что-то другое?

Понадобилось сделать всего несколько шагов, чтобы убедиться, что поверхность вновь открытого памятника усыпана буквально тысячами обломков посуды го же типа, что и

на Аучине и Тахирбае. Возвращаясь к машине с тяжелой сумкой, набитой черепками, я только тогда и оценил громадные размеры памятника. Мы поднимались с бугра на бугор, и все они были усыпаны черепками. Все новые обломки керамики уже не помещались в сумке, приходилось выбрасывать менее интересные, брать другие, а впереди опять высились бугры этого нескончаемого поселения, покрытые сотнями фрагментов глиняной посуды. А вот настоящий квартал гончаров, десятки керамических печей, расположенных на окраине бывшего поселения, и кажется уже вышли мы на его границу, но дальше, за ровной низиной такыра, опять возвышения и опять россыпи фрагментов керамики. У нас осталось времени лишь на то, чтобы собрать хотя бы небольшую коллекцию с поверхности памятника и успеть затемно добраться до экспедиционного лагеря. Правда, в тот день мы сделали еще одно открытие. От чабанов узнали, что местное название памятника – Гонур депе, т.е. Серый холм.

Глава 5. Открытие страны Маргуш

Занятый полевыми исследованиями в Афганистане, я смог лишь через год приехать в Маргиану, Следующий полевой сезон начался в апреле 1974г. Вместе с нами выехал молодой лингвист Игорь Ключков. Может быть, сами того не осознавая, мы все надеялись найти в этой вновь открытой стране древнюю письменность, подобную найденной в Месопотамии, и которую смог бы расшифровать и прочесть Игорь.

Из Ашхабада мы выехали под сплошным дождем, который сопровождал нас до самого Теджена, расположенного примерно на полпути к Маргиане. Мокрые, холодные и голодные, мы еще около часа блуждали в темном, безлюдном от ливня городе, пока нашли дом Данатара Гулмурадова - мэра города. И хотя давно прошли годы работы простым землекопом на Джейтуне, сохранился его неподдельный интерес к древности.

Уже далеко за полночь. Но широко распахиваются ворота двора для въезда машины, а двери дома - для нас. Спокойно улыбаясь и не обнаруживая никакого удивления, он пожимает руки очередному гостю, которого видит впервые. Высокий, в синем спортивном костюме, Данатар еще только рассаживал нас на ковре в гостиной, а во внутренних комнатах уже захлопали двери. Какие-то тени бесшумно замелькали в прихожей, во дворе запыхал огонь, и вот уже мы отогреваемся в тепле, потягивая обжигающий чай.

Еще продолжалось чаепитие, а в приоткрытую дверь чьи-то невидимые руки передавали очередные блюда. Данатар молча расставлял перед нами еду, а невидимый конвейер доставлял все новые порции жареной и вареной баранины, всевозможную зелень, жирную шурпу, и, конечно, любимый не только туркменами, чал, верблюжье молоко.

Мои товарищи, особенно те, что впервые попали в Туркмению, ошеломленные таким приемом лишь, молча утоляли голод, а я вспомнил распространенную туркменскую поговорку: "Гость - выше отца". Все ли мы смогли бы в Москве вот так просто, ни о чем не спрашивая, далеко за полночь принять около десятка незваных гостей, из которых знаком лишь с одним. В суматохе перед отъездом я даже не успел предупредить Данатара о нашем приезде. Только после запоздалого ужина начался разговор о цели нашей поездки. С бесстрастным лицом хозяин узнал, что нам нужны десятки длинных кольев для палаток, продукты, а главное, бочка для воды, наподобие квасной. И притом, выехать нам нужно на следующий день с самого утра. С этим мы и улеглись спать, оставив все заботы на хозяина. А завтра с утра, выйдя во двор, мы увидели большую желтую бочку с надписью "Квас", штабель длинных кольев и ящики с крупой, мясной тушенкой, вплоть до десятков пачек соли!

И так, каждый полевой сезон, и не только наша, но и многие другие археологические экспедиции, следующие через Теджен на место раскопок, пользовались беспредельным гостеприимством Данатара Гулмурадова.

Но и для него не прошли даром наши встречи с нескончаемыми рассказами о культуре древних народов, о наших находках. Со временем Данатар напишет кандидатскую диссертацию, связанную с древней торговлей, которую затем с блеском защитит в Университете.

Ранним утром наша машина, тяжело груженная щедротами тедженских друзей, выехала на восток в сторону Байрам Али. На этот раз мы решили основательно заняться изучением поселения Гонур, открытого в предшествующем сезоне. Своими размерами это поселение выделялось среди известных уже памятников Маргианы. Если это было действительно столичное поселение, то здесь можно ожидать и "столичных находок".

Разбив стационарный лагерь, мы уже с самого раннего утра приступили к обследованию Гонура. Да, это конечно не сельская деревушка, не Аучин и даже не Тахирбай, а нечто грандиозное. Перед нами, казалось в бессистемном порядке, бугрились холмы, перемежающиеся с ровными, пониженными участками. Долгое время мы находились в растерянности, не зная с какого конца приступить к изучению памятника. Вновь и вновь бродили мы по буграм, сплошь покрытым черепками, пытаясь определить какую-то систему.

Подобно тому, как актер, перечитывая в сотый раз свой сценарий, постепенно вживается в образ, так и мы, шагая изо дня в день по холмам, постепенно вживались в памятник.

Поначалу мы установили, что он состоит из двух частей: на юге располагается небольшая аккуратная крепость, за седловиной которой находилось само огромное поселение.

Аморфной конфигурации, оно сначала было чужим и во многом загадочным для нас. Но постепенно какая-то система стала намечаться. Как оказалось, в центре поселения располагается главный холм, окруженный со всех сторон понижениями. Создавалось впечатление, что сам холм представляет собой руины огромного здания, а пониженные ровные участки вокруг него, возможно действительно являлись площадями для народных собраний. Но только раскопки могли внести относительную ясность в эту проблему, для чего решено было заложить небольшой разведочный шурф в наивысшей точке холма.

Пройдя через всю толщу культурных напластований и дойдя до материка, мы смогли установить последовательную историю жизни, живших здесь людей. В результате многодневных раскопок мы, наконец, прорезали 3-х метровую толщу разрушенных строений и мусора и вышли на материк. Соответственно, было выявлено три уровня глиняных полов, отмечающих, по крайней мере, три строительных горизонта или три здания, располагавшихся друг над другом. В каждом из них мы обнаружили стены и большое количество керамических черепков. Кроме того, в шурфе были вскрыты древние захоронения, судя по скромным погребальным приношениям, рядовых обитателей поселка. Все они, подобно уже известным ранее, были погребены на боку, в скорченном положении, головой на север. Выделяется одно детское захоронение с двумя сосудами и биконической бусиной у головы; на висках - две медные сережки в виде кружков с несомкнутыми концами.

После пробных раскопок, установивших общую толщу наслоений, а, следовательно, и относительный хронологический отрезок времени существования жизни в поселении, мы начали работы по исследованию крепости на юге поселения. В плане она имела подпрямоугольную конфигурацию размером 130 на 125 м с оплывшими (диаметром до 8-9 м) буграми по углам, которые мы по аналогии с Аучином, посчитали за угловые башни. За внешней стеной крепости, у ее юго-западного угла, выделялся холмик, раскопки которого выявили до сих пор загадочную картину. От самого верха и до материка, на глубину до 2,5 м холмик состоит из сплошного горелого слоя черного цвета очень мягкой структуры, буквально напичканной обломками керамики и мелкими костями животных. Создается впечатление, что это отвалы золы и углей образовались постепенно в течение длительного времени, и вместе с тем, обломки керамики не несут следов воздействия огня. Мы так до сих пор и не установили происхождение этого мощного зольного отвала, но связь его с рядом расположенной крепостью представляется наиболее вероятной.

Предполагаемая крепость имела не обычное бытовое назначение, а представляла собой культовое сооружение.

Очевидно, что такое огромное скопление золы и угля предполагает постоянный, а, главное, долговременный источник огня. Можно было бы предположить, что скопления золы - обычные бытовые зольно-мусорные слои, если бы не два обстоятельства. Как правило, на всех без исключения древнеземледельческих поселениях бытовые отбросы, и в том числе зольные, выбрасывались на окраинные части поселений. Из древних письменных источников мы знаем, что зола из алтарей, и в особенности это было распространено у зороастрийцев, считалась сакральной, т.е. священной, к ней относились с большим почтением и складывали в одно место. Более того, черепки посуды, найденные в зольнике на Гонуре, не закопчены и не обожжены в огне, они производят впечатление сосудов, разбившихся при использовании их при каких-то ритуалах, но связанных с огнем не напрямую, а в опосредствованной форме. Не доказано, но в высшей степени вероятно, что огромный зольный холмик у крепости Гонура образовался вследствие ссыпания сюда золы из алтарей на протяжении очень длительного времени. А кроме того, по мнению академика Б.А.Рыбакова, возможно не случайно зольник располагается у юго-восточного угла крепости, со стороны восхода солнца. Словом, есть основания видеть в крепости Гонура культовый центр, в коте ром располагался храм огня, связанный вместе с тем и с культовыми возлияниями, но, конечно, только раскопки дадут окончательный ответ на это.

Пока шли пробные разведочные работы на Гонуре, в свободное время сотрудники нашей экспедиции обследовали его поверхность. Можно было видеть, как рассыпавшись в разные концы поселения, они медленно бредут, внимательно глядя себе под ноги. Постепенно в нашем полевом музее собралась интересная коллекция. Отдельно были отобраны наиболее интересные обломки посуды: высокие стройные вазы на длинных ножках, детский чайник-поильник, обломок сосуда с изображением козлов, стоящих перед деревом. Этот сюжет был очень популярен в искусстве древнего мира.

Если наше внимание в основном было обращено на поиски обломков керамики с изображениями животных, то Игорь Ключков подбирал любой черепок, на котором имелся хоть какой-то знак, вплоть до простого креста. Постепенно его коллекция пополнялась все новыми обломками посуды с нацарапанными знаками то в виде розетки, то многолучевой звезды, то трезубца. Налицо была определенная система знаков, и эти общепонятные для древних символы безусловно имели какое-то особое значение.

Для Игоря эта поездка послужила толчком к написанию его первой книги "Духовная культура Вавилонии". Признание в этом мы находим в предисловии, где он пишет, что впервые замысел этой книги возник весной 1974г., когда автор в составе экспедиции Института археологии АН СССР принял участие в обследовании поселений эпохи бронзы, расположенных в древней дельте р. Мургаб. Вот цитата из его книги: "Несколько недель, проведенных в безлюдных песках на руинах древнего города, создали то психологическое настроение, которое заставляет особенно ярко представлять и воспринимать прошлое". Именно тогда автор впервые живо почувствовал, насколько сознание обитателя неизвестного поселения - земледельца, ремесленника, воина - должно было отличаться от сознания людей нашей эпохи.

Как на Аучине и Тахирбае, так и здесь на Гонуре в массе гончарной светлофонной посуды были найдены единичные лепные черепки с нарезным орнаментом в "елочку" - документальное свидетельство контактов со степными племенами.

Гораздо меньше повезло нам в находках медно-бронзовых изделий. По преимуществу это были обломки сильно окислившихся булавок с фигурными навершиями, близко напоминающими аналогичные изделия Бактрии. И хотя металл уже давно и прочно вошел в быт местных племен, все еще широко использовались и каменные изделия. Особое восхищение вызывают кремневые наконечники стрел, выполненные в лучших традициях мастеров каменного века.

Среди большой коллекции терракотовых статуэток, найденных на гонурских поселениях, наряду с обычными антропоморфными, преимущественно женскими фигурками нам встретились зооморфные: баран, рыба, предположительно сом, верблюды.

Новым было то, что животные опирались лапами в венчики сосудов. Создавалось впечатление, что они были прикреплены к верхним бортикам этих сосудов, но окончательный ответ мы получили в конце сезона и при обследовании совсем другого памятника, о чем будет особый рассказ.

Южная Туркмения издревле славилась медно-бронзовыми печатями, в изготовлении которых местные кузнецы и литейщики проявляли незаурядное мастерство. Эти же традиции живо сохранились и в Маргиане. Помимо обычных печатей с геометрическими узорами, на поверхности Гонура встретила печать, отлитая в виде зайца. Надо сказать, что к нашим работам в Маргиане с 1974г. подключились ашхабадские археологи, проводившие самостоятельные исследования в западной части региона. Им посчастливилось на поселении Келлели поднять медную печать, отлитую в виде вихревой розетки, лучи которой составляют головки птиц, вероятнее всего орлов. Удивительно, но близкие по типу печати, археологи нашли на другом конце тогдашнего древневосточного мира в Дильмуне на острове Бахрейн в Персидском заливе. Однако, само по себе сходство между обеими печатями еще не указывает на их прямую связь. Скорее всего, где-то между этими отдаленными регионами существовал промежуточный центр, а обе печати могут отражать два ответвления одного общего корня. Таким центром скорее всего являлась древняя Анатолия, с которой обитатели Бахрейна могли иметь культурные связи, они могли доходить и до Маргианы.

Помимо работ на самом Гонуре мы проводили маршрутное обследование прилегающих к нему песков, надеясь по примеру аучинского оазиса обнаружить и здесь новые памятники. Потребовалось много дней бесплодных поисков, пока под надувным песком мы нашли черепки, отмечающие следы былых поселений. На машине и пешком, пройдя многие десятки километров, мы открыли вокруг столичного Гонура много мелких деревушек и крупных поселений, которые подобно спутникам окружали центральный Гонур. Постепенно на нашей карте появлялись все новые точки, порядковые номера которых отмечали вновь открытые памятники. Подобно Аучину все они и здесь постепенно вытянулись в цепочку с севера на юг, как они некогда располагались вдоль еще одного из боковых водотоков дельты древней реки Мургаб.

...И пришел день, когда несмотря на специальные поиски мы не нашли больше ни одного памятника. Еще раньше, чтобы не запутаться, я забивал на вновь открытых поселениях колышки, надписывая на них очередной порядковый номер. В тот день, блуждая между грядами песчаных барханов, я несколько раз "открывал новые" поселения, но все они уже были маркированы моими же колышками прежде. Очевидно, что если не все, то основные памятники гонурской группы мы уже выявили и нанесли на карту.

День бесплодных поисков еще не закончился, и я решил отыгаться на столичном Гонуре. До сих пор это был беспроигрышный номер. На его поверхности всегда можно было найти то яркую бусину, то обломок окислившейся печати, а то и кремневый наконечник стрелы. Но очевидно, это был тот самый случай, когда счастье полностью отвернулось от нас. Третий час, не присаживаясь, крутился я на Гонуре, петляя по склонам его бугров, не находя ничего стоящего. Все те же обломки керамики и ничего больше. Но бывало и среди них мы находили фрагмент чайника, носик которого оформлен был в виде рогатой головы быка, или стенку сосуда, сохранившую нацарапанный рисунок, то в виде козлов, стоящих у дерева, то в виде каких-то знаков. Ну, на худой конец пусть обычный, но целый сосуд из развеянного погребения.

Ничего! Под ногами все те же бездарные, однотипные черепки и ничего более. Я вздохнул, сдаваясь судьбе, и двинулся в направлении к машине. И вот тут-то оно и произошло. Шагая к машине, я в тоскливой надежде машинально продолжал смотреть под ноги, отмечая в уме опостылевшие невзрачные черепки, куски шлаков от разрушенных

керамических печей. Прошел еще несколько шагов и почему-то вернулся назад. Темный, ноздреватый обломочек керамического шлака, чем-то неуловимым вызвал особое к нему внимание. Я до сих пор не знаю, чем же он отличался от сотен таких же кусочков, что в изобилии были разбросаны вокруг каждого гончарного горна. Оплывшие от сильного жара, почерневшие кусочки глины - всегда сопутствуют древнему гончарному производству и в изобилии валяются на месте керамических отвалов.

Я вернулся, поднял заинтересовавший меня кусочек и только тогда понял, чем он отличается от своих многочисленных собратьев. Он имел четкую прямоугольную форму с ровными краями, что не было характерно для обычных кусочков шлака. Но убедился я в этом окончательно, когда стал внимательно рассматривать обе плоскости, лежащей у меня на ладони маленькой пластины. Сначала я ничего не мог разобрать в извилистых бороздках, образующих какой-то замысловатый узор, и, лишь перевернув на другую сторону, убедился, что это не игра природы и – даже не моего воображения, а специальный рисунок, выгравированный на стеатитовой пластине. На меня спокойно смотрел то ли бык, то ли овцебык в окружении змей и драконов!

Я не стал рассматривать вторую сторону. Значение находки стало мне очевидным: это амулет с сюжетной композицией, единственное вещественное свидетельство духовной жизни людей, письменность которых не сохранилась или вообще не существовала. Мое состояние может понять только тот, кто испытал эти захватывающие дух мгновения, ради которых, наверное, и живет археолог.

Не разбирая дороги, я бросился к машине, и мы помчались в лагерь. Мне нужно было поделиться с кем-то своей удачей. Первым, кто по достоинству оценил находку, был Игорь Клочков. Пока я готовился снять оттиск с амулета, он сложив вместе ладони тряс в них нашу находку, говорят помогает найти еще что-либо подобное. И хотя в будущем нам предстояло найти другие амулеты, ничего подобного мы пока не обнаружили.

Дрожащими руками мы сделали оттиск по сырой глине и, наконец, окончательно разобрались в изображении на второй плоскости. Здесь, широко расставив ноги, стоял обнаженный человек в окружении извивающихся змей. Руки его держали за задние ноги двух, поверженных вниз головой, животных, судя по коротким хвостам и длинным загнутым рогам - козлов или баранов. Теперь стало ясно, почему мы сразу не могли разобраться в этом изображении. Края амулета еще в древности оказались аккуратно обтесанными, возможно при каких-то культовых церемониях, так что к моменту находки голова человека практически отсутствовала; сохранилась лишь шея с украшением в виде гривны. Точно так же от голов животных по существу сохранились лишь рога - морды оказались стесанными. Мы сразу же обратили внимание на чрезмерно большое количество змей; они помещены были над плечами, под рукой и даже между ног человека.

Сделав оттиск на глине, теперь мы смогли подробнее рассмотреть и другую сторону амулета. В центре ее стоит животное; голова с преувеличенно большим глазом украшена сверху длинными чуть изогнутыми рогами; тело покрыто мелкими завитками, напоминающими овечью шерсть, длинный загнутый бычий хвост и баранья морда. Возможно мастер специально выгравировал на своем изделии синкретичный образ соединяющий признаки нескольких животных. Перед животным изображен зверь, судя по вздыбленному загривку хищник кошачьей породы, возможно лев; второе животное со змеей под животом помещено над спиной главного персонажа, но верхняя часть вместе с головой также оказалась стесанной. Еще два извивающихся существа, отдаленно напоминающих змей, помещены под животом главного персонажа.

Еще не утихли восторги по поводу нашей находки, как через два дня один из студентов принес еще одну. На этот раз у него на ладони лежал миниатюрный ступенчатый ромбик, выточенный из твердого камня темно-вишневого цвета со сквозным отверстием для шнура. На одной стороне его была выгравирована птица, скорее всего орел в геральдической позе: с распростертыми крыльями, широко распущенным хвостом и гордо повернутой в сторону головой. На обороте глубокой сочной резьбой изображена "плетенка" -

фигура без начала и конца. Мы долгое время так и считали, и только в Москве, сделав оттиск на пластине, увидели изображение переплетенных между собой рогатых драконов, свившихся в клубок, в виде фигуры без начала и конца, и как полагают, символа вечного движения.

Видимо не зря Игорь тряс в ладонях нашу первую находку - коллекция древнемаргианской глиптики пополнялась все новыми образцами. Кто-то поднял с поверхности Гонура стеатитовый амулет с гравированным изображением скорпиона, выполненного в полном согласии с натурой. Несколько маленьких амулетов сохранили изображения растений то в виде веточек саксаула, то - неизвестного вида растения с широкими мясистыми листьями и длинными цветками.

Тогда мы еще не по достоинству оценили наши находки. Пока они казались случайными, возможно, характерными только для обитателей Гонура. Однако, уже к концу полевого сезона, мы вынуждены были изменить наше мнение. Близилось завершение наших полевых весенних работ в гонурской группе древнемаргианских поселений. Увлеченные поисками все новых памятников, мы совсем забыли про одно из них, расположенное около водосборной ямы (кака), обнаруженное нами еще в самом начале, при поисках главного Гонура. В один из последних дней я выехал для более обстоятельного обследования этого места, а Мурад Курбансахатов, тогда еще студент-практикант, а теперь уже дипломированный кандидат исторических наук, поехал на машине в Тахирбай за водой. Загрузив машину пустыми флягами и пообещав забрать меня на обратном пути, он запыллил по дороге, а я остался осматривать поселение.

Вечерние сумерки уже скрыли от меня столичный Гонур, потом и сам экспедиционный лагерь, а Мурада с его водой все еще не было. В темноте лагерь уже было не найти, а даже летом ночи в песках довольно прохладные. Когда я «проиграл» в голове возможные варианты, со стороны Тахирбая засветились фары, и вскоре появилась сама машина. На этот раз Мурад не привез воду, но зато привез сумку, набитую какими-то черепками. Сбившись с дороги и заблудившись, он, чтобы сориентироваться решил осмотреть местность с верха близлежащего холма, поверхность которого оказалась усыпанной древними черепками. Возвращаясь к машине, он набрал целую сумку черепков. Бесспорно, это была такая же керамика, какой пользовались в быту люди, жившие на Гонуре. Но тогда, значит открыт новый, никому еще не известный памятник эпохи бронзы в Маргиане?

Надо ли говорить, что уже наутро наша небольшая разведывательная группа выехала в новый поиск. Через 12-15 км впереди показался огромный холм, откуда и были привезены накануне черепки. Уже вскоре мы убедились в правильности нашего предположения, а к концу дня установили, что этот памятник у чабанов носит название Тоголок депе, т.е. круглый холм. Более того, оказалось, что рядом с центральным холмом располагается подпрямоугольной формы «крепость». До определенной степени схема была аналогичной Аучину и Гонуру.

Оставшиеся несколько дней мы посвятили обследованию пустыни, расположенной вокруг центрального Тоголока. Повторилась, уже ставшая знакомой, картина: за песчаными грядами и небольшими барханами стали обнаруживаться поселения с россыпью битой керамики, отмечающие места обитания древнего человека. Постепенно на нашей археологической карте стали появляться все новые точки, отмечающие вновь открытые памятники, в ряде случаев достаточно крупные, так что мы теперь убедились в реальности существования новой, тоголокской группы памятников в системе все той же Маргианы. На каждом поселении мы делали общие обмеры, собирали с поверхности материал, классифицировали его по типам. Словом, делали обычную в таких случаях работу.

Пока основная наша поисковая группа изучала центральный Тоголок, я со студентом-практикантом Сергеем Скуратовым занимался поисками новых памятников. С каждым днем пополнялись и расширялись наши сведения о тоголокской группе, среди песков открывались новые памятники. Основным источником нашей информации оставались черепки, а если

повезет, то и целые сосуды из развезенных погребений, формы которых все более убеждали нас, что тоголокская группа вероятнее всего относится к несколько более позднему времени, чем гонурская.

Но пока такое предположение подтверждалось лишь сходными типами древней посуды, но хотелось бы иметь еще более убедительные доказательства. И такие доказательства мы нашли, когда открыли третье поселение из всей этой группы. Собрав коллекцию все тех же черепков и рассматривая их на месте, я у самых ног Сергея увидел миниатюрный красный квадратик, не похожий на обычные обломки керамики. Еще не будучи уверенным, но со словами: «Что же вы, студент, не подбираете амулеты», - я поднял квадратик, действительно оказавшийся каменным амулетом с двухсторонним гравированным изображением хищного зверя, предположительно тигра, пасть зверя была разинута. Под животом тигра-самца сохранился рисунок извивающейся змеи, тянущейся к его задним ногам. На одной плоскости амулета хвост тигра был задран на спину, на другой - опущен вниз.

Наконец-то, мы получили недостающее звено. Если люди, жившие в тоголокском оазисе, не только использовали в быту ту же посуду, что и гонурцы, но и изготавливали такие же амулеты, значит, они имеют между собой самое близкое родство.

В тот раз Сергей промолчал, но отыгрался через несколько дней при обследовании поселения Тоголок-13. Мы находились с ним в разных концах памятника, когда я услышал радостные вопли и, обернувшись, увидел бегущего ко мне Сергея. На этот раз уже у него на ладони лежал прямоугольный стеатитовый амулет. Но какой!

На одной его плоскости глубокой сочной резьбой изображена была мчащаяся, как бы в паническом страхе, антилопа с длинными рогами и завернутым назад хвостиком. Спереди на нее набрасывается, по-змеиному извивающийся, дракон, снизу, под животом располагается то ли змея, то ли змеиный дракон. Но еще более сложная композиция оказалась на другой плоскости. Здесь, в центре мастер-камнерез поместил фигуру быка, но, не в пример «трепетной лани», он стоит в спокойной позе, хотя сверху и спереди его также атакуют злобные извивающиеся по-змеиному драконы, а под животом изображена свернувшаяся в клубок змея, голова которой тянется к животу между задними ногами животного. Несмотря на небольшие размеры амулета, мастер-камнерез сумел придать каждому его персонажу его характерные признаки и даже их внутренний настрой. В самом деле, в противоположность спокойной позе быка, драконы, особенно верхний, показаны в явно агрессивной позе, с гребнем на голове, со зло выпученными глазами и широко разинутой пастью, так что их агрессивные намерения не оставляют никаких сомнений. И приходится удивляться лишь высокому мастерству, с каким безвестный мастер сумел через тысячелетия донести до нас эту маленькую трагедию древней мифологии. Мы еще будем иметь возможность специально остановиться на маргианских амулетах, здесь лишь отметим, что именно этому амулету со сложной, явно сюжетной композицией, мы во многом обязаны расшифровке древних верований обитателей Маргианы конца II тыс. до н.э.

Накануне нашего отъезда Сергей сделал еще более выдающееся открытие. Пока вся наша поисковая группа собиралась к отъезду, он, продолжая обследование поверхности крепости на Тоголок-1, неожиданно заметил терракотовую статуэтку животного, как-то неестественно торчащую из-под земли. Подавив невольное желание сразу вытащить неожиданную находку, он стал осторожно расчищать землю вокруг, пока не убедился, что глубже в землю уходит вторая, а за ней третья статуэтки. Более того, все они были прикреплены к венчику сосуда, корпус которого покоился еще глубже в земле. Стало очевидным - он нашел необычный сосуд со скульптурными фигурками, идущими по его верхней закраине. Надо ли говорить, что отъезд был снова отложен, над находкой мы натянули небольшой брезент, укрепив его на воткнутые в землю лопаты. Уже вскоре под осторожными взмахами щеток и срезами ножей стал оконтуриваться крупный сосуд с наклепными терракотовыми скульптурками по венчику. Приступив к очистке внутренней части сосуда, мы неожиданно обнаружили, что он не пустотелый, внутри него находились

еще пять миниатюрных сосудиков в форме чайничка, вазочки на высокой стройной ножке, горшочка, мисочки и кринки.

Наконец, после утомительной трехдневной расчистки, мы осторожно вытащили на свет сам сосуд. Он имел обычную цилиндрическую форму с подкошенной придонной частью. По верхнему краю его венчали наклепные терракотовые фигурки птиц, зверей и людей, образующих вместе какую-то неясную пока еще нам, но явно смысловую, видимо, повествовательную композицию.

Центральное место в композиции занимают две человеческие фигуры: одна в горделивой позе, предположительно с ребенком на руках, и вторая, явно в подчинении у первой, согбенная фигура с руками, заведенными за спину. Но мало того. Заглянув внутрь сосуда мы увидели, что помимо этих, внутри имеются еще другие, прочно наклепанные на дне и внутренних стенках сосуда. Здесь, в окружении лягушек, извиваясь, выползали наверх к бортику все те же змеи. И как на амулетах, их головы упирались в животы зверей, идущих по самому бортику.

Вволю полюбовавшись на произведение древних керамистов, мы попытались предположить, что же был за сосуд? Хрупкие скульптурные фигурки, укрепленные по венчику, никак не могли принадлежать обычному сосуду для утилитарных целей. Из такого сосуда пищу не поешь - хрупкие фигурки быстро бы обломились. Остается допустить какое-то иное его назначение. И не только потому, что археологи часто склонны непонятные для них изделия сразу же относить к разряду культовых. Необычный, украшенный скульптурами сосуд, с аккуратно сложенными в него миниатюрными сосудами, ближе всего напоминал своеобразный культовый набор, связанный с ритуальными возлияниями, о которых мы уже хорошо знали по письменным данным.

Во-первых, имеется авторитетное свидетельство «отца истории» Геродота, что уже персы совершали культовые возлияния. В религии зороастризма культовые возлияния опьяняющего напитка «хаомы» играли едва ли не главное значение. Если учесть, что в настоящее время все больше авторов склоняются к тому, что родина зороастризма находилась в Средней Азии, предположительно в Бактрии или Маргиане, то станет очевидной вся историческая ценность находки культового сосуда на Тоголок-1.

Теперь нам стали понятными терракотовые фигурки с Аучина и Гонура с «зажатыми» в ногах венчиками от бортиков сосудов. Конечно же, они принадлежали таким же культовым сосудам, где такие скульптурки венчали их верхние края. Правда, остается неясной одна частная деталь. С того же Гонура происходит скульптурка хищника, у которого на животе сохранились вдавленные следы в виде двух кольцевых полосок, что может косвенно указывать на более сложные культовые сосуды с возможно двойными венчиками. Но до находок самих таких сосудов это не более, чем теоретическое предположение.

Одним словом, уже предварительные, разведочные работы в тоголокской группе памятников оказались настолько перспективными, что следующий полевой сезон 1976 г. мы полностью посвятили более детальному изучению вновь открытого оазиса. Теперь уже наш лагерь мы устроили около столичного поселения Тоголок-1. Воодушевленные находкой культового сосуда, мы заложили на этом месте небольшой раскоп, однако никаких других находок здесь не сделали.

Правда, мы нашли еще две терракотовые фигурки животных, которые с точностью подошли к венчику прошлогоднего сосуда. Тогда с целью определения общей структуры крепости мы заложили еще один небольшой раскоп в его западной части, но также не выявили каких-либо сооружений.

Зато, на этом месте нам удалось расчистить группу из нескольких целых сосудов, возможно от кенотафа, и миниатюрный амулет с изображением дерева и вихревой розетки. И хотя мы были уверены, что и прошлые наши находки амулетов с поверхности памятников также относятся к эпохе бронзы, теперь такое допущение получило дополнительное документальное подтверждение.

В тот полевой сезон все наше внимание было направлено на поиски других памятников тоголокского оазиса. Многодневные маршруты привели к открытию новых поселений, так что общее их количество достигло около тридцати памятников. Различные по размерам, они мало чем отличались друг от друга, исключением стал памятник под условным названием Тоголок-21.

Памятник «спрятался» в низине за песчаными буграми, как бы заслонившими его от посторонних взглядов. И хотя он располагался всего в 1 км от столичного Тоголок-1, судя по его порядковому номеру, видно, что открыт он был лишь в конце сезона.

По существу, на этом месте располагаются два памятника; небольшое поселение, и к югу от него, через ровный такыр – «крепость», которая уже при первом беглом обследовании микрорельефа привлекла наше внимание правильной конфигурацией, как бы предполагающей толстые обводные стены, а возможно, и угловые башни. Расположенный поблизости от экспедиционного лагеря, Тоголок-21 представлял собой идеальный объект для исследования. В любой момент, пешком, не связывая себя с машиной, можно было попасть на него и вновь присмотреться к особенностям его микрорельефа. Именно после таких эпизодических, но многократных обследований на поверхности этого памятника были найдены медная печать, отлитая в виде хищника кошачьей породы, предположительно леопарда, обломок каменной булавы, украшенной резным орнаментом, изображающем переплетенных между собой змей, терракотовые антропоморфные и зооморфные статуэтки. Но, бесспорно, особое восхищение вызвала находка стеатитового амулета, на одной стороне которого был вырезан крылатый грифон, а на другой – «плетенка», составленная из, терзающих друг друга, рогатых драконов. Точь в точь, как на амулете с Гонура!

С особенной надеждой отправился я однажды на Тоголок-21 после сильного дождя. Я знал, что на сырой поверхности памятника могут обозначиться контуры древней архитектуры, которые опять поблекнут и исчезнут под лучами палящего солнца. На этот раз я попал вовремя. Я увидел четко обозначенные 4-метровой ширины оборонительные стены крепости, угловые башни и одну башню посередине западного фаса. Понижения в центре северной и южной стен могли отмечать ворота в крепость. Словом, взяв в руки рулетку, я быстро набросал контуры плана крепости, которые до удивления точно потом подтвердились раскопками.

В тот год существенно пополнилась и наша коллекция амулетов. На центральном Тоголок-1 все тем же неутомимым Сергеем был найден еще один амулет с изображением крылатого хищника, скорее всего льва, под животом которого извивалась рептилия.

И приходится только удивляться, насколько точно это изображение повторяет рисунок крылатого льва на каменном амулете, найденном много раньше при раскопках североафганского поселения Дашлы.

На поверхности Тоголок-1 была сделана и другая интересная находка, фигурка лягушки, выточенная из черного камня с отверстием для шнурка, указывающая на ее назначение в качестве амулета. Вспомним, что наlepные лягушки имелись и внутри ритуального сосуда на рядом расположенной «крепости». Это указывает на их особую роль в культах древних маргианцев.

Результаты работ двух полевых сезонов в Гонурской и Тоголокской группах древнемаргианских поселений со всей определенностью установили, что мы имеем дело не с изолированным, эпизодическим обживанием древней дельты р.Мургаба, а напротив, с густо заселенным регионом. В этом нас убеждали и работы ашхабадских археологов, которые параллельно с нами открыли несколько десятков новых памятников в западной части бывшей дельты р.Мургаб.

Здесь было выявлено несколько оазисов, состоящих из множества поселений с тем же археологическим материалом, начиная от сходной керамики и кончая точно такими же амулетами.

Итак, стало очевидным, что здесь в восточных Каракумах, в древней дельте р.Мургаб на площади свыше 3000 кв. км. располагалась густо заселенная страна со многими десятками

поселений. Нашими совместными работами удалось открыть около 150 древних памятников, общее количество которых в действительности было, безусловно, много больше. О том, что здесь в древности находилась дельта р.Мургаб, мы знали и раньше, но никто не мог и представить как густо и плотно были обжиты эти земли в древности.

Но что же тогда представляла собой эта страна? Можем ли мы предполагать, что выявленная здесь высокоразвитая культура автоматически предполагает и высокоразвитое общество, достигшее уже государственности? Отсутствие письменных данных является почти непреодолимым препятствием в решении подобных, чрезвычайно важных проблем. В нашем распоряжении остаются лишь археологические данные. Попробуем тогда подойти к этой проблеме исходя только из анализа археологических данных.

Картографирование всех известных памятников Маргианы показывает, что они образуют несколько древних ирригационных групп. Иначе говоря, каждая такая группа располагалась вдоль одного-двух водотоков древнего дельтового веера р.Мургаб. В таком случае, создается впечатление, что социальную основу того общества составляло не родство по происхождению, а родство по территории проживания, если так можно выразиться «по месту жительства». Но такая организация поселения по территориальному признаку характерна для государственных образований. Тогда может быть в Маргиане уже во II тыс.до н.э. существовало государство?

Но такое решение представляется слишком прямолинейным и категоричным. Конкретная жизнь была много сложнее и многообразнее, чем это кажется нам.

Возможно, каждый ирригационный оазис Маргианы представлял собой территориальную общину, где еще сильны были родовые связи, но над которыми довели связи территориальные. Каждая такая территориальная община могла пользоваться самоуправлением, иметь выборных старейшин, судей, свои храмы, своих жрецов и т.д. Но все вместе, они составляли союз территориальных общин, или иначе племенной союз, с наиболее вероятным центром в Гонуре. Здесь могла находиться административная власть всей страны Маргуш, доказательством этому могут послужить находки при раскопках кремля, о которых я расскажу позже. Одним словом, думается, что Маргиана эпохи бронзы стояла на пороге государственности, а возможно была подлинным государством на начальной стадии его становления.

Бактрия и Маргиана демонстрируют удивительное сходство культур; сходство, за которым угадывается общность их происхождения. По всем основным признакам Бактрия и Маргиана обнаруживают поразительное культурно-историческое единство, за которым, надо думать, скрывается и родство этническое. Иначе говоря, и там, и тут проживала группа родственных племен, говоривших на близком, если не сказать на одном и том же языке. Типы поселений, их планировка и строительные приемы до деталей копируют друг друга. Аналогичная керамика, металлические и камнерезные изделия, глиптика и сфрагистика часто производят впечатление вышедших из рук одного и того же мастера, если бы не сотни километров, разделяющих обе эти страны. Но на этом фоне вполне очевидного сходства особенно разительно выглядят немногочисленные, но характерные различия.

Было бы естественно предположить, что Маргиана, расположенная на востоке Туркмении, должна находить наиболее четкие соответствия в Южном Туркменистане, где в плодородных оазисах издревле проживали древнеземледельческие племена. И в общей форме такое взаимное родство наблюдается, хотя и далеко уступает бактрийским связям.

Для доказательства обратимся к рассмотрению той исторической ситуации, которая сложилась в Южном Туркменистане накануне появления в Маргиане первых обитателей.

Как мы помним, в эту пору плодородные земли Северных склонов Копет Дага представляли собой цветущие, плодородные, традиционно земледельческие оазисы, с высокоразвитой культурой древневосточного типа. Наряду с небольшими сельскими поселениями вырастают крупные столичные города с многотысячным населением. Одним из характерных внешних признаков культуры этих народов была высококачественная, разнообразная по формам, изящная посуда и терракотовая пластика.

Пожалуй, никогда раньше в системе южного Туркменистана не пользовались популярностью терракотовые статуэтки, которые теперь мы находили почти в каждом доме. Как правило, это статуэтки обнаженных сидящих женщин: пышные головные уборы, преувеличенно большие, как бы гипнотизирующие, глаза и крупные, выступающие вперед носы. Ни у одной из них не было рта, у некоторых статуэток на плечах были нацарапаны еще по сырой глине знаки, передающие их смысловое назначение как, например, «богиня воды», «богиня растений» и т.д. Как мы помним, точно такие статуэтки встречены были археологами на многих, хотя и не на всех, поселениях Маргианы, что, бесспорно, указывает на взаимную генетическую связь создавших их людей, независимо от того, где они проживали, в подгорной полосе южного Туркменистана или в древней дельте реки Мургаб.

В этом плане весьма показателен, документально установленный археологами, факт запустения многих, недавно еще процветающих, оазисов подгорной полосы Копет Дага и вместе с тем интенсивного обживания бассейна р.Мургаб. В самом деле, где-то в начале II тыс. до н.э. еще теплилась жизнь на грандиозном по размерам Намазга депе, полностью было заброшено столичное поселение Алтын депе, не говоря уже о небольших поселениях и деревушках. В чем же причина этого? Может быть, кризис, еще вчера процветавших древнеземледельческих оазисов, связан с катастрофическими причинами? Это могло быть наступление засушливого периода, когда традиционно земледельческое население юга Туркменистана уже не могло себя прокормить.

Из года в год отсутствие дождей и уменьшение воды в предгорных речушках могло привести не только к уменьшению урожаев, но и к общему кризису древнего хозяйства.

С другой стороны, возможной причиной могло быть вторжение воинственных кочевников, которые всегда с завистью смотрели на богатые, процветающие поселки оседлых племен. Тем более, что в руинах поселений этого времени археологам встречались обломки грубых сосудов степняков, отличавшиеся от изящной тонкостенной керамики местных южнотуркменистанских племен. Такую посуду могли принести с собой кочевники-номады при предполагаемом вторжении в процветающие оазисы подгорной полосы Копет Дага.

Обе эти гипотезы привлекательны своей логикой, тем более, что примерно в это же время происходит освоение Маргианы.

Однако, имеется загадочный документально засвидетельствованный факт: при запустении на юге Туркменистана рядом с заброшенными поселками продолжает существовать огромное поселение, такое как Улуг депе у Душака, а около почти заброшенной столицы Намазга депе возникает хотя и небольшое, но новое поселение под современным названием Теккем депе. Как же совместить, казалось бы несовместимые, факты? Если наступил засушливый, ксеротермический период, то он в одинаковой степени должен был бы отразиться на положении всех древнеземледельческих поселений, точно так же, как и предполагаемое вторжение кочевников должно было затронуть судьбы всех населений.

Установлено, что основное население (около 75%) южного Туркменистана на рубеже III-II тыс. до н.э. концентрировалось в местах, где теперь находятся такие крупные памятники, как Алтын депе, Улуг депе и Намазга депе. Иначе говоря, еще до предполагаемого кризиса началась миграция в крупные поселения, что видимо, связано было с изменениями в палеэкономике. Если учесть, что тогда основу ее составляло земледелие и скотоводство, то очевидно, что ответ на эту интригующую загадку следует искать в изменении климата: в наступлении засушливого периода, а затем и жесткой засухи.

Для решения этой проблемы в целом, особый интерес представляют новейшие данные смежных наук. Так, кандидат геолого-минералогических наук М.Н.Трубахин, давно и успешно работающий в Туркмении, по результатам специальных изысканий выдвинул теорию, согласно которой оптимальные климатические условия для древних земледельцев Туркменистана в V-III тыс. до н.э. сменяются на рубеже III-II тыс. до н.э. ксеротермическим периодом, т.е. сильной засухой. Причем, что принципиально важно, ксеротермический

период имеет глобальный характер и отмечен для всей западной Евразии. В дальнейшем отмечается постепенное повышение влажности, т.е. снова появляются условия для земледелия.

Подобная экологическая ситуация может до определенной степени объяснить картину всеобщего кризиса, полученную по археологическим данным в южном Туркменистане. Постепенное пересыхание подгорных рек Копет Дага приводит к концентрации населения в крупных поселениях, где их совместный коллективный труд по созданию ирригационных сооружений мог хотя бы на время отдалить наступающую засуху. Но масштабы ее были так огромны, что остановить ее окончательно было невозможно. Люди были вынуждены покинуть насиженные места в поисках новых плодородных земель. Тогда и была заселена Маргиана.

Учитывая характер ксеротермического периода можно предположить, что близкие, если не аналогичные факторы, послужили причиной миграции племен, отмеченной в это же время в Иране и Афганистане.

Археологи обратили внимание на то, что после предполагаемого кризиса происходит интенсивное освоение долинных аллювиальных равнин, орошаемых такими большими реками, как Амударья в ее среднем течении и Мургабом.

Казалось бы вполне очевидный упадок, регресс местного общества подгорной полосы Копет Дага оборачивается дальнейшим прогрессом и общим подъемом культуры в Маргиане.

Как же совместить это кажущееся несоответствие? Сейчас еще трудно дать однозначный ответ на этот сложный вопрос. Было подмечено, что примерно в это же время приходят в запустение не только крупные центры Ирана и Афганистана, но и т.н. харапская цивилизация долины Инда, за этим возможно кроются общие палеоклиматические изменения и исторические события.

Думается, что постепенная концентрация населения в крупных поселениях южного Туркменистана явилась следствием частичного изменения палеогеографии предгорий Копет Дага.

Как мы помним, тысячелетиями там существовали поселки оседлых земледельцев, обитатели которых из века в век обрабатывали одни и те же поля, что естественно не могло не привести к постепенному истощению почвы. Кроме того, гидрографические условия подгорных речушек таковы, что русла их в течение многих сотен лет пропиливали глубокие узкие ложа, искусственный забор воды из которых и устройство сооружений типа плотин и отводных каналов становилось технически трудным.

Прогрессирующие углубления русел рек и трудность освоения новых земель без строительства сложных ирригационных сооружений вместе с возрастающим истощением старых пашен приводило к необходимости концентрации населения в крупных городах (памятники типа Алтын депе или Намазга депе). И это в то время, когда рядом, в нескольких десятках километров в бассейне р.Мургаб лежали никем не занятые целинные земли, плодородная почва которых ждала трудолюбивого земледельца.

Открытие настоящего Эльдорадо в бассейне дельты Мургаба могло явиться причиной миграции сюда части населения из подгорной полосы Копет Дага.

Свободные, никем не занятые целинные земли, щедро орошаемые водами Мургаба, стали «раем» для переселенцев, уставших от постоянной нехватки воды в подгорных, подверженных сезонным колебаниям речушках. Сюда частично могло переместиться и население южного Туркменистана, заложив тем самым основу для создания древней страны Маргуш.

Кстати, первые неудачные попытки освоения Мургаба были предприняты геоксюрскими племенами еще на рубеже IV-III тыс. до н.э., но технические возможности использования вод такой большой долинной реки оказались явно недостаточными, и уже вскоре колонисты ушли отсюда, так и не обуздав воды Мургаба.

Казалось бы, есть все основания предположить, что Маргиана заселялась исключительно выходцами из Южного Туркменистана, если бы не вполне очевидные иранские связи, указывающие на более сложные события, связанные с колонизацией Маргианы.

Так, неохотно и очень скупно, открывала свои тайны древняя страна Маргуш. Путь научного поиска был сложен, труден, а иногда и опасен. Для примера вспоминается случай, который произошел весной 1974 г., когда экспедиция базировалась в столичном Гонуре.

Знойный день сменился вечерней прохладой, Игорь Клочков в полевом музее занялся разборкой найденных днем материалов. Полевой музей - это расчерченная по квадратам ровная площадка такыра, начинающаяся у самых палаток экспедиционного лагеря. Раскладывая находки по квадратам, Игорь медленно продвигался в сторону от палаток, сортируя обнаруженные в раскопках обломки керамики по их типам и формам. Тихий, прохладный бесшумный вечер располагал к спокойной созерцательности, как вдруг под одним из крупных обломков сосуда послышалось предупреждающее шипение, изящно свернувшейся в кольцо, змеи, видимо, спрятавшейся от полуденного зноя под черепок в благодатную для нее прохладу. Четко сработал врожденный инстинкт самосохранения, змея была зарублена лопатой и выброшена далеко за пределы полевого музея. К ужину об этом событии уже все забыли, а некоторые, отсутствовавшие сотрудники экспедиции, вообще бы об этом ничего не узнали, если бы эта история не имела продолжения.

Рано утром, еще в предзвездной темноте, собираясь умыться, я стал искать полотенце в палатке, где мы жили с Игорем. Нащупав его рукой, я вскрикнул от неожиданности - под полотенцем, свернувшись клубком, вся напружинившись, готовая к броску, с поднятой головой лежала змея. Желтоватое тело с яркими полосами, узорами и зигзагами местами было покрыто алыми с засохшей кровью порезами, маленькая изящная головка украшена светлым крестом. Эфа! Наиболее ядовитая из всех змей, укус ее как правило смертельный.

А ведь именно ее накануне в полевом музее посчитали убитой и спокойно выбросили за пределы лагеря. Значит, придя в себя, красавица эфа не уползла в родную пустыню, а, преодолевая боль, вернулась в ненавистный ей лагерь и заползла в палатку, да не в какую-нибудь, а именно в ту, где спал Игорь.

И кто знает, не змеиная ли месть принудила ее вернуться к людям в надежде отомстить им за боль кровотокающих ран. Как бы то ни было, до ближайшего населенного пункта от нас надо ехать по тряской дороге, около 50 км, а никаких противовоздушных препаратов, по легкомыслию своему, у нас тогда не было.

И это лишь один эпизод из многих, которыми полна великая пустыня Каракумы, куда с неотвратимостью судьбы вели нас поиски страны Маргуш.

Глава 6. Первые колонисты дельты Мургаба

Следующий полевой сезон пришелся на осень 1978 г. Лавируя между песчаными дюнами, наша экспедиционная машина направлялась внутрь песков. Но вместо знакомого пустынного ландшафта по обе стороны от дороги шли теперь возделанные хлопковые плантации целинных совхозов и колхозов. Наступление на пустыню началось еще в прежние годы, давно уже Яз депе стоял в окружении белого моря хлопчатника, затем хлопковые плантации появились вокруг Тахирбая. Теперь тракторы и экскаваторы, бульдозеры и скреперы вспарывали целинную землю, подступая к Тоголоку и Гонору. И хотя уже два года как был принят специальный закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», мало кто из местных руководителей думал об их действительной охране. Десятки памятников тахирбайской и тоголокской групп оказались безнадежно разрушенными и запахантыми. Ошеломляющую картину увидели мы в тоголокском оазисе. Памятников,

открытых всего несколько лет назад, больше не существовало, лишь мелкие точки на нашей карте отмечали их бывшее местоположение. Мощные тракторы оставляли нетронутыми лишь высокие многометровые холмы.

Беда не приходит одна. Гонурская, тахирбайская и тоголокская группы располагаются в восточной части Маргианы, а вновь открытый келлелийский оазис составляет его северо-западную часть. Именно здесь, в глубине песков, на расстоянии свыше 100 км от г. Мары, и была построена компрессорная станция прямо на месте огромного столичного поселения Келлели. На руинах древних зданий уже были распланированы улицы и дома будущего поселка, жители которого будут обслуживать станцию. Но мало того. Для тех же целей была проложена асфальтовая дорога из Байрам Али до Келлели, перерезавшая несколько древних поселений, а главное, нарушившая группу из трех холмов Уч тепе, которую в начале века обследовали американские археологи.

Наше энергичное вмешательство до определенной степени приостановило разрушение новых памятников. Теперь предстояло доисследовать те, что уже оказались частично разрушенными или находились вблизи возводимых промышленных объектов. Для начала мы выбрали небольшое поселение Келлели-4, частичные раскопки которого выявили небольшое компактное здание. Прямые ровные помещения демонстрировали четкую планировку чрезвычайно любопытной застройки памятника. Дальнейшие раскопки здесь продолжили ашхабадские археологи, обнаружившие глухое, квадратное в плане, здание размером 30 на 30 м, ориентированное внешними стенами строго по странам света. Изнутри вдоль стен тянулись обводные коридоры, состоявшие в свою очередь из трех-четырёх вытянутых цепочкою помещений, с проходами, ведущими в комнаты внутренней застройки. Интерьеры комнат тщательно заглажены, стены и полы аккуратно покрыты глиняной штукатуркой, а некоторые даже частично сохранили алебастровую обмазку.

В целом же планировка поселения Келлели-4 соответствует планировочным принципам сооружений Бактрии, основу которых составляют внутренние дворы, окруженные помещениями, демонстрируя как бы их уменьшенные маргианские копии. Люди, жившие здесь, использовали в быту разнообразную по формам посуду, напоминающую гонурскую. Уходя отсюда, они оставили много целых сосудов, врытых в полы помещений и ставших счастливой находкой археологов. В одном помещении археологи расчистили свыше 20 таких сосудов, служивших для хранения продуктов. Здесь же была найдена медная печать, отлитая в виде козла с большими загнутыми рогами, которая пополнила коллекцию печатей древней Маргианы.

Тип небольших, но максимально укрепленных крепостей, демонстрирует еще один памятник келлелийской группы, раскопанный ашхабадскими археологами. Это так же квадратное в плане здание, сохранившее в середине каждой фасовой стены по одному въезду. По периметру крепости располагаются 24 прямоугольные башни. Оборонительное назначение башен, и особенно предвратных, защищавших входы, представляется бесспорным.

Итак, даже небольшие раскопки, проведенные в келлелийской группе памятников, открывают новую страницу в истории древней архитектуры. Вокруг столичного Келлели располагались небольшие деревеньки и крепости. Последние скорее всего служили местом обитания отдельных фамилий или кланов, выделившихся из рядовых семей общинников. Укрывшись за высокими глухими стенами своих крепостей, они старались обезопасить себя не только от возможных врагов, но, по-видимому, и от соплеменников. Все вместе поселения и крепости тяготели к столичному Келлели, где могла находиться местная администрация, регулирующая повседневный быт обитателей этого отдельного ирригационного оазиса.

Вообще же келлелийский оазис занимал в системе всей древней Маргианы особое место. Как теперь стало очевидным, это была наиболее окраинная северная часть, где заканчивались хвостовые русла былой дельты р. Мургаб, создавшие оптимальные условия для земледелия. При паводках, именно в хвостовых своих частях, широко разливался дельтовый веер, вынося вместе с водой массу плодородного ила. Не устраивая сложных ир-

ригационных устройств, обходясь лишь небольшими отводными канавами и заградительными валами, можно было при минимальных затратах получать максимальные урожаи. Земледелие здесь базировалось на естественных разливах дельтового веера, а не на искусственном орошении. И видимо, именно эти преимущества и были по достоинству оценены пришлыми племенами, так что келлелийская группа является одной из древних среди всех известных ирригационных групп оазисов Маргианы. Иными словами, экологические условия северо-западной части дельты Мургаба оказались наиболее оптимальными для ведения древнеземледельческого хозяйства. И нет ничего удивительного, что специалисты, и в первую очередь местные туркменские археологи, предполагают, что первые колонисты в системе всей Маргианы появились именно здесь.

Проведя первые раскопки на Келлели-4, мы естественно задались вопросом, что же находится еще дальше в песках, к северу от нас?

На мощном вездеходе мы, казалось, обшарили все пески на многие километры вокруг, но никаких свидетельств обитания здесь людей эпохи бронзы не нашли. Зато однажды, возвращаясь из очередного неудачного поиска в наш базовый лагерь у Келлели-4 и не доехав до него несколько километров, мы заметили небольшую красную россыпь мелких фрагментов керамики. Дожди смыли ее с широкого такыра к основанию прилегающей песчаной гряды. Соблазн был слишком велик, чтобы, устав за день, после бесплодных поисков, все же не остановиться бы здесь. Нас сразу же насторожило то обстоятельство, что мелкие, невыразительные кусочки керамики объединяет один общий признак - вся она была ярко-красного цвета, резко отличаясь от светлофоновой посуды эпохи бронзы. Такой признак характерен для керамики ахеменидского времени, такая посуда была в повседневном быту в середине I тыс. до н.э. Но по нашим предположениям, люди того времени должны были жить много южнее. К этому периоду в келлелийском районе уже должна была исчезнуть вода. Под песчаными наносами покоились лишь руины давно заброшенных поселений. Мы стали с особым вниманием собирать даже самые мелкие керамические осколки, пока кто-то из нас не обратил внимание на следы ярко-красной краски, сохранившейся на внешней поверхности черепка. Но ведь расписная посуда существовала в Туркмении много веков назад, и уже давно была заменена гончарной нерасписной. Правда, это могла быть посуда людей, живших в одно время с первыми обитателями Яз депе, которые, как мы помним, особенно вначале, широко использовали лепленную вручную и украшенную расписными узорами керамику. Но по нашим расчетам в то время келлелийский регион представлял собой пустыню, полузанесенную надувными песками. Как же совместить эти явно несовместимые и даже взаимоисключающие друг друга наблюдения?

Мы терялись в догадках, а я продолжал крутиться ни о чем «пяточке» из керамической крошки: пытаюсь на месте все же найти ответ на наши вопросы. И не зря. Среди мелких осколков, я наконец, нашел фрагмент с двуцветным, красным и черным, узором.

В памяти возникли ассоциации почти двадцатилетней давности: раскапывая энеолитические геоксюрские поселения около г. Теджен, мы находили такие же черепки с двуцветной росписью. Но ведь там жизнь существовала в IV тысячелетии до н.э.! Было от чего снова и снова сгибаться над очередным черепком и, сдувая с него пыль, каждый раз надеяться увидеть желанный орнамент. И наши старания превзошли все ожидания! Кроме новых черепков расписной посуды, нам посчастливилось обнаружить обломки терракотовой женской статуэтки. На ладони лежал невзрачный фрагмент, но память услужливо подсказывала ее общий реконструированный облик. Только в Геоксуре, и только в IV тыс. до н.э., у местных племен изготавливались такого типа женские статуэтки.

Сомнений быть не могло, здесь в юго-восточных Каракумах, в древней дельте р. Мургаб, в IV тыс. до н.э. уже существовала жизнь. Здесь обитали племена, выходцы из бассейна другой древней реки: Теджен. Нечего и говорить, что уже на следующий день были приостановлены раскопки на Келлели-4, и мы все принялись обследовать близлежащие пески. Под палящим солнцем было исхожено много километров; петля между высоченными

барханами, мы ожидали за очередным поворотом увидеть бугор, усыпанный такими же расписными черепками, но все наши надежды оказались тщетными. Мы так и не нашли ни одного поселения этого времени, хотя в разных частях такыров были выявлены еще несколько россыпей керамической крошки с остатками двуцветной росписи. Но ведь сами по себе, без людей, ни посуда, ни статуэтки не могли попасть сюда. Остается лишь допустить, что с изменением русла реки в конце IV тыс. до н.э. не все геоксюрские племена вынуждены были покинуть веками насиженные места и уйти на юг. Очевидно уже в то время до них доходили сведения о свободных землях, расположенных рядом, в бассейне р.Мургаб. И самые смелые из них рискнули колонизировать и освоить плодородную целину.

Имея навыки ведения традиционно земледельческого хозяйства в условиях древней дельты р.Теджен, пришельцы и здесь, на новом месте, начинают обрабатывать поля под культурные злаки. Но то ли экологические условия в бассейне Мургаба оказались иными, то ли смельчаков отважившихся освоить новые земли оказалось слишком мало, но факт остается фактом: иммигранты не остались здесь надолго. Не прижившись на новом месте, они вскоре уходят отсюда, унося с собой лишь надежды на лучшую долю на новом месте. Во всяком случае, несмотря на специальные поиски, пока мы не знаем здесь ни одного древнего поселения IV тыс. до н.э. Жизнь в Маргиане сразу и бурно расцветает через тысячу с небольшим лет, в начале II тыс. до н.э. здесь основываются первые поселения келлелийского группы древне-маргианских памятников.

Пока мы изучали древности келлелийского оазиса, в другой части древней страны Маргуш шло планомерное разрушение древних поселений. Распашка целинных земель словно эпидемия захватывала все новые и новые районы. Не успевали мы приостановить разрушение в одном месте, как оно уже начиналось в другом. Целая сеть глубоких арыков протянулась от отводного русла каракумского канала, и вот уже амударьинская вода заплескалась у древних поселков, казалось бы, навечно заброшенных свыше трех тысяч лет назад. Жизнь снова вернулась в Маргиану, но теперь уже в иных масштабах. На глазах возводились целинные совхозы и колхозы, строились десятки животноводческих ферм, прокладывались новые асфальтовые дороги в самые глухие уголки пустыни.

Сотни механизмов днем и ночью вгрызались в землю. Перед грандиозными планами освоения целинных земель такими мелкими казались наши просьбы о сохранности еще одного холма, еще одной россыпи керамики на такыре. Наши устные разъяснения и письменные рапорты в лучшем случае воспринимались с иронической, если ни со снисходительной, улыбкой. При этом мне заверяли в принятии мер. И все-таки, чего-то мы добились: местные трактористы уже не въезжали на высокие бугры, чтобы проверить стальными плугами, не спрятан ли там древний клад. Они стали даже оставлять на поле островки невспаханной земли с россыпью керамики на поверхности, и лишь после нашего обследования продолжали дальше распашку целины.

В тот памятный год, благодаря ставшей уже обычной помощи Данатара Гулмурадова, машину мы арендовали на автобазе г.Теджена, а не гнали из Москвы. С водителем, уже пожилым шофером Бяшим-ага, мы познакомились в Теджене и договорились встретиться в Байрам Али у главпочтамта. Если учесть, что это была к тому же и единственная почта города, то встреча наша, казалась, исключала какие-либо проблемы. Но в условленный день и час я безуспешно искал машину у почты на боковой улочке, зная что центральная закрыта для проезда грузовых машин. Уже давно прошли все сроки встречи, день клонился к вечеру, я несколько раз звонил в Теджен, но ответ был один - еще рано утром машина выехала в Байрам Али. Оставалось лишь надеяться, что в дороге не произошло никакой аварии.

В который раз обойдя вокруг почты, я уже направился в гостиницу, и тут увидел нашу автомашину, спокойно стоящую под «кирпичом» - знаком, категорически запрещающим проезд. И так же спокойно в машине спал Бяшим-ага. Как оказалось, наш новый шофер, вот уже какое десятилетие работающий на машине, был в явных неладах с правилами дорожного движения. Его стихией были пески. Еще лучше - никем неизведанные. На многие сотни километров в безжизненные барханы углублялся Бяшим-ага в поисках отдаленных отар.

Порою никто кроме него не знал этих дорог. Но он терялся среди дорожных знаков. И когда, завершив экспедицию, мы собирались назад в Теджен, Бяшим-ага уговорил нас выехать ночью и не по асфальтовому шоссе, а напрямиком через пески, по, только ему известному пути.

В то утро мы встали с Бяшим-ага, когда еще спал весь наш экспедиционный лагерь. С вечера мы договорились поехать на разведку, посмотреть, не разрушаются ли новые памятники. Солнце еще только появилось на горизонте, а полевые жаворонки уже затаили свои бодрые трели. Стояло начало осени. Вокруг лагеря, насколько можно было видеть, раскинулся ковер из желтых трав, редких кустов саксаула и черкеза. Ровный как стол, такыр переходил на горизонте в песчаные гряды, куда лежал наш маршрут.

Мы еще только выехали из лагеря, а Бяшим-ага уже стал настороженно посматривать по сторонам, машину он вел как-то неуверенно, выдерживая лишь общее направление в сторону предполагаемых памятников, отмеченное по карте. И вдруг я почувствовал уверенную руку нашего шофера, машина устремилась в сторону отдельно бугрившихся барханов. Уже потом он мне честно сознался, что там за ними он увидел еле заметные клубы пыли, которые может оставлять лишь большое стадо баранов. Туда то и поспешил Бяшим-ага. У чабанов можно узнать про интересующие нас памятники, а ему отвести душу с земляками-туркменами, которых он так давно не видел, находясь с нами в лагере.

Инстинкт жителя пустыни не подвел его и на этот раз. Наша машина затормозила у небольшого домика, рядом с чабанами мы увидели таз полный мяса только что зарезанного барана. В утренней прохладе еще поднимался пар от освежеванной бараньей туши, и я уже знал, что отсюда мы так просто не выберемся. Взаимные приветствия, и Бяшим-ага уже уверенно пошел в домик, сумрак которого таил ночную прохладу еще не рассеянную встающим солнцем. Зная по опыту, что без обязательного чаепития дело не обойдется, я решил пока осмотреть окрестности. Когда через два часа я вернулся в домик, первым меня встретил счастливо улыбающийся Бяшим-ага. В центре комнаты над жарким пламенем горящего саксаула, на специальной треноге стоял чугунный котел с шипящим курдючным салом и кусками баранины.

Хозяева-чабаны забившись по углам с завистью смотрели на нашего шофера, почему-то ставшего теперь главной фигурой. Важно помешивая деревянной ложкой мясо, он вылавливал наиболее лакомые куски: то сердце, то почки. Отведав кусочек, брезгливо бросал снова в котел, считая, что мясо еще не дошло. Иногда ему попадались куски, достойные его внимания. И тогда отведав сям, он милостиво протягивал остатки чабанам, хозяевам барана, все еще скромно сидящим по углам комнаты. Для меня до сих пор осталась непонятной эта метаморфоза - как Бяшим-ага сумел стать центральной фигурой, превратив хозяев барана в жалких просителей.

Но, наконец, мясо готово, и все, придвинувшись к казану, принялись за обед. И тогда я понял неистребимую тягу туркмен к зеленому чаю. Жирная баранина настоятельно требовала чая, только чая и ничего кроме чая. К жарким углям подставлялись все новые тумчи, вода ключом била через верх, снова и снова в нее бросались пригоршни сухой заварки, И казалось, не было конца чаепитию, казалось, уже наступил предел всем человеческим возможностям. Но заваривались новые тумчи, и снова булькал кипяток, под равномерную нескончаемую убаюкивающую беседу. А ведь нас ждали памятники, которые нам предстояло исследовать.

Наконец, пустые пиалы отставлены в сторону. Возликовав в душе, я уже стал готовиться в дорогу, но пришлось снова присесть. Теперь они закурили самокрутки. Терпкий запах терьяка, местного наркотика, заполнил всю комнатку. Сигаретный дым клубами растворялся в пламени очага и слабо вытягивался в раскрытую дверь. Докурены все самокрутки. Можно уже ехать. Но кто-то снова подставил к огню тумчи, и снова началось чаепитие.

Вытянувшийся на полу, подложив под бок подушку, благодумствовал Бяшим-ага и его «гости». Уже через силу прихлебывали они очередные - какие по счету?! - пиалы с чаем.

Уже теперь-то конец. Но когда они снова приготовились закурить, мое терпение лопнуло. Я понимал, что они «поймали свой кейф». В многотрудной чабанской жизни не часто выпадают такие моменты отдыха. Но нас ждала работа. И тогда, собрав остатки мужества, я робко заметил нашему шоферу, что пора бы на поиски холмов-депе ехать. Безмятежно улыбаясь и стирая пот с лица когда-то белым полотенцем, Бяшим-ага с удивлением воззрился на меня:

« - Товарищ начальство! Мясо есть, хлеб есть, чай есть, кому нужно это депе?»

А сидящий рядом маленький тщедушный чалук-подпасок, по-львиному расправив плечи, сопровождал его: «Если не найдем, сами построим депе!»

Как бы то ни было, но в тот день именно он привез нас к колодцам Аджи-Куи (соленые колодцы) и показал памятник, казалось бы, безнадежно затерявшейся в песках, который мы и избрали основным объектом для раскопок.

Лишь позднее мы узнали, что в предшествующие годы ашхабадскими археологами здесь был выявлен особый аджи-куинский оазис. Среди памятников этой группы размерами выделялось столичное поселение Аджи-Куи-8, где местами прямо на поверхности выступали полуразвезанные остатки стен от древних строений. Опасаясь, что и сюда доберутся вездесущие экскаваторы и тракторы, мы решили провести здесь небольшие охранные работы.

Для этого, выбрав наиболее возвышенную часть памятника, мы приступили к ее раскопкам. Для начала с поверхности мы собрали все наслоившиеся за прошедшие века черепки, поместив их в полевой музей. Уже с первых же пластов снятого верхнего слоя под лопатами рабочих оконтуривались стены помещений, сложенные из сырцового кирпича. Однако, внутри помещений, вместо обычных в таких случаях мусорных слоев и обрушившихся стен и кровли, появился чистый надувной песок, идущий до самого пола. Эта загадка разрешилась лишь через несколько лет, когда мы приступили к раскопкам кремля на столичном поселении Гонур, где вскрыли монументальную архитектуру с помещениями, также засыпанными внутри чистым надувным песком.

А пока, после длительных раскопок, здесь, в центре поселения Аджи-Куи-8, мы обнаружили две чрезвычайно длинные внешние обводные стены, углом отходящие друг от друга и принадлежащие какому-то монументному комплексу. Снаружи они были отделены от прилегающей древней архитектуры широкими улицами и площадями, образуя замкнутый комплекс - своеобразный кремль, ориентированный стенами строго по странам света.

Мы так и не узнали общих размеров стен комплекса, но судя по тому, что только частично раскопанные, они имели длину свыше 50 м, можно считать, что это было огромное по тому времени сооружение.

Хотя большая часть внутренней площади предполагаемого кремля осталась нераскопанной, в юго-восточном углу нам удалось расчистить до полутора десятков помещений, взаимосвязанных между собой проходами. Центральным среди них было прямоугольное помещение с глубокими внутрестенными нишами, по три вдоль каждой стены. В середине одной из стен устроен внутрестенный камин с дымоходом. Он точно повторял камин, раскопанные нами на северо-афганском поселении Дашлы. Хотя раскопки на поселении носили разведочный характер, можно было предположить, что они выявили архитектурный комплекс особого значения. Это не были частные дома, перед нами вырисовывался комплекс зданий административного назначения, своеобразный кремль столичного поселения Аджи-Куи.

А масштабы освоения целинных земель приобретали столь большие размеры, что мы не могли по настоящему контролировать ситуацию с охраной древних памятников. К тому же мы узнали, что хлопковые поля все ближе придвигаются к гонурскому оазису. Мощные канавокопатели уже протягивают ниточки будущих арыков, уходящих все дальше на север. Обходя островки со сплошными песчаными барханами, техника вгрызается в ровные площади такыров, закладывая все новые и новые плантации.

В один из воскресных дней мы решили навестить столичный Гонур и посмотреть, не угрожают ли новостроечные работы этому уникальному памятнику Маргианы. И хотя по дороге мы встретили несколько небольших, но уже безнадежно запаханных поселений, до столичного Гонура дело пока не дошло. Все так же гордо бугрились древние холмы, усыпанные тысячами обломков битой керамики. Прошло почти два года с момента наших последних работ. Здесь за это время дожди и ветры могли развеять и размыть какие-то другие участки древних поселений, возможно обнажив новые находки. Рассыпавшись по Гонуру, мы медленно брели по его поверхности, внимательно вглядываясь под ноги. Казалось, уже в тысячный раз мы проходили по одним и тем же местам, и уже не осталось ничего интересного, пока кто-то из нас, поднимаясь по крутому склону крепости, не поднял обломок трехгранной призмы, выточенной из черного стеатита. Косой скол сохранил, да и то частично, лишь одну плоскость с четко прорисованным изображением парящего орла, предположительно с черепахой в когтях. Подобно другим маргианским амулетам он имел сквозное отверстие для шнура. Но теперь мы впервые узнали о существовании не только плоских, но и трехгранных амулетов. Не в пример рисункам орлов в геральдической позе, здесь эта птица была выгравирована с поразительным реализмом. Высоко поднятые вверх крылья, распущенный хвост, хищный клюв. Когтистые лапы крепко держат животное, напоминающее черепаху, с четырьмя широко расставленными лапами. Это бесспорно была лишь часть былой сюжетной композиции, которая впервые знакомила нас не с каноническим, а реалистическим направлением древнемаргианского искусства.

Обследуя поверхность центрального бугра, неподалеку от нашего первого шурфа, я обратил внимание, что на поверхности этого участка ветры и дожди обнажили площадку, на которой по выжженной траве прослеживаются какие-то необычные широкие стены с регулярно расположенными выступами-пилястрами. Внимательно вглядываясь в широкие прямые полосы белых стен, уходящих под траву, нам удалось проследить и наметить общие контуры какого-то прямоугольного здания размером 35 на 25 м, как нам тогда казалось, с угловыми башнями.

Длинные широкие стены с внутренними пилястрами, прослеживаемые по цвету выгоревшей травы, достаточно близко напоминали раскопанную планировку предполагаемого кремля на Аджи-Куи-8. В таком случае, может и здесь на Гонуре, располагался какой-то монументальный комплекс особого назначения. Это мог быть небольшой храм. Обычно такие храмы отгораживались от расположенных рядом гражданских построек обводными стенами. Но мог быть и кремль, административный центр Гонура, где можно было ожидать находки, свидетельствующие о социальной жизни Маргианы в эпоху бронзы. А кроме того, учитывая столичный облик Гонура в системе всей страны Маргуш, здесь мог располагаться административный центр не только Гонура и гонурской группы, но и всей древней страны Маргуш.

Одним словом, заманчивых идей было так много, и они обещали столь обнадеживающие результаты, что помнилась необходимость перенести центр наших полевых исследований именно сюда. Здесь можно было, хотя бы частично найти ответы на многие вопросы, связанные с интеллектуальной и социальной жизнью местного общества, письменность которого нам оставалась неизвестной.

Мы до сих пор не знали, да и сейчас не знаем, что же представляет собой Гонур. Что это - огромное поселение или настоящий город? Надо сказать, в науке до сих пор отсутствует четкое понятие, что же такое «древний город», чем город отличался от деревни. Только ли размерами или более фундаментальными различиями? И хотя имеют значение и размеры и численность населения, основное различие заключается в конкретных их функциях, в конкретном их назначении. Существует много разногласий по этой сложной проблеме, но все исследователи единодушны в одном: отличие деревни от города заключается в том, что город был сосредоточением административно-культурной власти. Именно в городе, а не в деревне, концентрировалась как светская, так и культовая власть. Именно в городе могли располагаться дворцы и храмы. Вот если наши раскопки на Гонуре

обнаружат монументальное сооружение такого типа, тогда можно будет говорить о нем как о подлинном городе древности в Маргиане. При полном отсутствии письменных свидетельств, только археологические раскопки могли однозначно ответить на этот вопрос. Все эти соображения и побудили нас перенести основные раскопки экспедиции на Гонур.

Глава 7. Гонур – столица страны Маргуш

Когда ранней осенью 1978 г. мы стояли на руинах Гонура и расчерчивали черенком лопаты выступившие стены предполагаемого кремля, мы не думали, что пройдет еще целых три года, прежде чем здесь начнутся раскопки. Оставив сотрудников докапывать поселение Аджи Куи-8, в начале октября я выехал в Северный Афганистан на обычные осенние раскопки. Но именно в тот год нам посчастливилось открыть царские могилы античного времени на поселении Тилля Тепе. За этими заботами как-то отодвинулись на задний план работы в Маргиане, которые мы смогли продолжить лишь весной 1981 г.

Набирая сотрудников в экспедицию, я твердо знал, что будем копать предполагаемый храм или кремль на столичном Гонуре. Вот тогда-то, формируя состав экспедиции в Москве, я впервые и познакомился с нашим Олегом. Нельзя сказать, что люди валом валяли в экзотические Каракумы, но недостатка желающих повышать здесь хоть раз не было.

Среди потенциальных кандидатур предпочтение отдавалось не новичкам, а людям уже бывалым, знакомым с местной спецификой. Именно таким и был Олег Розенталь, не зеленый юноша, а бывалый полевик, принимавший участия в различных археологических экспедициях. Передо мной стоял человек скромно одетый, с потертым, но настоящей кожи старым портфелем. Потомственный интеллигент, закончивший математический факультет университета, он попытался было заняться педагогической работой, но уже вскоре сменил перо на лопату, а учебники - на тяжеленные мешки. Все это я узнал много позже, но по-настоящему оценил Олега уже в первый же день экспедиции, когда начали разбивать лагерь около Гонура.

Устраиваясь в песках, мы всегда особенно тщательно относились к вопросам бытовой санитарии и гигиены. Так и в тот раз, пока натягивали палатки и ставился высокий тент над кухней, кому-то нужно было заняться малоприятным, но необходимым делом - отрыть помойную яму. Обычно мы ее устраивали подальше от лагеря, в твердом, каменном такыре, куда потом выбрасывались кухонные отбросы. Не пропадала зря и выброшенная наверх земля, ею засыпали сверху мусор, чтобы хоть в какой-то степени уменьшить то огромное количество мух, неизвестно откуда появлявшихся в безжизненных песках вместе с появлением человека.

Ставить палатки было несравненно легче, чем копать яму, и я не встречал энтузиастов, которые бы сами просились на такую работу, пока не встретил Олега. Взяв кирку и лопату, он добровольно двинулся в сторону от лагеря, очевидно не предполагая какая здесь твердая, веками высушенная тропическим солнцем, земля. Мысленно я уже выбрал следующего, кто заменит его через час-полтора, пока в лагерьной суматохе вообще не забыл о яме и о ее творце.

Вот уже приготовлен первый обед, и дежурный с полными ведрами очисток недоуменно оглядывается: куда же их нести? Не знал этого и я, пока не увидел вдали ритмично вылетающий из глубокой ямы песок. Уже давно была пройдена необходимая глубина, уже не видно было головы Олега, а он все продолжал долбить яму. Надо ли говорить, что вырытая им яма послужила нам не один и не два сезона, и до сих пор стоят оплывшие отвалы, напоминая о героическом начале в освоении Гонура.

Всегда веселый и неунывающий, с обостренным чувством юмора, он брался за самую тяжелую и трудную работу. Примерившись к выделенному ему для раскопок участку, он снимал очки, тщательно заворачивал их в белоснежный платок, прятал, и человек превращался в хорошо отлаженную машину. Четко, как по хронометру, без минутной

остановки отбрасывал Олег лопатой пласты земли, не замечая ни пыли, ни жары. Простецкий, но не простой, он живо интересовался местными обычаями, часто беседовал с чабанами, запоминая и записывая названия растений, змей, животных.

Подозреваю, что где-то в часы отдыха вел он и дневник, писал стихи, но все это с юмором, с легким подтруниванием над самим собой. Незаменим он был вечерами, когда собравшиеся у костра студенты ожидали Олега с его гитарой. Широкий репертуар - от ретро до песен будущего. Песни в его исполнении надолго запомнились не только нам, но и местным чабанам. И уже стало традицией, что первым вопросом чабанов, когда в очередной раз мы приезжали на Гонур, было: — "А Олег приехал?"

Вначале казалось, он не задержится у нас надолго, так как страсть скитальца, интерес к новым местам, гнали его из геологической экспедиции в археологическую, из Средней Азии на Дальний Восток. И хотя Олег пропустил несколько сезонов, он все же вернулся к нам, а мы к нему, и теперь судьба открытий древностей страны Маргуш была тесно связана с его судьбой.

В тот год мы все делали что-то не так. Лагерь разбили посередине ровной, как блюдце площадки перед Гонуром. Место ровное, удобное, хотя и самое низкое, о чем нас предупредили местные чабаны. Но было начало апреля, впереди ожидалась жаркая весна, а затем лето, и мы были уверены, что уж один-два дождя как-нибудь перенесем. Но действительность перечеркнула наши оптимистичные предположения. Вряд ли в последние годы выпадала такая дождливая весна. Грозовые раскаты уже, привычным рефреном сопровождали наши раскопки. После первого ночного ливня все мы оказались посередине озера. Зато вокруг на песчаных возвышениях ни лужицы - все впитали в себя пески. Каждый день на раскопе и дома обсуждался вопрос, переносить лагерь на новое место или нет. Казалось бы, впереди сухое безоблачное лето, откуда взяться ливневым дождям? Но регулярно через день-два гремели грозы, и тропические ливни с железным постоянством заливали наш лагерь потоками воды.

Следы безуспешной борьбы человека с необузданной природой сохранились до сих пор в виде глубоких канавок, какими мы тогда пытались под проливным дождем отвести воду от плавающих в ней палаток. До сих пор в такыре лежат утонувшие затянутые глиной доски, по которым мы пробирались из столовой, расходясь по своим палаткам. Зато впредь мы стали умнее и устраивали лагерь на склонах у подножья невысоких песчаных гряд, где хоть и было пыльно, но зато сухо в любую погоду.

Но вернемся к началу наших работ. На этот раз было решено приступить к систематическим раскопкам предполагаемого дворца. Хотя прошло немалое время, на поверхности холма еще сохранились линии, второпях прочерченные черенком лопаты в предшествующий год. Следуя, за этими линиями, мы начали осторожно расчищать их, постепенно углубляясь по обе стороны предполагаемых остатков стен. И уже вскоре рабочие натолкнулись на кирпичные стены. Но какие! Почти метровой ширины, они сохранили четкую, регулярную кладку и ровный слой штукатурки с обеих сторон.

Как и на Аджи Куи-8, здесь изнутри обводной стены появились прямоугольные выступы-пилястры, расположенные на равном расстоянии друг от друга, через каждые два метра. Уже через несколько дней раскопок мы убедились, что перед нами угол какого-то монументального комплекса с угловой прямоугольной башней. Обе, отходящие от угловой башни, внешние обводные стены образовывали прямой угол и были строго сориентированы по странам света, по ним можно было проверять стрелку компаса.

Итак, мы выявили внешние обводные стены предполагаемого монументального здания. Теперь нужно было посмотреть, а что же заключают они внутри себя. Началась многодневная, утомительная работа по выемке земли. И в результате на расстоянии двух метров от внешней стены появились две внутренние, расположение параллельно внешним; вместе они образовывали два обводных коридора. Площадь внутри них оказалась заполненной сплошным мусорным слоем, что никак не вязалось с предполагаемым особым назначением раскапываемого здания. Еще большие сомнения закрались, когда в культурном

слое стали появляться древние захоронения, и почему-то в большом количестве - погребения младенцев. Вырисовывалась картина, обычная для бытового памятника, когда заброшенное место приспособлялось под кладбище. Результаты первых раскопок казалось бы полностью опровергали наши оптимистические надежды на открытие монументального комплекса.

Предстояло разобраться во всем этом, но теперь уже путем более углубленного и тщательного исследования.

Для начала мы очистили верх стен и полы от мусорных слоев и комков земли, обработали их вениками и щетками, после этого мы сделали маленькие зондажи под основанием стен обводных коридоров. Как оказалось, они были выстроены на материке, т.е. сразу же с появлением здесь людей. Культурные слои, подстилающие основания стен, были очень тонкими, что позволило предположить, что период обживания этого места был очень коротким. С другой стороны, такие мощные, длинные стены построек, возведенных по единому сложному плану, не могли принадлежать обычным, частным домам. Это противоречило всей практике археологических раскопок не только в Маргиане, но и по всей Средней Азии. Оставалось допустить, что первоначально, в первый период, на этом месте, действительно, было сооружено монументальное здание, которое затем было заброшено, а заброшенные помещения рядовыми общинниками были приспособлены под обычные жилые дома, как это не раз отмечалось в истории древней архитектуры Передней Азии. Когда же они перебрались на новые места жительства, бывшие руины комплекса приспособили под обычное рядовое кладбище.

Наши последующие многолетние раскопки полностью подтвердили наше предположение.

И действительно, при дальнейших раскопках мы неожиданно натолкнулись на поперечные стенки в обводных коридорах. Очевидно, они относились к тому времени, когда это здание еще не было жилым. Но бытовые очажки в виде простых ямок на полу, заполненные золой, перекопы, мусорные отвалы - все это относилось к тому второму периоду, когда здесь обитали уже рядовые жители Гонура.

А раскопки между тем все продолжались. За обходными коридорами оказались огромные залы площадью до 40-45 м², заполненные не обычными мусорно-зольными слоями, а чистым надувным песком. Среди таких помещений выделялось одно с массивным прямоугольным выступом в середине западной стены, в виде пилястры, а в углу оказался встроены полукруглый сегмент со ступеньками, ведущими на его верх.

Установив общий план помещения, мы сравнили его с планом парадного зала дворца Яз депе, который так же имел в южном углу встроены сегмент и пилястру посередине длинной стены. Налицо явное сходство, начисто исключаящее случайное совпадение. Но тогда очевидны и общие традиции монументального зодчества Маргианы и Яз депе, хотя и принадлежащие разным по происхождению народам. В таком случае можно допустить, что здесь в Маргиане в эпоху бронзы складывается особая школа древнего зодчества.

Еще одно обстоятельство озадачило нас в первый год раскопок: несмотря на хорошую сохранность стен, местами они достигали до 2,5 м, мы нигде не обнаружили проходов. Перед нами были глухие помещения, расположенные рядом друг с другом, но не сообщающиеся между собой проходами. Мы заканчивали первый сезон работ с обнадеживающими результатами, но с двумя загадками. Почему залы не имели обычных мусорных слоев, а были засыпаны чистым надувным песком, и почему нет входов ни в один из них. Покидая в тот год Гонур, мы надеялись, что будущие раскопки ответят нам на оба эти вопроса.

Так получилось, что осенью того же года нам представилась возможность продолжить раскопки Гонура. Как мы помним, в самом начале раскопок по микрорельефу памятника «читалось» небольшое компактное здание размером 35 на 35 м. Однако, когда мы оконтурили внешние стены на эту длину, в том месте, где предполагался угол, мы его не нашли. Мы были уверены, что перед нами квадратное здание с прямоугольными башнями по углам, как это уже было на других памятниках. Но к нашему удивлению, внешние фасадные стены продолжались дальше.

Не имея возможности сразу оконтурить их при раскопках, мы все же попытались проследить их сверху, не копая, а зачищая верхний слой дерна. И в самом деле, сразу же под ним продолжалась мощная прямая стена, общее направление которой прямо совпадало с направлением уже частично раскопанных обводных стенами исследуемого комплекса.

Позади осталась 50-метровая отметка, а обе стены продолжались все дальше: одна шла от угловой башни строго на север, а другая - на восток. Больше того. Точно так же, как и на раскопанном участке, с внутренней стороны стен на расстоянии 2-х метров друг от друга располагались квадратные пилястры. Местами, из-за плохой сохранности, стены прерывались, длина одной стены составляла 130, другой — 120 м от их общего угла.

Итак, перед нами вырисовывался гигантский прямоугольник площадью свыше полутора гектаров! Чтобы удостовериться в своем открытии, в три других, предполагаемых угла прямоугольника были забиты колья. При ориентации с четвертого угла, уже раскопанного ранее (где мы выявили угловую прямоугольную башню), мы убедились, что все они точно соответствуют друг другу, образуя прямоугольник с общими размерами 130 на 120 м. Теперь уже можно было с облегчением оглянуться вокруг и увидеть, какое же место занимает этот гигантский прямоугольник в системе всего поселения Гонур!

Во-первых, стало очевидным, что Гонур занимает доминирующее положение, представляя теперь центральный холм, резко возвышающийся среди остальных всхолмлений. Его крутые склоны уходят вниз, образуя пониженные участки существующего когда-то поселения, а может, древние площади. Особенно большая располагается к югу от холма, ее мы условно так и назвали «центральной». Площади несколько меньших размеров находятся на севере и западе от него, с восточной стороны идет понижение, которое затем плавно переходит в такыр.

Итак, центральное сооружение общей площадью около полутора гектаров было в древности изолировано от окружающих его строений, которые располагались за центральной, западной и северной площадями и превратились теперь в невысокие холмы-руины. Если представить, что на месте этого главного бугра располагался четкий прямоугольник, ориентированный строго по сторонам света, с прямыми как стрелы обводными внешними стенами, усиленными по углам башнями, то станет очевидным - перед нами особый архитектурный комплекс, преднамеренно изолированный от домов рядовых общинников.

Специально-инструментальные съемки и аэрофотоснимки из космоса полностью подтвердили такое предположение. Как оказалось, именно здесь в древности находилось небольшое естественное возвышение, которое и было приспособлено для возведения особого по назначению монументального комплекса.

По замыслу строителей оно с самого начала должно было доминировать над всеми остальными строениями, демонстрируя свой особый социальный статус. Сразу же весь этот участок был обнесен широкими, высокими, глухими стенами с прямоугольными башнями по углам. Внутри, о чем можно судить даже по частичным раскопкам, располагалось монументальное здание, в общую планировку которого входили огромные залы, соединенные между собой узкими коридорами. При всех возможных вариантах можно считать наиболее вероятным, что это была своеобразная цитадель или кремль. Второе допущение представляется более вероятным, так как классическая цитадель предполагает высокую платформу, как это, например, мы видели на Яз депе. В таком случае, остается допустить, что это был кремль, где находилась администрация, но не только гонурская, а, учитывая его огромные размеры, всей страны Маргуш.

Таким образом, мы пришли к выводу, что на каком-то этапе существования жизни в Маргиане, а возможно с самого начала, местные племена приходят к выводу о необходимости устройства особого столичного центра в системе всей страны Маргуш. Совершенно очевидно, что монументальный комплекс, расположенный внутри кремля, не мог быть построен силами нескольких семей. Здесь был необходим коллективный труд многих сотен, если не тысяч людей.

Жизнь стала более сложной. Теперь уже необходимы были представители власти, которые бы занимались организационными вопросами, касающимися всех жителей страны Маргуш, и которым в той или иной форме подчинялось местное общество.

Без письменных источников мы вряд ли когда-нибудь узнаем с точностью, какие конкретные формы имела эта власть в действительности. Была ли она наследственной или выборной. Было это единовластие или наоборот власть, ограниченная советом. Но и не в этом сейчас дело. Мы с документальной точностью, хотя и без письменных свидетельств, установили, что в кремле Гонура была сконцентрирована центральная административная власть страны Маргуш, что выделяет это конкретное поселение в прообраз подлинного города древности.

Не доказано, но в высшей степени вероятно, что в кремле могли располагаться не только светские, но и культовые здания - и храм, и дворец, как это нередко практиковалось в городах передовых центров Древнего Востока. Но лишь дальнейшие раскопки смогут внести окончательную ясность в эту сложную проблему.

Не трудно представить, сколько полевых сезонов потребуется, чтобы раскопать комплекс общей площадью около полутора гектаров, да еще на глубину до 2-2,5 м. Было от чего прийти в уныние. Раскопки велись в пустынной местности, где нужно было содержать целый лагерь рабочих: кормить, поить, а главное, за многие десятки километров привозить воду.

Стало очевидной необходимостью изменения методики ведения раскопочных работ. Нужно было использовать механизацию. Уже давно в практике археологических раскопок стали использоваться различные механизмы в особенности скреперы и бульдозеры, правда, в основном для раскопок курганных насыпей древних могильников. Но мы имели дело не с курганом, а поселением, где сам характер раскопок, казалось бы, начисто исключает использование механизмов. Наиболее трудоемкая работа при раскопках таких поселений связана с отвалами земли, вырастающей на бортах раскопов. Чтобы идти далее вширь, необходимо сначала отодвинуть в сторону скопившуюся на бортах раскопа рыхлую многотонную отвальную землю. Для расчистки площадки шириной в несколько метров от края раскопа иногда уходили целые недели. Вот для таких работ, а не для самих раскопок, и нужно было попробовать использовать технику.

Сразу же стало ясным, что это должен быть не гусеничный бульдозер, который разрушит верхний слой поселения, а тракторы типа «Беларусь» на резиновых колесах. Но где его взять? И хотя Байрам Али был к нам ближе всего, мы снова вынуждены были обратиться к нашим друзьям из г.Теджена, все к тому же Данатару Гулмурадову. И вскоре мощный трайлер с новеньким трактором выехал из Теджена в сторону Гонура. Благополучно проделав весь длинный путь, трайлер сломался всего в нескольких километрах от нашего лагеря.

Мы еще ничего не знали о поломке, когда к лагерю подкатила «Нива» с двумя нашими старыми знакомыми Байрамом Чарыевым и Ата, местными следопытами. Любители краеведы, они лучше всех знали окрестности этой части Каракумов, и не один раз возили нас вглубь песков показать россыпи керамики, а то и древние памятники.

На этот раз они «открыли» наш трайлер, глубоко завязший в песках, в кузове которого стоял на приколе так давно ожидаемый нами «Беларусь». Отвальная земля буквально «задушила» наш раскоп, ее высота местами выросла до 2 м. Отброска ее вручную требовала огромного труда и главное, задерживала раскопки. А мы так спешили отрыть новый зал, коридор, комнату, т.к. планировка кремля все еще оставалась такой же загадочной для нас, как и в начале работ. Наступила ночь, и все дела, связанные с ремонтом трайлера, были оставлены на утро следующего дня. Видя наше уныние, которое трудно было скрыть, Байрам и Ата молча уехали... и сделали почти невозможное.

Они вспомнили, что на овцеводческой ферме Тахирбай за несколько десятков километров от нас вроде бы видели мощную машину-тягач. Оставив нас у еле теплившегося костра, они на «Ниве» отправились в Тахирбай. Я не знаю, что сказал им шофер,

разбуженный глубокой ночью незнакомыми людьми, не знаю как они это сделали, но уже утром многотонный тягач появился у нашего лагеря, а за ним на буксире и «Беларусь».

Молодой тракторист туркмен, исконный горожанин, выглянув из кабины, только и смог выдать из себя: «Я и не знал, что на свете бывают такие дикие места!»

Для местного туркмена горожанина там, где кончается асфальт, водопровод, кино и телевидение - там кончается и жизнь. А через пару дней, обучив нашего фотографа Володю Митина управлению «Беларусью», тракторист, игнорируя наши уговоры, бежал в родной Теджен.

Как бы то ни было, но всего за считанные дни «Беларусь» расчистил нам края раскопа, подготовив фронт будущих работ. На этот раз мы, зная общую конфигурацию кремля, растаскивали отвальную землю далеко от раскопок, за внешнюю стену, ссыпая ее на предполагаемые площади, понижения краевых участков центрального холма. Механизация работ значительно увеличила темпы и расширила масштабы раскопок. Наконец, вся ранее накопленная земля, оказалась за границами раскопок. Теперь уже рабочие не поспевали за «Беларусью», и настал день, когда трактору нечего стало расчищать. Как раз в это время мы с документальной точностью установили, что большие залы не имеют обычных культурных напластований, а подобно залам кремля на Аджи Куи-8 заполнены внутри сплошным надувным песком. Вот сюда и поставили мы наш «Беларусь», который осторожно стал вычерпывать ковшем спрессованный песок. Правда, эта работа шла под неусыпным наблюдением археологов, которые следили, чтобы ковш не повредил возможные сооружения под надувным песком. Но ни в одном из помещений ничего кроме чистого, слежавшегося песка найдено не было. Создавалось впечатление, что обширные залы не имели крыш, возможно здания были недостроенными.

Пока шли раскопки кремля на Гонуре, ашхабадские археологи, работающие в западной части Маргианы у колодцев Таип, в глубине песков обнаружили крепость с мощными оборонительными стенами и угловыми башнями. Подобно кремлю на Аджи Куи-8 и Гонуре и их помещения оказались засыпанными только надувным песком, причем некоторые комнаты сохранили алебастровые обмазки полов. Создавалось впечатление, что это остатки какого-то монументального комплекса, тем более, что на Таипе, были найдены исключительные по значимости экспонаты. Это печати цилиндрической формы, широко известные пока только в Месопотамии. Находки таких печатей вдалеке от центров тогдашней цивилизации открывают новую страницу в истории древневосточной глиптики.

Уникальными в системе всей Средней Азии являются цилиндрические печати, сохранившие композиционные сюжеты. Тщательные поиски на поверхности Таипа привели к счастливой находке двух обломков крупных керамических сосудов, ничем не отличавшихся от сотен и тысяч таких черепков, но с одной особенностью: безвестный гончар еще по сырой глине сосуда сделал прокатку двумя цилиндрическими печатями. В результате, хотя сами печати не сохранились, до нас дошли их оттиски, что редко бывает в археологической практике.

Все вместе: и общая монументальная планировка, и характерный набор находок - выделили Таип в один из перспективных памятников для археологических исследований. Но как это часто бывает, самые интересные памятники расположены в самых «неудобных» для раскопок местах. Уже пробные работы показали, что раскопки такого монументального комплекса требуют использования техники. Однако, крайняя удаленность памятника, расположение его среди сыпучих барханов затруднили, а затем и приостановили так удачно начатые раскопки. И можно не сомневаться, что монументальный архитектурный комплекс Таип в качестве достойного приза еще ожидает своего первооткрывателя, того, кто сумеет организовать здесь широкомасштабные, с использованием механизмов, раскопки.

Но вернемся на Гонур, где заканчивался осенний полевой сезон. Все чаще ветры гнали по такырам колючие шары перекасти - поля, по утрам в небе тянулись треугольники курлыкающих журавлей, как бы предостерегая нас от осенних дождей и близких заморозков. Все холоднее становились ночи, по утрам вода в умывальниках превращалась в лед, и мы

забирались в палатки, наглухо зашнуровывая их, в надежде подольше сохранить тепло. Все чаще нагонял на нас ветер пыльные бури, иногда он не прекращался по два-три дня, снося брезенты и плохо натянутые палатки. Низко придавило небо темные тучи, все чаще и чаще заливая пустыню ливневыми дождями.

В один из редких ясных, но уже морозных дней рано утром мы были разбужены громким и жалобным блеянием. Выглянув из палаток, увидели одинокого, пугливо озирающегося барана. Он стоял в центре лагеря и, казалось, искал у нас защиты. Степные волки сделали свое черное дело. Не сумев зарезать его, они вырвали большой кусок курдюка, и теперь баран был обречен. Как рассказывали нам чабаны, во время грозных дождей, особенно по ночам, испугавшееся стадо мечется по степи. Вот этого-то момента и ожидают степные волки; уж они-то не упустят своего шанса. Для жертвы лучше быть убитой сразу, так как рваная рана на курдюке овцы не заживает, вскоре там заводятся черви, и животное погибает в страшных мучениях.

Мы честно оповестили о баране всех окрестных чабанов и даже пытались лечить его подручными средствами. Но все было безуспешно. А ни один чабан не признал его своим. Наши колебания по поводу судьбы пришельца развеяли неразлучные друзья Байрам и Ата. Увидев «нашего» барана, они оставили ему жить не более двух, трех часов. Итак, выбор был сделан.

Сколько раз, глядя на пылящую отару, на ум приходила дерзкая мысль - а хорошо бы целиком зажарить одного такого барашка. И вот впервые обстоятельства складывались благоприятно для осуществления нашей давней мечты.

На прощальный вечер из далеких целинных совхозов приехали наши давние друзья и знакомые. С собой они привезли две железные треноги, а к ним вертел почти двухметровой длины.

Мы заблаговременно запаслись саксаулом, который теперь жаркими углями догорал в лучах уходящего солнца. Не успело оно еще полностью опуститься, как баран был освежеван все теми же неразлучными друзьями и надет на гигантский вертел. Теперь уже священнодействовали все: кто ворошил пылающие угли, кто выжимал сок граната, кто поливал тушу томатным соком.

Гости привезли огромную тыкву и ошипанного выпотрошенного петуха. Тыкву вычистили изнутри, поместили туда петуха, сверху снова прикрыли ее тыквенной крышкой и закопали под остывающую золу. Рядом с целой бараньей тушей, жарившейся на вертеле, это излишество выглядело просто кощунством. Казалось, на неделю хватит мяса. Но так только казалось! Когда утром мы сели завтракать, то с удивлением обнаружили, что завтракать-то собственно и нечем. Весь баран был съеден вечером за один присест! А теперь нам только осталось вспоминать, как накануне вечером срезали с туши мягкие куски жареного мяса, выжимали на них гранатовый сок, запивая все местным вином. А вертел все крутился над углями, и мясо на местах срезов снова румянилось тонкой корочкой, поверх которой струился помидорный сок.

Но все это было вчера, а сегодня мы сидели у костра, грустно попивая пустой чай. И вот тогда-то хозяин петуха наш друг Санар стал вытаскивать из-под золы свое тыквенное блюдо, заблаговременно приготовленное с вечера. Всю ночь томился петух внутри тыквы, пропитываясь соком. Быстро разгребли золу, под которой в целости и сохранности покоилась чуть сморщенная, но совершенно целая тыква. Только тот, кто в то утро был с нами на Гонуре, может оценить аромат запеченной тыквы. Пропитанное тыквенным соком сочное мясо петуха само отделялось от костей. Прошло столько лет, а вряд ли кто из нас забудет эпопею о большом баране и маленьком петухе.

Глава 8. По ту сторону гор

В следующем 1982 г. мы продолжили раскопки древнего кремля на столичном поселении Гонур. И хотя было выявлено всего несколько новых помещений, их тщательное исследование позволило выработать методику по определению как помещений относящихся к основному периоду, так и к более позднему, второму периоду, когда они были приспособлены рядовыми общинниками Гонура под жилье.

Еще в первый год раскопок в углу одного из центральных помещений мы расчистили встроенный кирпичный сегмент, назначение которого, подобно такому же из дворца Яз депе, оставалось неясным. В тот год в наших работах опять принимал участие Игорь Клочков; раскапывая помещения второго периода, он все свои надежды возлагал на эту кирпичную пристройку, так как в Месопотамии в таких угловых сооружениях нередко находили заложенные глиняные таблички. Теперь мы решили разобрать и заснять на пленку кирпичный сегмент, тем более, что в гостях у нас были работники центрального телевидения.

С величайшей осторожностью мы стали разбирать ряды горизонтальной кирпичной кладки. Снят первый, второй, третий ряды, каждый - тщательно зарисовывается на план. Предполагалось, что различная система кладки кирпичей включает в себе какой-то, пока еще неясный нам смысл. Мы разобрали шестой, седьмой ряды кирпичей, все ниже опускались к полу, но и под восьмым, девятым и десятым рядами ничего существенного не нашли. Оставался последний, самый нижний, одиннадцатый ряд кладки, непосредственно покоящийся на самом полу помещения. Были приготовлены телевизионные камеры, и мы начали разбирать последний ряд, под которым и могли покоиться закладные таблички с указанием, когда и кем было сооружено это грандиозное здание... Но ничего кроме чистого пола мы так и не обнаружили.

Трудно передать наше разочарование, не унывали лишь операторы и принялись снимать нашего лагерного козла по прозвищу Чивиш. Кажется, тогда это было единственное радостное и неунывающее существо во всем лагере. Чивиш резвился, перепрыгивая со стены на стену среди руин раскопанных помещений, забавно поднимаясь на задние ноги, пытался забодать телевизионную камеру.

Этого козла подарили нам проезжие чабаны в начале полевого сезона. Сначала он побаивался многоголосого населения нашего лагеря, но потом привык, и уже вскоре мы вынуждены были прятать от него все, а то и сами прятаться в палатках. Он либо спал, либо ел, либо проказничал. На кухне летели кастрюли и банки, в продуктовой палатке он вынудил нас все прятать во въючные ящики с навесными замками. Казалось бы, все было предусмотрено, но Чивиш всегда находил что-то еще, и часто приходилось ему увертываться от нашей бессменной и добровольной повариши Лены Шабуновой. Но и никто больше нее не заботился и не любил нашего козла, от нее Чивиш получал самые вкусные объедки, самые сладкие куски дыни, в его кормушке всегда лежала охалка свежей травы.

Глядя на Чивиша, на его забавные и хитроумные проказы, на быструю смену его настроения, на его непредсказуемые действия, я, кажется, понял, почему образ этого животного занимал такое больше место в древнем искусстве Востока. На память приходили бесчисленные изображения козлов в глиптике Ирана и особенно Месопотамии. Забавные, шаловливые козлики часто наделялись чисто человеческими качествами, они резвились и проказничали, они изображались в сюжетных сценах и в композиции на многочисленных печатях Месопотамии. Правда, нередко козлы были жертвенными животными, которых, тесно прижав к себе, жрецы подносили к алтарям. Их никогда не изображали невинными жертвами разъяренных и кровожадных львов. До сих пор непревзойденным шедевром древнего искусства являются две золотые статуэтки, найденные английскими археологами при раскопках царских могил в городе Уре, все в той же Месопотамии. На маленькой продолговатой подставке, украшенной причудливой мозаикой, стоит на задних ногах козел, опираясь передними копытами на дерево. И выражение глаз у него точь в точь как у нашего Чивиша, когда набедокурив, лукаво поглядывал на Лену, он ожидает от нее очередного нагоняя. В общем, теперь, наблюдая за нашим Чивишем становилось понятным, почему

среди животных, окружавших в то время древних, именно козлам отдали они свое предпочтение. Своими проказами радовали они людей прошедших тысячелетий, как это теперь делал наш Чивиш.

Среди немногочисленных помещений, открытых в тот сезон на Гонуре, выделялось одно, наиболее обширное в системе раскопанных. Это мог быть внутренний дворик или огромная зала, возможно для аудиенций. Там была найдена мраморная ваза на высокой стройной ножке с очень маленьким резервуаром. Точно такие вазы с небольшим углублением и непропорционально длинной ножкой встречались нам при раскопках Аучина и североафганского Дашлы. Сходство настолько близкое, что исключает элемент случайного совпадения. По оригинальной форме вазы можно предположить о ее культовом назначении.

Были продолжены в тот год и раскопки южного обводного коридора предполагаемого кремля, установившие, что во второй, более поздний, период он был сильно нарушен ремонтными перестройками. Особенный интерес вызвало у нас «жертвенное место», небольшая площадка, сплошь покрытая зольником вперемешку с мелкими угольками и обгорелыми дочерна костями мелкого рогатого скота. Здесь же находились мощные, закрученные обгорелые рога козла или горного барана, целая бронзовая печать с крестовидным узором, обломок отполированной до блеска костяной булавы и две антропоморфные женские статуэтки.

Не исключено, что в древности действительно на этом месте проходили культовые церемонии, в которых использовались женские статуэтки и печати, как-то связанные с культовыми обрядами, в том числе ритуальными трапезами.

В последний, заключительный период здесь на руинах бывшего кремля было устроено кладбище. Особенно много древних погребений обнаружили мы на этом участке раскопа, причем большинство составляли детские, если не младенческие могилки. И хотя неутешные родители не могли себе позволить положить вместе с ними достаточно богатые погребальные приношения, их трогательная забота прослеживается буквально во всем: и по черепку бережно подложенному под голову младенца, и по большим обломкам сосудов, которыми родители прикрывали сверху тела преждевременно умерших детей. Мы нашли одно детское захоронение внутри крупного сосуда; чтобы поместить туда труп ребенка, родители должны были отбить бок у целого сосуда. Только в некоторых могилах были погребальные сосудики, иногда один, иногда два. Длинные, с трубчатым носиком, типа чайников-поильников для молока, они служили детям при недолгой их жизни на земле и должны были послужить им на том свете.

Результаты раскопок этого полевого сезона добавили хотя и сравнительно небольшие, но новые фактические данные в исследовании кремля, общий план которого принимал все более четкие очертания.

Наряду с раскопками, как и раньше, мы продолжали обследование поверхности всего памятника. Постепенно наш полевой музей пополнялся все новыми находками, расширяющими наши представления не только о самом Гонуре, но и о самой древней стране Маргуш. С поверхности памятника за прошедшие сезоны было поднято уже несколько десятков биконических бус, выточенных из темного, почти черного стеатита, нередко украшенных нарезным орнаментом в виде трех кружочков. И хотя точное назначение этих изделий до сих пор до конца не выяснено, показательно, что все они появляются и распространяются в одно и то же время в восточном Иране, Афганистане и Средней Азии, такое совпадение заинтересовало и французских археологов. Почему в соседнем южном Туркменистане они практически не известны вообще, а здесь в Мургабе, как и в Бактрии, встречаются десятками?

Точно так же при раскопках кремля, а еще раньше при проходке пробного шурфа на Гонуре, были найдены так называемые «колонки»: небольшие, до полуметра высотой изделия, выточенные из мраморовидных пород камня с углубленными желобками на торцовых частях. Впервые они были найдены на поселении Гиссар в северо-восточном

Иране, а теперь в Афганистане, Белуджистане и Маргиане; единичные такие находки отмечены и в южном Туркменистане.

С поверхности ряда поселений и при раскопках кремля Гонура было найдено несколько каменных коробочек, выточенных из темного стеатита в форме почки. Точно такие же стеатитовые коробочки-почки в пределах Передней Азии известны еще только в Бактрии. И уж совсем неожиданно встречены они были при последних раскопках французских археологов в Пакистане в долине р.Инд, о чем еще будет рассказано.

Часами бродил я по Гонуру, пытаюсь углядеть среди порыжелой, выгоревшей травы новую находку. Постепенно мы собрали довольно большую коллекцию стеатитовых сосудов, некоторые из которых были украшены по бортику резным орнаментом из все тех же кружочков или зубчатых полосок. Они напоминали такие же стеатитовые изделия, найденные в Бактрии. Но подлинным украшением коллекции каменных изделий бесспорно является стеатитовый обломок сплошь украшенный резными «язычками».

Если бы я не видел в Афганистане подобные, но целые изделия, я бы никогда не смог по достоинству оценить эту находку.

А дело было так. В 1975 г., закончив раскопки на севере Афганистана, я возвратился в Кабул, где был ошеломлен множеством древних изделий, заполнявших витрины антикварных лавок. Что все эти вещи из древних могил Бактрии было ясно не только мне, но и владельцам антикварных лавок.

При мне нередко в лавки заходили крестьяне с севера страны с подозрительными свертками под халатами. Пугливо озираясь, они предлагали хозяину бронзовые сосуды и печати, каменные амулеты и вазы, стеатитовые коробочки в виде почек, которые они раздобыли во время грабительских раскопок многих сотен и даже тысяч могил.

Постепенно привыкнув ко мне, владельцы кабульских антикварных лавок поведали мне, что основным покупателем этого антиквариата был французский специалист по сельскому хозяйству, работающий в Афганистане по программе помощи слабо развитым странам. Любитель старины, он регулярно посещал антикварные лавки, вкладывая в покупки все свои свободные деньги. Со временем вся эта богатая коллекция была передана им в дар Луврскому музею, где стала объектом научного изучения. В частности, этими находками занимался генеральный хранитель иранских древностей Лувра проф. П.Амье. Тогда в Кабуле благодаря французским друзьям мне удалось осмотреть коллекцию, где среди прочих великолепных изделий выделялось несколько женских статуэток, искусно выточенных из черного стеатита.

Передо мной сидели матроны в пышных одеяниях типа кринолинов, сплошь украшенных резными «язычками», точно повторяющих древние шумерские. Головы их с застывшими лицами были увенчаны своеобразными тюрбанами, руки спокойно сложены на коленях. Точно такой обломок кринолина, украшенный «язычками» со специально затесанной полоской на коленях, где некогда покоились сложенные руки, и был найден теперь на южном склоне поселения Гонур. Если еще можно было сомневаться в том, что за сходством биконических бус и миниатюрных «колонок» скрывается реальная связь между древними культурами, то теперь все сомнения отпадали. Такие уникальные статуэтки известны лишь в Бактрии и Маргиане и, предположительно, в Древнем Иране.

Одним словом, чем больше фактов получали мы в ходе работ в Маргиане, тем больше убеждались в ее культурно-исторической близости не с соседней Южной Туркменией, а много более отдаленной Бактрией.

И Маргиана, и Бактрия расположены к северу от гор Копет Дага и Гиндукуша. Казалось бы, эти важнейшие горные системы мира наглухо отгородили расположенные здесь памятники от внешнего мира. Но реальная действительность свидетельствует о другом. Древние люди преодолевали трудно проходимые горы и выходили на плодородные равнины, где можно было заложить основы земледельческого хозяйства. Доказательством тому служат сходные, может, и ввезенные изделия, найденные в ходе археологических раскопок в

Бактрии и Маргиане. Их взаимное сходство настолько очевидно, что уже не вызывает никаких сомнений.

Но возникает закономерный вопрос: «Чем обусловлено это сходство?» До сих пор в науке на него нет однозначного ответа.

Одна из гипотез предполагает существование особого бактрийско-маргианского комплекса, обязанного своим происхождением приходу новых племен, которые смешавшись с местным населением, и оставили после себя бактрийско-маргианскую культуру.

Но для доказательства этого, необходимо найти пути, откуда пришли сюда новые племена, заложившие основу древнеземледельческой культуры Бактрии и Маргианы. И такие возможные пути передвижения племен уводят нас за Копет Даг и Гиндукуш, на территории древнего Ирана и Пакистана. Отправимся же и мы в это увлекательное путешествие, где каждый промежуточный пункт на предполагаемом пути племенных передвижений требует особых доказательств, построенных на фактических данных.

Близкое сходство с культурой Бактрии и Маргианы было обнаружено в северо-восточном Иране, точнее в районе, примыкающем к юго-восточной оконечности Каспийского моря. Здесь, в плодородных долинах рек, стекавших с гор, уже давно появились древние земледельческие поселения, ровесники неолитического Джейтуна. В дальнейшем, на протяжении тысячелетий, их материальная культура как бы дублирует южно-туркменистанскую, но на рубеже Ш-И тыс. до н.э. здесь происходит явная смена культурных традиций.

Нам нет необходимости углубляться в детализированное рассмотрение древней истории каждого памятника, мы остановимся лишь на одном, на древнем поселении Тепе Гиссар, наиболее полно изученном и уже упоминавшемся. Раскопки его в 30-х годах XX в. проводились американской экспедицией под руководством известного археолога Эриха Шмидта, американца немецкого происхождения. В Первую мировую войну он воевал на восточном фронте, попав в плен, около трех лет провел в Сибири. Вернувшись в Германию, он заканчивает свое образование, а затем уехав в Америку, возглавляет большие, а главное, удачные раскопки на территории Ирана.

Именно его экспедиции удалось установить, что высоченный холм Гиссар с самых нижних и до верхних слоев демонстрирует эволюционную линию развития местной культуры от IV до начала II тыс. до н.э. В тот период, когда на бактрийской равнине и в дельте древней р. Мургаб складывался бактрийско-маргианский археологический комплекс, в Гиссаре обнаруживаются вполне очевидные изменения. Если не принимать во внимание керамику, то во всех остальных отношениях эти новшества Гиссара отличны от собственных гиссарских предшествующего времени, но зато чрезвычайно близким бактрийско-маргианским. Было бы утомительным перечислять все сходные признаки культуры Гиссара и Бактрии с Маргианой. Но основные все-таки отметим. Это аналогичные «миниатюрные колонки», биконические бусы с кружковым орнаментом, к которым теперь добавляются зооморфные сосуды и печати, цилиндрические печати месопотамского типа, характерные типы оружия, орудия, украшения.

Набор вещей, в ряде случаев копирующих друг друга и появившихся практически в одно время, хотя и на разных территориях, не может быть случайным. К этому следует добавить т.н. астрабадский клад золотых и медных изделий, найденных при случайных, если не грабительских, раскопках на холме Тюренг тепе, расположенном все в том же Северо-Восточном Иране неподалеку от Гиссара.

Любопытна судьба клада. Не успев появиться на антикварном рынке, «клад» был тотчас куплен неизвестным лицом. Так что сохранился лишь схематический рисунок изделий - единственный документ былого великолепия. На одном золотом кубке были изображены люди в окружении животных, на золотом чайнике - стая орлов. Кто знает, какие еще великолепные изделия включал в себя клад, видимо, безвозвратно пропавший для науки. Но и то, что сохранилось в одной из частных коллекций мира, дополняет перечень сходных предметов Северо-Восточного Ирана и Бактрии, а в опосредствованной форме и Маргианы.

Вообще, кладоискательство и хищнические раскопки древних памятников имеют в Иране давнюю историю, и лишь сравнительно недавно был введен строгий контроль. Так, из Бужнурда, другого пункта северо-восточного Ирана, происходят коллекции изделий. Среди них зооморфные косметические флаконы, почти копирующие бактрийские, что дополняет набор сходных изделий северо-восточного Ирана, Бактрии и Маргианы. Одним словом, находки из нового археологического комплекса, появившегося практически в одно время с Бактрией и Маргианой не производят впечатление вещей, попавших сюда в порядке обмена. Напротив, ассортимент их настолько широк и разнообразен, что в косвенной форме может указывать на следы передвижения одного и того же народа. Но откуда?

Для возможного ответа углубимся еще дальше, теперь уже в юго-восточный Иран, где в предгорных долинах, окаймляющих великую пустыню Дешти-Лут, около г.Шахдад тегеранским археологам удалось открыть совершенно неизвестную культуру. Многолетние раскопки, особенно древних могильников, показывают, что местные древние жители не скупались на заупокойные приношения. Так, в руки удачливых археологов из могильников попали медные печати, церемониальные топоры, косметические флаконы, стеатитовые коробочки, цилиндрические печати, медные и керамические сосуды, сходные с изделиями Гиссара, Бактрии и Маргианы. Признаки сходства настолько впечатляющие, что сразу же бросаются в глаза даже неспециалисту.

По целому ряду узкопрофессиональных признаков устанавливается хронологический приоритет Шахдада перед Гиссаром и Бактрией с Маргианой, что соответственно может указывать на продвижение если не одних и тех же, то родственных в культурном отношении племен из древнего Ирана далее на северо-восток. Но и это еще не все. Хотя и не столь внешне эффектны и показательны, но вполне вероятные связи существовали между Шахдадом и областью под названием Элам на крайнем юго-западе страны, где она соседствовала с нижней Месопотамией. По существу, оба эти региона были тесно связаны между собой и представляли большую культурно-историческую общность. Именно из Элама происходят изделия, сходные с изделиями Бактрии и Маргианы (через изделия Шахдада и Гиссара).

И еще... В начале века известный английский исследователь А.Стейн совершил легендарное путешествие в тогда еще неизвестные в археологическом отношении районы Южного Ирана и Пакистана. Впервые здесь вдоль персидского и оманского заливов им были открыты сотни памятников, на некоторых из них произведены контрольные раскопки. И хотя в то время почти ничего не было известно о древностях Южного Ирана, исследователь обратил внимание на группу находок из могил, включавших помимо керамических и металлических сосудов, зеркала, браслеты, булавки, резко отличные от местных, они производили впечатление «пришлых» изделий.

Тогда еще не были известны не только древности Маргианы и Бактрии, но Шахдада и Гиссара.

Так что А.Стейну не с чем было сравнивать этот чужеродный комплекс. Иное дело сейчас, когда, все без исключения, они находят своих двойников в особенности в Бактрии, а затем и в Маргиане.

И если еще могли быть какие-то сомнения у скептиков, то они окончательно развеялись после того, как на одном поселении, расположенном в пограничной зоне Пакистана, был найден обломок сосуда, венчик которого «оседлала» терракотовая фигурка животного. Это был фрагмент культового сосуда точно такого же типа, который нам теперь известен в Бактрии и Маргиане! Ошибки быть не могло. А если учесть, что такие культовые сосуды свидетельствуют о близких религиозных верованиях, то очевидно, что они могли быть только у родственных племен.

Так, следуя по пути сходных находок, мы из Южного Ирана вступаем в пределы индийского субконтинента, точнее в Белуджистан, где в последние годы в местечке Мергар французские археологи ведут большие и плодотворные работы. Здесь они обнаружили и раскопали памятники начиная от эпохи неолита до бронзового периода. И вот к этому-то

заключительному периоду и относится один могильник, где покойники лежали в «спящей» позе, на боку в скорченном положении, головой на север в окружении погребальных приношений, до деталей повторяющих бактрийские и маргианские. Здесь точно такие же и керамические, и медные сосуды, булавки с аналогичными фигурными украшениями, каменные амулеты. Но для нас исключительный интерес представляют стеатитовые коробочки, выточенные в виде почки, пока еще известные только в Бактрии и Маргиане. Заслуживает внимания и одна цилиндрическая печать с изображением дерущихся быков и львов, удивительно близко напоминая аналогичную сцену на оттиске черепка из Маргианы.

Не успели утихнуть восторги по поводу этих открытий, как неподалеку, в центральном Белуджистане, в могильнике, разрушенном экскаватором при строительстве отеля в г.Кветта, среди заупокойных приношений были обнаружены вазы с изображением хищников и змей, алебастровые флаконы, «миниатюрные колонки», стеатитовая статуэтка в пышном криолине, украшенном «язычками» и еще много других изделий древних мастеров, сходных с изделиями из могильников Бактрии и Маргианы.

Трудно переоценить сенсационные находки, сделанные в Белуджистане. Они открывают новую страницу в древней истории не только индийского субконтинента, но и всей обширной зоны Западной Азии, обнаруживая общность исторических судеб живших здесь племен эпохи поздней бронзы. Может быть и не стоило так подробно останавливаться на этих открытиях, если бы они не были связаны с интригующей и загадочной проблемой арийских завоеваний индийского субконтинента.

Уже давно стало известно, что здесь в долине р.Инд с середины III до середины II тыс. до н.э. процветала т.н. хараппская цивилизация, не уступающая по своему культурному уровню тогдашним передовым центрам Древнего Востока, где развитие культуры продолжалось и в последующие века. Здесь же, в долине Инда, с середины II тыс. до н.э. наблюдается резкий спад культурного уровня. Это обстоятельство уже давно было отмечено специалистами, сопоставившими эти события с приходом сюда примерно в начале II тыс. до н.э. т.н. арийских племен из Средней Азии. В результате родилась внешне эффектная теория о гибели древнеиндийской, хараппской цивилизации под ударами вторгшихся сюда воинственных ариев.

Сама по себе эта проблема довольно сложная и запутанная. Почти двести лет специалисты разных направлений пытаются решить ее, исходя из данных своих дисциплин. И было бы лучше не касаться ее в нашем рассказе, но реальная действительность показывает, что сегодня если что и может быть сопоставлено с пришельцами ариями, так это погребальные приношения в могильниках Белуджистана. Они в свою очередь находят прямые и безусловные соответствия в материалах Бактрии и Маргианы. Круг замкнулся. Теперь остается лишь выяснить: попали ли эти люди сюда, переселившись непосредственно из Бактрии или Маргианы, либо они выходцы из какого-то, пока неизвестного нам, общего центра.

Думается, что более вероятно второе предположение, и тогда, хотя изолированная и прерывистая, цепочка связей из Белуджистана уходит в соседний Иран вплоть до Элама. Но как мы видели, сюда же тянутся истоки происхождения бактрийско-маргианского археологического комплекса. В таком случае, было бы соблазнительно предположить, что из этого, пока с точностью не установленного центра, на рубеже III-II тыс. до н.э. далее на восток идет огромное перемещение родственных племен. Одна такая волна движется в северном направлении. Промежуточные пункты ее передвижения могут отмечать памятники подобные Шахдаду или Гиссару. Двигаясь дальше, они, наконец, достигают плодородных долин Бактрии и Маргианы. Другая волна из того же центра идет вдоль побережья Персидского залива, в конечном счете вступает в долину Инда. В таком случае можно объяснить поразительное сходство изделий в контактных комплексах, расположенных за многие сотни и тысячи километров друг от друга. Но все это не более, как общая схема, в которую внесут свои поправки новые археологические открытия.

Уже давно была высказана теория, что городская хараппская цивилизация долины Инда погибла в результате военного вторжения индо-иранских, или иначе арийских племен. Доказательством тому были бесспорные следы упадка культуры, обнаруженные при раскопках верхних, самых поздних, слоев столичного древнеиндийского города Мохенжо Даро; регулярную городскую планировку сменили небрежно выстроенные дома, а то и просто лачуги. На бывших магистральных улицах ютятся крошечные лавки торговцев и мастерские ремесленников. Близкая картина отмечается в другом древнеиндийском городе - Чанху-Даро, а так же в столичной Хараппе, где имеются явные свидетельства преувеличенного внимания горожан к обороне города. Особый упор делается учеными при этом на группу скелетов в бессистемном положении, найденных при раскопках Мохенжо Даро. Это рассматривается как свидетельство драматических событий, связанных с гибелью самого города.

С другой стороны, противники этой теории доказали, что часть найденных скелетов относится к более позднему периоду, чем время предполагаемой гибели города, к тому же группа костяков оказалась перекрытой зданием позднехараппского времени, да к тому же между самими скелетами была прослойка земли, разделяющая их по времени. Правда, в Мохенжо Даро было обнаружено несколько других скелетов, погребенных под грудой кирпичей, но они в одинаковой степени могут быть жертвами простого убийства или случайного обвала. Во всяком случае, руководители этих раскопок склонны думать, что это были не жертвы вторгшихся в страну врагов, а скорее жертвы грабителей, спустившихся с гор в уже агонизирующий город.

Как видно, нет недостатка в различных теориях и гипотезах, связанных с концом древнеиндийской хараппской цивилизации, но почти все специалисты едины в том, что сменившая ее в долине р.Инд т.н. Джукарская культура в целом обнаруживает «пришлый» характер. Джукарская культура сочетает в себе как глубоко местные древнеиндийские традиции, предшествующей хараппской цивилизации, так и новые, уходящие своими истоками в Белуджистан, где в это время поселяются пришлые с запада племена. Было бы заманчиво сопоставить эти события между собой. Возможно, что открытие джукарской культуры поможет проследить дальнейший путь расселения племен с востока.

Любопытно, что еще при первых результатах, полученных полвека назад в ходе раскопок поселений джукарской культуры, английские археологи обратили внимание на новый тип каменных амулетов, абсолютно чуждый в глиптике, предшествующий хараппской цивилизации. Эти амулеты находили в иранских памятниках и в, первую очередь, в Гиссаре.

В настоящее время сходные амулеты были найдены в Бактрии и Маргиане. В таком случае, можно предположить, что предпосылкой возникновения джукарской культуры послужило смешение местной культуры с культурой пришлых восточноиранских племен. Более того, установлено, что люди джукарской культуры (кто бы они ни были) заселили хараппские города уже после того, как те были оставлены горожанами и какое-то время оставались заброшенными. Это ставит под сомнение желание видеть в пришельцах завоевателей.

Тогда возникает вопрос: «Почему и куда ушло население хараппских городов накануне прихода людей джукарской культуры?» Частичный ответ возможно следует искать все в том же наступлении ксеротермического периода, глобальный характер которого установлен специалистами. Он вполне мог захватить и долину р.Инда. Была высказана так же гипотеза, связывающая гибель хараппской цивилизации с природной локальной катастрофой, согласно которой в главном русле р.Инд естественным образом образовалась песчаная дамба, в результате чего изменилось направление самой реки, может, эта гипотеза и несостоятельна, но не следует полностью исключать естественные факторы в решении проблемы гибели древнеиндийской цивилизации.

Как бы то ни было, второе тысячелетие до н.э. характеризуется широкими племенными миграциями, захватившими большую часть западной Азии и, как следствие, широкими этногенетическими процессами, в которых наряду с местными племенами

участвовали и пришлые. И, пожалуй, наиболее интригующей загадкой остается тесно связанная с этим, т.н. арийская проблема, давно уже занимающая лучшие умы историков, археологов и в особенности лингвистов. Уже давно, с документальной точностью установлено, что в глубокой древности язык народов, населявших Индию и Иран, был чрезвычайно близок между собой. Этим подтверждается существование индоиранских арийских племен, некогда составлявших вместе индоиранскую ветвь индоевропейской группы языков. И индийские, и иранские племена называли себя ариями, это было их самоназвание, которое встречается лишь в индоиранских языках.

Доказано, что на заре своей истории предки индийских и иранских племен жили рядом друг с другом, на одной территории.

Однако, до сих пор среди специалистов нет единого мнения, где же находилась их общая прародина, наиболее вероятной считается ирано-среднеазиатская. В самое последнее время советскими лингвистами была выдвинута и обоснована теория, согласно которой индоиранская прародина находилась в Передней Азии, откуда эти племена через Афганистан в конечном счете попадают в историческую Индию. В таком случае с точки зрения археологии, учитывающей и временные, и территориальные, и культурно-исторические факторы, это могли быть родственные арийские племена, которые расселяясь проникают в Бактрию и Маргиану, с одной стороны, и на индийский субконтинент, с другой.

И тогда становится понятным то культурное единообразие, которое в одно и то же время на рубеже III-II тыс. до н.э. распространяется на этой территории, конечные пункты которой отдалены друг от друга сотнями, даже тысячами километров и разделены к тому же высочайшими горными массивами и безжизненными соляными пустынями. Правда, существует и другая теория, предполагающая, что индоиранцы - это не земледельческие, а степные скотоводческие племена, жившие в степях Средней Азии, которые и разрушили хараппскую цивилизацию. Можно до бесконечности перечислять гипотезы и теории об арийской прародине, но все они с точки зрения археологии страдают одним, но весьма существенным недостатком - не находят подтверждения на прямых археологических фактах. Если считается необязательным, чтобы сходные по облику археологические культуры принадлежали сходным по этническому признаку племенам, отсутствие такого сходства тем более указывает на их разноэтническую принадлежность.

До последнего времени науке не была известна ни одна археологическая культура Средней Азии и Индии, которая обнаруживала бы взаимную общность с другой. Такие данные появились только после открытий в Бактрии и Маргаане, а на индийском субконтиненте в Белуджистане, что ставит изучение арийской проблемы на качественно новый уровень. Впервые появилась возможность сопоставить между собой данные лингвистики и археологии, и по результатам сопоставления обосновать новую гипотезу, более отвечающую всей сумме имеющихся фактов.

Именно сейчас появилась возможность доказать, что племена, одновременно распространившиеся в начале II тыс. до н.э. в Бактрии, Маргиане и Белуджистане, и были теми самыми ариями, которые упоминаются в священных книгах индоиранцев - в Авесте и Ригведе. А может быть ими же были и люди джукарской культуры, еще до их прихода в долину Инда ассимилировавшиеся местными племенами, возможно, в соседнем Белуджистане.

Глава 9. Один день в бронзовом веке

Представим себе, что мы перенеслись за 35 веков на территорию древней страны Маргуш. Воды бурной реки Мургаб стремительно несутся на север, стекая с предгорий Гиндукуша. Весной они почти кофейного цвета от плодородного ила, который вместе с водой широким веером разливается в дельтовой части реки. Первые лучи солнца, восходящего из-за далеких горных вершин, разогнали предутреннюю мглу и высветили

поселки, раскинувшиеся вдоль боковых русел дельтового веера, густо заросших камышами. В предрассветном тумане еще не видно очертаний домов, но уже появились первые признаки пробуждающегося утра. Вот засветился огонь в маленьком окошке, открылась дверь, и в ее проеме показалась еще полусонная фигура. Чувствуя хозяина, в хлеву жалобно замычали голодные коровы, заблеяли овцы, бараны и козы. Солнечные лучи постепенно рассеивают дымку, через которую проступают контуры поселка, одного из сотен разбросанных на великой маргианской равнине. Вдоль узких улиц и кривых переулков располагаются дома с плоскими крышами, построенные из сырцового кирпича, стандартной прямоугольной формы; дома состоят из двух-трех жилых помещений, маленьких кладовок, чуланов, кухонь. Около каждого дома - большой двор с хозяйственными постройками, хлевами, сараями. Водопроводов, конечно, еще не было, и хозяйкам приходилось ходить за водой к арыку. Но зато санитарные условия соблюдались уже с завидной тщательностью: под полом каждого дома были уложены десятки вставленных друг в друга коротких керамических труб. Соединенные вместе, они образовывали своеобразную дренажную систему, выводившую далеко на окраину поселка сточные воды. Все это давало возможность поддерживать в поселке чистоту, за чем внимательно следили старейшины. Через раскрытые ворота из дворов на улицу, поднимая столбы пыли, бляя и бодаясь, тянутся овцы и козы. После голодной ночи они спешат к привольным заливным лугам, что зеленым ковром начинаются прямо за околицей деревни. Вскоре из этих же ворот покажутся люди, гонящие перед собой быков с навьюченными на них громоздкими деревянными сохами. Земледельцы спешат на поля, которые, пользуясь погожими днями, нужно успеть вспахать и засеять. Весело переговариваясь и ежась от утренней прохлады, бородатые мужчины, полуголые, в одних набедренных повязках несут большие короба с зерном ячменя и пшеницы, предназначенные для сева.

Оставшиеся дома хозяйки принимаются за обычные дела - готовку обеда, уборку комнат, воспитание детей. В крупных керамических сосудах, вкопанных в пол кладовок, хранится масло, зерно, пережаренное баранье мясо, залитое жиром, и вода, всегда холодная, несмотря на полуденную жару. И вскоре на очаге в грубом закопченном котле закипает вода, куда хозяйка бросает немного мяса. Пока кипит бульон в котле, она, присев в тени дома и крепко зажав каменную зернотерку с насыпанным на ее поверхность пшеничным зерном, перетирает каменной же теркой, ссыпая муку в поставленную рядом глиняную чашу. В углу двора возвышается полая внутри, конусообразная печь для выпечки хлеба, или иначе тандыр. Прокаленные изнутри стенки печи пышут жаром от сгоревшего саксаула в ожидании момента, когда к ним изнутри будут прилеплены тонкие, только что раскатанные лепешки.

Отворачивая лицо от раскаленного жерла печи, хозяйка ловко срывает со стенок румяные лепешки - эту традиционную еду земледельцев всех континентов за все прошедшие тысячелетия.

Рядом с поселком, на его южной окраине, располагается крепость с глухими высокими стенами и круглыми боевыми башнями по углам. Въездные ворота имеют дополнительные башенки для защиты наиболее уязвимой части крепости. Наконец, растворились толстые двухстворчатые ворота, и мы имеем возможность заглянуть внутрь, чтобы узнать, что же скрывали эти толстые крепостные стены за 35 веков до наших дней. Оказывается, там такой же поселок, только меньших размеров. Анфилада жилых комнат чередуется с кухнями, чуланами, закромами, небольшими внутренними двориками. Все то же, но на более высоком уровне! Помещения покрыты тонкой, тщательно заглаженной штукатуркой, ровные полы обмазаны в несколько слоев глиняным раствором, в жилых помещениях устроены внутрстенные каминь. Их обитатели не страдали от едкого дыма: через трубу он выводился наружу. Словом, в крепости проживает местная сельская знать: старейшина со своими женатыми детьми, взрослыми внуками и правнуками - своего рода большая семья, включающая несколько поколений кровных родственников. Укрывшись за высокими трехметровой ширины стенами, обитатели крепости, хорошо защищенные от

возможных набегов, не только отделились, но и противопоставили себя рядовым общинникам, расположенного рядом и некогда родного им всем, поселка.

Жизнь обитателей крепости внешне почти не отлична от их вчерашних соплеменников. Они также занимаются земледелием и скотоводством, только земли у них уже побольше, да и расположена она поближе к воде. В их владении сотни голов мелкого рогатого скота, десятки молочных коров и мощных быков - этой основной тягловой силы древности.

Пока в крепости все заняты своим повседневными делами, патриарх рода, сидя в тени дерева, машинально поглаживает зажатый в руке каменный амулет. Только внимательно присмотревшись, можно увидеть на его плоскости тонкогравированное изображение гордо шествующего, крылатого льва с широко разинутой пастью. Весь его облик выражает непомерную мощь и силу, способную отвести любую напасть от владельца такого амулета. Надев на шею шнурок с нанизанным на него амулетом, старик мирно задремал, уверенный в волшебной силе амулета-оберега, который спасет его от всех невзгод, даже когда владелец его безмятежно спит, разомлевши на весеннем солнышке. Солнце поднимается все выше, нагревая воздух так, что все живое прячется в тень. Только несколько стариков, усевшись в кружок под молодым тополем, ведут нескончаемые разговоры на вечную тему - как было хорошо раньше, в дни их молодости, и как все стало плохо теперь. Среди их воспоминаний все чаще упоминалась их бывлая родина, страна, располагавшаяся на Востоке Ирана. Ведь еще детьми они слышали от своих дедов, что где-то там находилась их полузабытая родина. Там, в плодородных предгорных оазисах, орошаемых множеством мелких горных речушек и речек, их трудолюбивые предки обрабатывали свои поля, получая высокие урожаи, а их тучные стада размножались на бескрайних заливных лугах с сочной, густой травой. Все это обещало бесконечное процветание, и, казалось, так будет продолжаться вечно.

Но их богатая, процветающая страна вызывала зависть соседей и особенно диких горцев. Так продолжалось много лет, пока горцы, объединившись между собой, не ринулись на процветающие оазисы речных долин. Силы были неравны, и вскоре побежденные, собрав все, что еще не успели разграбить завоеватели - горцы, двинулись на восток в поисках новой родины. Все плодородные земли на их пути уже давно были освоены древними земледельцами, и они совсем не хотели делиться ими с чужаками. Чем дальше иммигранты уходили от насиженных мест, тем чаще слышали они от местных жителей рассказы о сказочно плодородных и никем не занятых долинах, расположенных где-то на востоке.

На этом месте ровная нить беседы стариков прервалась. Перебивая друг друга, они стали уточнять и пересказывать воспоминания своих дедов, участвовавших в этом легендарном походе. Но все они дружно замолчали, когда в беседу вступил самый древний из них, единственный, кто ребенком трясся в телеге по пути следования невольных иммигрантов. Шамкая беззубым ртом, часто вытирая слезящиеся глаза, мешая правду с невольным вымыслом, он продолжил цепь воспоминаний - единственное, что еще осталось ему в этом, уходящем для него, мире.

...Пыльные жаркие пустыни сменялись горными, часто заснеженными, вершинами. В зной и стужу, под палящим солнцем и ледяным ветром двигался многолюдный караван на северо-восток. Впереди себя люди гнали еще многочисленные стада - единственное их богатство и спасение от голодной смерти. Перевалив горные гряды, они, наконец, вступили в страну, за которой, по рассказам, лежала обетованная земля. Наиболее слабые оседали по пути следования переселенцев, приспособляя для жизни пригодные для земледелия клочки земли. Особенно много соплеменников осело в плодородном районе, расположенном между великой пустыней Дашти-Лут и подгорной полосой Кухруда. Сюда с гор стекали мелкие речушки, вынося в предгорья много воды и плодородного ила. Зеленый травянистый ковер покрывал подгорную полосу, расцвеченную весной множеством ярко-красных маков. Примыкающая к предгорьям аллювиальная равнина была настоящим раем для земледельцев. Да, к тому же, она лежала в стороне от главных караванных дорог и еще никем не была заселена. Но радость оказалась преждевременной. Плодородные земли не могли вместить и

десятью часть пришельцев. Оставив на месте наиболее слабых соплеменников, большая их часть двинулась дальше на северо-восток. Тучи пыли отмечали их путь. В телегах, уже равнодушные к жизни и смерти, тряслись старики и старухи, проклиная судьбу изгнанников. Молча шагали впереди взрослые, с тревогой вглядываясь вдаль. И лишь несмышленные, а потому всегда веселые дети шумно спешили за стадом, подгоняя отстающих животных, не давая им стать добычей хищников.

«Среди них был и я», - пришептывал рассказчик. - Я тоже с хворостиной в руке бежал за отбившейся овцой или маленьким козленком.»

«Благодатный Хорасан возвестил о себе приятным влажным дыханием далекого Каспийского моря, тем более приятным, - продолжал рассказчик, - что до этого нас либо сжигали знойные пустынные ветры, либо секли ледяные порывы с гор. Но, как и предполагали наши старики, Хорасан был давно обжит и даже перенаселен местными жителями, древнейшими земледельцами и скотоводами Ирана. Мимо нашего каравана сквозь лучи пыли проплывали многолюдные, утопающие в зелени богатые деревни, но места для нас там не было».

Старик медленно вытер тряпочкой слезящиеся глаза, погладил бороду и надолго замолчал. Казалось, он потерял нить повествования и задремал, забыв о своих слушателях и о прошлом.

Но так только казалось. Перед его закрытыми глазами вновь проходили картины прошлого, и он явственно видел самого себя, мальчика с плачем бежавшего за отставшей от стада овцой. Неожиданно он заговорил снова.

«Только на несколько дней разрешили нам местные старейшины задержаться и отдохнуть. За эти дни наши старики разузнали, что путь отсюда раздваивается. Один, более короткий, ведет через горные проходы вдоль русла р. Мургаб в страну Маргуш, второй - в далекую и почти безлюдную страну Бактрию. Было созвано народное собрание, долго под темно-синим небом Хорасана шли бурные споры. Только под утро мудрые старейшины пришли к согласию: было решено разделить и двинуться двумя путями, по желанию переселенцев.

...Плач и стон стоял тогда над лагерем. Прощаясь, возможно навсегда, вчерашние соседи, а то и родственники разъезжались в разные стороны... И вот уже вместо одного огромного каравана стало два: один двинулся вдоль р.Мургаб, второй - дальше на восток в поисках великой бактрийской равнины.

Я с родителями остался с теми, кто пошел в страну Маргуш. Слухи о легендарной богатой Маргиане были заманчивыми, но действительность превзошла все наши ожидания. Когда мы, наконец, перевалили последние предгорья, сказочная картина открылась перед глазами. Всюду до самого горизонта расстилались плодородные равнины, орошаемые стекавшими с гор ручьями и мелкими речушками. Речные заросли изобиловали дикими животными, дичью, рыбой. Плодородная земля как бы ждала своих первооткрывателей. Словом, это был настоящий рай, Эдем древних земледельцев. Лучшего места нельзя было даже себе представить. «Здесь и закончился наш путь, здесь и закончится моя жизнь,» - промолвил уставший от длинного повествования рассказчик.

...Еще долго сидели бы старики, уйдя в воспоминания далеких дней, если бы звук трубы не напомнил, что именно сегодня состоится храмовый праздник. Наряженные общинники, толпами и в одиночку, с близких и далеких поселений потянулись в сторону храма. Паломники шли среди сплошной зелени садов и полей, через сменяющие друг друга деревни и поселки. Позади последняя деревенька, а впереди далеко на горизонте высилось монументальное здание с глухими ровными стенами, устремленными высоко вверх, казалось, к самому небу. Это был храм, куда сейчас со всех сторон, как реки к морю, стекались благочестивые паломники.

Все больше людей скапливалось около рва перед широкими воротами, никто не решался ступить на земляной проход. Наконец, растворились ворота, и вышли храмовые служки. Медленно приблизившись к затихшей толпе, они привычно отобрали из нее главных

старейшин от каждой деревни. Только им и разрешалось входить внутрь храма. Наконец, небольшая группа избранных во главе с храмовыми служителями направилась к главным воротам, а оставшиеся спокойно расположились на площади в ожидании наступления культовых церемоний, а главное - общей трапезы. Сразу за воротами начинался лабиринт помещений, соединенных общими проходами и коридорами. Везде внутри ослепительная белизна от гипсовой обмазки - ею оштукатурены не только стены помещений, но и полы. Поверх алебастровых полов наброшены мягкие кошмы и узорчатые паласы, скрадывающие шаги движущихся людей к святилищу - сакральной части храма. Перед вестибюлем все остановились в благоговейном молчании. В глубине центральной комнаты в полумраке видны лишь застывшие фигуры жрецов. Здесь все остановилось в мертвом молчании, а рядом в соседней комнате храмовые служители спешили заполнить большие культовые сосуды опьяняющим напитком, вызывающем у человека эйфорное состояние.

Задолго до праздника специальные храмовые послушники заготовили мохнатые, колючие ветки эфедры, заросли этого кустарника в изобилии росли в предгорьях Копет Дага. Понадобился труд многих посвященных служителей, чтобы тщательно перетереть и растолочь охапки веточек в каменных ступках и получить зеленую массу, обладающую алкалоидными свойствами. Потом ее долго вымачивали в огромных вкопанных в полы сосудах, где она бродила, смешанная с кислым молоком и ячменем. Приготовленное таким образом, опьяняющее питье, затем процедили через ситечки и разлили в культовые сосуды, откуда его черпали и разливали в специальные культовые чаши.

Наконец, затрубили медные рожки, возвестившие начало ритуальных церемоний. Из внутренних комнат появились степенные храмовые жрецы, одетые в длинные складчатые одеяния, почти полностью скрывающие их фигуры. За ними поспешно двигались служки, неся на вытянутых руках культовые сосуды, чтобы не расплескать налитое в них ритуальное питье. Медленно приблизившись к ним, главный жрец взял сосуд и, поставив его на возвышение, стал разливать питье по маленьким сосудикам. Отблески пламени причудливо освещали культовый сосуд, бортик которого украшен миниатюрными глиняными фигурками птиц, зверей, людей. Вокруг них - распластанные глиняные лягушки, а со дна сосуда извиваясь тянутся к ним глиняные змеи.

Началась самая ответственная минута культового обряда. Жрецы, по очереди зачерпнув и отведав опьяняющее питье, постепенно приходили в эйфорное, возбужденное состояние. Вскоре они уже начали свою магию: в засуху вызывали дождь, заклинали скот от падежа, людей от голода и холода, предсказывали будущее.

Когда старейшины во главе с жрецами вышли из полумрака святилища во двор храма, темно-синие сумерки уже опускались над Маргианой. Медленно двинулась процессия старейшин к ожидавшей их толпе, проходя через все те же узкие переходы. А навстречу им, сгибаясь под тяжестью мешков, цепочкой шли рядовые жители, неся в подсобные храмовые помещения свои подаяния. Жрецы принимали подаяния паломников, оказывая в свою очередь им предпочтение перед другими общинниками. Чтобы умиловить богов и испросить у них удачи, паломники не скупилась. Огромные кувшины с зерном и маслом, десятки жирных коз и овец несли, везли и гнали они с собой. Все это становилось общей храмовой собственностью. Часть приношений шла на нужды храма, часть присваивалась жрецами и храмовыми служками, часть раздавалась подсобным работникам храма.

Выйдя из главного здания, процессия двинулась к северному углу храмового двора, где гигантским пламенем полыхали два круглых алтаря. Большой из них, диаметром около 8 м, был похож на воронку, в центре которой горел огонь.

Старейшины остались во дворе, а жрецы, сняв обувь, благоговейно вошли в темную комнату, откуда вход вел к центру кратера алтаря. Осторожно наклонив сосуд, сделанный из огромной раковины, привезенной из Индийского океана, главный жрец важно сливает священную жидкость, которая, шипя под воздействием жара, медленно испаряясь, стекала вниз.

Жертвоприношения и ритуальные возлияния длились еще долго. Давно уже потух огонь в алтарях, а жрецы и старейшины все еще возносили молитвы, прося обильных урожаев, тучных стад домашних животных, удачливую охоту, всеобщее плодородие.

... Сумерки опускались над Маргианой. Во дворах деревень и поселков задымились очаги. Это хозяйки принялись готовить ужин. Пастухи гнали домой стадо. Животные привычно заворачивали к своим дворам, спеша в теплые стойла. Дети хворостинами подгоняли отставших, и весело переговариваясь, закрывали ворота своих дворов. А на деревенской площади около ярко пылающего костра снова, как и утром, собрались старики, чтобы обсудить дела прошедшего дня. Медленно перебирая пальцами каменные амулеты, они снова и снова вспоминали гаданье жрецов, которые по внутренностям жертвенных животных предсказывали будущее на целый год. И опять, как всегда, они вернулись к воспоминаниям молодости, когда, по их мнению, такие праздники проходили более пышно и весело. Сумерки постепенно перешли в темноту, и вскоре ночь окутала Маргиану.

Глава 10. Дворцы и храмы Маргианы

Но вернемся к нашим дням. Многолетние, настойчивые требования о необходимости финансирования охранных работ организациями, которые разрушали в процессе своей деятельности древние памятники, долгое время не давали ощутимых результатов. Лишь в 1983 г. удалось убедить руководителей «СредАзтрансгаза» заключить с Институтом Археологии АН СССР пятилетний договор на производство охранных работ на памятниках Маргианы. Особенно пострадали три холма в пункте Уч тепе, что было связано с обустройством там поселка газовиков. Мощные экскаваторы строителей начисто уничтожили всю западную половину северного холма Уч тепе. Пока они «трудились» на склонах, несколько бульдозеров забрались на самый верх холма, срезая все новые пласты грунта и готовя площадку для высоченной радиоантенны.

И уж совсем непонятными были действия бульдозериста, пробившего глубокую траншею на среднем холме Уч тепе. Словом, памятник, открытый еще американскими археологами в начале века, был изуродован до неузнаваемости, и нужно было спасать, что еще можно было спасти.

В соответствии с «Законом об охране памятников» нам были выделены средства для крупномасштабных раскопок не только в пункте Уч тепе, но и вдоль трассы газопровода. Именно в эту зону попали памятники западной части Маргианы и в частности поселения Тоголокского оазиса.

Поэтому на этот раз наш путь из Байрам Али лежал не на Гонур, а в столичный Тоголок, где мы предполагали заложить стратиграфический раскоп для выявления общей мощности культурных наслоений. В своей массе поселения Маргианы представляли собой низкие блинообразные, слабо выраженные в рельефе, всхолмления, тянущиеся на многие сотни метров. Более того, в ряде случаев бывшие здания к моменту раскопок оказались полностью развеянными ветрами и размывтыми дождями в процессе естественной дефляции.

Когда мы еще только приступили к изучению Маргианы, каждый такой памятник был очередным открытием, раздвигающим арену существования здесь древних племен, уточняя и конкретизируя культуру живших здесь людей. Но теперь этого уже было мало. В общих чертах мы уже определили размеры и контуры страны Маргуш. Выделили основные ирригационные оазисы, установили время их существования. Теперь настала пора перейти к конкретному изучению культуры этого, все еще загадочного, народа. Дело в том, что постепенно вместе с углублением наших знаний о древней Маргиане, мы все больше приходили к выводу, что на северной окраине бывлой дельты располагались наиболее древние памятники. Чем ниже мы спускались к югу, в сторону тахирбайских и тоголокских памятников, тем более приближались к нашему времени.

Еще раньше, при поверхностных обследованиях памятников, мы находили отдельные черепки с расписными орнаментами того же типа, что и на Яз дepe, но они относились не к началу и даже не к середине II тыс. до н.э., а к концу этого тысячелетия. И, кроме того, на поверхности тахирбайских и тоголокских памятников все чаще стали попадаться обломки железа, что могло знаменовать собой конец эпохи бронзы и наступление новой эры - раннего железного века.

Одним словом, накопилось столько различных вопросов, что настала пора заложить на центральном поселении Тоголок стратиграфический шурф такой же, как на столичном Гонуре. Это поселение было самым крупным, а главное занимало самое высокое расположение в этой группе памятников. В самом деле, почти пятиметровая высота центрального Тоголока предполагала длительный период существования жизни. Именно здесь можно было проследить наиболее полную картину развития местной культуры. Все эти бесчисленные обломки донцов и венчиков от невзрачных черепков могли многое поведать нам о характере развития культуры в столичном Тоголоке. Это могли быть одни и те же формы сосудов, но слегка видоизмененные в зависимости от их места расположения в холме (начиная с самого низа холма до его верха).

Такая эволюционная линия развития материальной культуры указывала бы, что с момента основания поселения на этом месте и до того дня, когда люди ушли отсюда, здесь проживало в общем-то одно и то же население. И, наоборот, резкий скачек в развитии материальной культуры и, в первую очередь изменение старой керамики, должен был указывать на события, связанные со сменой новых культурных традиций, в результате появления здесь новых племен.

Вот с такими планами и выехали мы в начале апреля 1983 г. из Байрам Али в Маргиану. Сначала как и раньше наш путь пролегал по асфальтному шоссе, пока машина не миновала культурную зону целинных колхозов и совхозов. Уже давно остались позади строения ферм, а возделанные поля уходили все дальше в пустыню.

За прошедший год были освоены сотни и тысячи гектаров новых целинных земель с расположенными на их территории археологическими памятниками. Старая дорога, по которой мы раньше добирались до Тоголока, неожиданно уткнулась в глубокий арык. Искать Тоголок нам теперь пришлось по памяти да схематической карте. Известные нам ранее, ориентиры бесследно исчезли: вместо песчаных бугров с отметками чабанов до самого горизонта простирались теперь ровные, распаханые поля. Пустыню было не узнать. Еще в прошлом году между барханами тянулись здесь накатанные проселочные дороги, уходящие к чабанам. Теперь же они оказались запаханнми под плантации. Всюду прямые линии арыков, наполненных журчащей водой, над арыками с громкими криками носились голодные чайки. Человек наступал на пустыню, завоевывал ее, неузнаваемо изменял. Чайки в Каракумах - такого не мог себе представить никто еще десять, пятнадцать лет назад. Но окружающая нас действительность была реальным фактом, как фактом было и то, что мы окончательно потеряли дорогу.

Ориентируясь лишь на интуицию да на северное направление, объезжая поля и переезжая арыки, мы заметили вдали полевые вагончики. Обычно в таких живут геологи, работающие далеко в пустыне. На этот раз, это была полевая бригада, расположившаяся на холме, наверху бывшего древнего поселения. Вокруг стояла мощная техника для освоения целинных земель. Пока мы безуспешно пытались узнать дорогу на Тоголок, мое внимание привлекли пушистые щенки туркменских волкодавов, жадно лакавшие в тени вагончика воду из керамического сосуда до удивления знакомой формы! Приглядевшись, я увидел, что именно такие целые сосуды мы находили при раскопках могил на Гонуре и Тахирбае! Не надо быть знаменитым сыщиком, чтобы суметь найти еще несколько целых гончарных ваз так же, бесспорно, относящихся к эпохе бронзы. Да и сами трактористы не делали из этого тайны - сосуды они нашли невдалеке отсюда при распашке полей. По их словам, на месте находок на поверхности такыров не было никаких возвышений: одна, растрескавшаяся от жары, ровная площадь такыра, кое-где сохранившая зеленую траву. Но в таком случае, это

мог быть древний могильник, никак не отмеченный на поверхности. Пока такие грунтовые могильники в Маргиане не были известны, но в изобилии они попадались в Бактрии, где древние кладбища устраивались в основном на некотором расстоянии от былых деревень.

Отложив практическое решение этого вопроса до обследования на месте, к вечеру мы все же выехали к столичному Тоголоку. Теперь у нас была большая экспедиция. Понадобилось два полных дня, чтобы разбить большой экспедиционный лагерь. Ровной ниточкой вытянулись выгоревшие на солнце палатки. Нашу столовую мы разместили на гладкой площадке такыра. На высокие колья натянули новый брезент. Под ним поместили походные столы и вкопали длинные лавки.

Пока шло устройство лагеря, я вместе с фотографом Володей Митиным снова вернулся к полевому стану, где накануне мы видели целые сосуды. Для начала предстояло разыскать тракториста, а потом вместе с ним и само место распашки.

Безрадостная картина открылась перед нами на месте. На темном фоне рыхлой пахоты светлыми пятнами блестели сотни раздавленных сосудов. Кроме керамических сосудов, среди пахоты встречались обломанные и погнутые бронзовые изделия. Нам посчастливилось найти даже целую медную чашу. Обычно такие вещи входят в состав погребальных приношений, и теперь мы уже все свое внимание сосредоточили на обнаружении не столько вещей, сколько костей. И уже вскоре в разных местах пахоты такие находки были сделаны. Доказательством нашему предположению был раздавленный трактором почти целый человеческий череп, найденный нами в глубокой борозде.

Все указывало на существование здесь в древности грунтового могильника. В таком случае рядом с ним должно располагаться и само поселение, которому принадлежал могильник. И мы нашли его, отойдя от пахоты не более чем на 30-40 м в сторону. Еле заметное всхолмление, протянувшееся в длину на 250 м, сохранило на поверхности большое количество черепков от посуды, точно соответствующей той, которую мы подобрали среди развороченных комьев земли на пашне.

Теперь все встало на свои места. В Маргиане, как и в Бактрии, древние кладбища располагались почти за околлицей деревушек, обитатели которых всегда могли следить за сохранностью могил.

Тем весенним апрельским днем я в растерянности стоял у распаханного могильника, первого такого типа в Маргиане, не представляя себе, как приняться за дообследование, казалось бы вконец разрушенного, могильника. Это был самостоятельный, особый объект, требовавший определенных навыков. Впору было отменить намеченные раскопки на Тоголоке и заняться изучением того, что еще недавно было могильником.

Положение спас Константин Иванович Красильников, известный археолог из Луганска. В этот год вместе со своей небольшой группой он принял участие в наших работах. Это была уникальная в своем роде группа: все заработанные деньги они использовали для археологического изучения родного края. Они проделывали многокилометровые пешие переходы, чтобы собрать материал, необходимый для составления археологической карты Луганской области.

Имея большой опыт раскопок могильников (в том числе разрушенных, как в нашем случае), они сразу же приступили к работам. Для начала вся площадь, усыпанная разрозненными черепками и скелетами, была разбита на квадратную сетку, что уже внесло элемент систематической регистрации черепков по квадратам. Собрав и зарегистрировав находки с запаханной поверхности, они принялись за расчистку пахотных комьев земли.

Отбрасывая далеко в сторону распаханную землю, археологи стали обнажать древнюю поверхность, на которой были обнаружены развалы керамики, возможно остатки погребальных приношений в разрушенных могилах. К счастью для нас, некоторые могилы оказались на глубине, превышающей размеры лемеха плуга, поэтому были лишь частично нарушенными при пахоте. В результате трудоемкой и длительной работы на фоне разрозненных развалов раздавленной керамики удалось выявить несколько могил, относящихся к этому конкретному могильнику. Все они располагались на глубине 50-70 см от дневной

поверхности, представляя собой простые прямоугольные ямы, вырытые в материке. Все скелеты находились в скорченном положении, преимущественно лежа на боку, головой на север. Сверху могилы были перекрыты толстыми глиняными слоями, для предохранения трупов от хищников. Как и на Гонуре маленьких детей родители хоронили здесь внутри крупных сосудов, зарытых затем в землю.

На фоне таких, довольно обычных для Маргианы захоронений, особый интерес представляет совершенно новый тип погребального сооружения, впервые выявленного на этом кладбище. На этот раз родственники умершего не просто вырыли глубокую яму в грунте, а построили из кирпичей небольшую прямоугольной формы гробницу. К моменту раскопок сохранилась лишь нижняя часть, вся верхушка оказалась начисто разрушенной трактором. Дообследование гробницы показало, что не только стены, но и пол был выложен кирпичом. Правда, лемех плуга выворотил весь костяк покойного так, что на месте сохранились лишь фаланги пальцев ног.

И специальная гробница, и заупокойные приношения говорят о том, что умерший относился к зажиточной части населения поселка. Помимо обычных керамических сосудов в могиле были найдены медный литой миниатюрный косметический флакон, булавка, браслет, медная полусферическая чаша, зеркало. Из личных украшений сохранились лазуритовые и бирюзовые бусины, мелкий бисер из поделочных камней. Видимо, внутри гробницы уже не оставалось свободного места для приношений, и целую тушу барана родственники вынуждены были закопать рядом, т.к. за внешней стеной камеры, в земле были найдены кости барана.

Раскопанная гробница оказалась не единственной, трактор частично нарушил еще такую же кирпичную камеру, но к счастью, не затронул скелета, находившегося в центре камеры. На этот раз родственники умершего положили вместе с покойником лишь стопку керамических сосудов. Покойника поместили в гробницу в скорченной позе головой на север, ладони рук находились перед лицом.

Интересное наблюдение было сделано при расчистке - череп покойного оказался не на месте. Он находился в пустом сосуде, слегка откатившись в сторону. Можно сделать вывод, что первоначально гробница была пустой, со временем ее свод и верхняя часть стен обрушившись, засыпали ее внутреннюю часть. Менее вероятно, что это была голова воина, отсеченная в сражении и потом положенная вместе с ним в могилу.

В этом же могильнике мы раскопали еще одну гробницу, но внутри нее в центре вместо человеческого скелета неожиданно обнаружили скелет барана. Судя по расположению костей, барана захоронили, положив на бок. Больше того, скелет находился в окружении погребальных приношений, включающих целые керамические сосуды, бронзовые миниатюрные модели наконечников копий, браслет и целую «миниатюрную колонку», выточенную из мраморовидного камня. Можно было бы допустить, что перед нами обычный кенотаф, т.е. могила умершего далеко от родины человека. Тогда содержимое гробницы, включая и скелет барана, составляет обычные погребальные приношения. Однако, этому противоречит тот факт, что подобно умершим людям, баран был погребен головой на север. Значит это было захоронение священного барана, такое же захоронение засвидетельствовано в соседней Бактрии. Но с одной оговоркой. В Бактрии нам совершенно неизвестна практика строительства гробниц для умерших, зато в южном Туркменистане такие погребальные сооружения имеют тысячелетнюю традицию и, возможно отражают глубоко местные заупокойные обычаи. Словом, точное определение подобных захоронений остается не совсем ясным, так что не исключено, что это был действительно кенотаф, где баран символизировал собой умершего на стороне человека.

Пока шли работы по изучению этого могильника, на центральном Тоголоке продолжались основные раскопки, цель которых заключалась в стратиграфическом изучении культурных напластований памятника. Для этого была выбрана наивысшая точка холма, отмечающая соответственно самую мощную толщу слоев. Казалось, мы все рассчитали правильно, но на этот раз просчитались самым роковым образом.

Для стратиграфического раскопа мы разбили площадку размером 10 на 10 м, справедливо полагая, что чем больше ее размеры, тем большая вероятность получения максимально разнообразного материала. Но сразу под дерновым слоем, под лопатами рабочих вместо обычных остатков строительных завалов, пошли черные, сильно пережженные, слои сплошных зольников. Все ниже и ниже углублялись рабочие в толщу холма, а черный слой сплошного зольника, состоящий из угля и пережженных костей, не прекращался. В этом сплошном горелом слое было встречено большое количество черепков, разбитой посуды, но как ни странно, без следов влияния огня. Это до определенной степени напоминало картину, отмеченную для зольного холмика южного Гонура. Местами мощные зольники перемежались с мусорными прослоями, где, в частности, было встречено плохо сохранившееся погребение, причем заупокойные приношения включали всего два скромных сосуда и бронзовую булавоочку.

К концу дня рабочие выглядели настоящими шахтерами: на черных лицах сверкали лишь белки глаз. Наконец, где-то на глубине около 1 м стали появляться обрывки разрушенных стен попеременно с обычными мусорными слоями. Теперь уже можно было попытаться разобраться, что же перед нами: следы пожара или скопление горелого слоя. И тогда мы обратили внимание, что черные горелые слои идут не горизонтально, как после случайного пожара, а наклонно, создавая впечатление, что в течение очень длительного времени сюда ссыпали золу из какого-то определенного места, где долго горел огонь. На это указывала почти полутораметровая толщина горелого слоя, а также ее чрезвычайно мелкая, почти «пылевая» структура. Должно быть много времени понадобилось, чтобы накопились такие мощные горелые слои. Очевидно было, что ссыпали их только с одной стороны. По аналогии с Гонуром можно допустить, что такое скопление золы было связано с расположенным рядом храмом, где постоянно горел огонь, «священную» золу от которого тщательно собирали и ссыпали в одном определенном месте.

И хотя точное происхождение горелого слоя пока не установлено, очевидно одно - в последний, заключительный период, жизнь на этом наиболее возвышенном месте Тоголока отсутствовала. Это был заброшенный участок поселения, куда ссыпали возможно «священную» золу. Таким образом, вконец были перечеркнуты наши надежды выявить наиболее полную свиту культурных наслоений - от самых поздних до первых строений, некогда возведенных на этом месте древним человеком.

Как бы то ни было, но раскопки продолжались. Через полтора метра горелый слой закончился, и мы, наконец, достигли верха стен зданий, сохранившихся на высоту около одного метра. Это была часть планировки многокомнатного дома, со стенами, возведенными из сырцового кирпича, и четким полом, отмеченным толстыми глиняными промазками.

Ниже, под полами, мы обнаружили остатки стен от предшествующего ему, более раннего строительного комплекса, но лишь в виде остатков кирпичных стен, не образующих целостного плана.

Итак, в общей сложности мы углубились внутрь холма на глубину около 3,5 м. Общая высота холма выше 5 м, и ниже мы ожидали найти еще более древние строения. Но углубившись еще, мы с удивлением обнаружили, что культурные слои кончились, и теперь, вместо строительных завалов и мусорных слоев (обычных остатков человеческой жизни и деятельности), идет чистый спрессованный речной песок, перемежающийся с горизонтальными глинистыми наслоениями. Ни единого уголька или зольника, ни кусочка керамики. Было ясно - мы вышли на материк. Но в таком случае, куда же делась полутораметровая разница в высотах: ведь общая высота холма достигает 5 м, а толщина культурного слоя 3,5 м. Стало очевидным, что поселение здесь было основано не на ровном месте, а на верху естественного холма, возвышающегося на полтора метра над окружающей древней поверхностью. Раскопки были остановлены, и мы приступили к изучению в полевом музее найденного материала, в основном все той же керамики.

В процессе раскопок все находки, начиная с самого верхнего слоя, распределялись в полевом музее в строгом соответствии с определенными глубинами. Теперь перед нами была

длинная цепочка, состоящая из отдельных кучек керамики, принадлежащей разным глубинам шурфа. Изучение керамики мы начали с самых нижних слоев, относящихся к начальному периоду жизни на этом месте.

Чтобы не углубляться в узкопрофессиональные вопросы скажу, что в целом она напоминала посуду, встреченную нами при раскопках Гонура, но преимущественно в ее верхних слоях. В таком случае, создавалось впечатление, что Тоголок как бы перехватывал эстафету времени от Гонура. Иначе говоря, время основания Тоголока соответствует тому, когда был оставлен Гонур. И кто знает, не были ли это одни и те же люди, переместившиеся на 10-12 км южнее от родного поселения вместе с изменением русла древней реки Мургаба? Мы знаем, что вода Мургаба, постоянно подмывая левый берег, постепенно меняла общее направление русла, медленно, но верно перемещаясь на юго-запад.

Конечно, вначале обитатели Гонура пытались как-то задержать «убегавшую» реку при помощи каналов и арыков, сохраняя воду около своих полей. Но со временем стало все труднее строить новые каналы, а главное - все дальше тянуть воду. Технические возможности человека не шли ни в какое сравнение с масштабами естественных природных изменений. Легче было, бросив старые поселения, перейти на новое место, в замковую часть реки, где имелась в изобилии вода, и где ее можно было легко контролировать, распределяя по орошаемым полям.

Так или иначе, но люди, основавшие Тоголок, в первое время продолжали изготавливать ту же посуду, что и на Гонуре. В своем каждодневном быту они использовали той же формы вазы, чаши, кубки, миски, горшки. Такая посуда продолжала бытовать на протяжении почти всего периода существования памятника, но не в самый последний, когда здесь образовался мощный горелый слой. Именно в нем наряду со старыми керамическими формами появляются новые, отличные от них, но удивительно близко напоминающие лепную, расписную посуду Яз депе.

Создается впечатление, что люди расписной посуды появляются в Тоголокском оазисе где-то на рубеже II-I тыс. до н.э., несколько потеснив местных обитателей. Было бы соблазнительно видеть в них завоевателей, оставивших после себя следы пожара.

Но этому как будто противоречат уже приведенные наблюдения: он образовался не сразу, а постепенно. И кроме того, в деревушках, окружающих центральный Тоголок, среди местной гончарной посуды лишь в небольшом количестве присутствуют лепные расписные черепки, свидетельствующие о вполне мирном сосуществовании племен с разными историческими судьбами и культурными традициями.

Одновременно с раскопками на Тоголок шли работы по дообследованию уже открытых в прошлые годы памятников. Были обнаружены новые памятники, ранее занесенные песчаными барханами. Раскопки на них не производились, но сборы с поверхности дополняли и расширяли наши представления о древней истории страны. В этом плане особого интереса заслуживают находки двух печатей. Одна из них - литая медная печать с изображением на лицевой стороне свастики, заключенной в квадратный картуш. И хотя рисунок свастики, как солярный символ, издревле был распространен у древнеземледельческих племен Передней Азии, начиная чуть ли не с V тыс. до н.э., картуш, в который он был заключен на нашей печати, удивительно близко напоминал такую же рамку на другой печати, но найденной далеко от Маргианы в долине реки Инд.

Если эта массивная печать резко выделялась среди других находок, то другая напротив представляла собой небольшую по размерам, скромную, фаянсовую печатку, но резной орнамент которой опять-таки прямо копировал узор фаянсовой печатки, найденной много десятков лет назад все в той же долине Инда на индийском субконтиненте в руинах домов хараппской цивилизации.

Эти две находки резко изменили наши представления о международных связях Маргианы. Если раньше они предположительно шли на восток в Бактрию, то теперь неожиданно стали уходить на юг в район существования т.н. хараппской цивилизации, от которой Маргиана была отделена тысячами километров безводных и безлюдных пустынь,

включая казалось бы непреодолимый барьер в виде Гиндукуша - величайшей горной системы мира. Удивительно, насколько реальная жизнь была многообразней, чем это представлялось нам еще совсем недавно, до археологических открытий в Маргиане и Бактрии. Эти разрозненные, не всегда получившие сразу оценку по достоинству, документальные факты, собранные вместе, вдруг заставляют заново пересмотреть, казалось бы устоявшиеся, взгляды на исторические события Ближнего Востока.

В тот год, помимо раскопок могильников и столичного Тоголока, мы приступили к специальному изучению гончарных горнов, расположенных на северо-восточной окраине поселения. При наземных обследованиях здесь был обнаружен целый квартал гончаров, где на обособленном месте рядом со своими домами древние гончары устроили керамические мастерские. Дожди и ветры почти полностью развеяли былые мастерские, сложенные из сырцовых кирпичей, но устояли сами гончарные горны. Годами бушевавший в них огонь постепенно закалил их стенки до огнеупорной твердости, что помогло им прекрасно сохраниться до наших дней.

Это были довольно сложной формы двухъярусные горны. На ровной площадке такыра, прямо в грунте, сначала вырыли прямоугольную яму размером примерно 2,5 на 1,5 м. Изнутри стенки ее обкладывались кирпичом, и получалась топка, куда загружались дрова. Над топкой находилась камера обжига, где стояли приготовленные для обжига сырые, высушенные на солнце, сосуды-полуфабрикаты. Пол камеры обжига со сквозными дырочками-продухами опирался на столб, который ставился в середине топки. Горны такого типа и конструкции были известны нам еще по раскопкам на Гонуре, но с одним отличием. Здесь в тоголокской группе памятников в топках отсутствовали опорные столбы, так что верх камеры обжига был сложен в виде ложного свода. Для этого с обеих верхних краев топки наклонно, навстречу друг другу, ставились два прямоугольных, поставленных на ребро кирпича, а между ними горизонтально помещался еще один «замковый» кирпич. Это позволяло вывести свод, без поддерживающего его снизу столба. Безусловно, это был более прогрессивный тип горнов, свидетельствующий об успехах древних гончаров, живших на Тоголоке. Именно в них обжигались сотни и тысячи керамических сосудов, которые затем использовались в быту, помещались в могилы, в качестве заупокойных приношений, обменивались с соседями, в том числе со скотоводами-кочевниками.

Когда стратиграфический шурф на верху Тоголока оказался законченным раньше предполагаемого срока, решено было начать разведочные раскопки на расположенном рядом поселении с условным названием Тоголок 21. Уже несколько лет привлекал он наше внимание своим необычным расположением. На его поверхности, во время все новых и новых обследований мы находили редкие изделия в виде печатей, амулетов, каменной булавки, украшений. Одним словом, решено было от визуального исследования перейти к пробным раскопкам. Для начала мы стали зачищать широкие, выгоревшие на траве, полосы, условно определяемые как оборонительные стены. Уже через несколько дней это предположение полностью подтвердилось. Контрольные разрезы и шурфы не только выявили общее направление внешних стен, но и позволили выявить систему их кладки, а также уточнить общие размеры.

Когда осенью того же 1983 г. мы продолжили наши исследования в Маргиане. Было решено снова вернуться к раскопкам кремля Гонура, но параллельно с этим группа вновь приехавшая из Луганска, должна была заняться продолжением пробных раскопок на Тоголок-21. Мы решили продолжить контрольные раскопки, проведенные здесь еще весной, чтобы выяснить, что же это за памятник: обычное поселение или необычная крепость. Если окажется простая крепость типа Аучина, то на этом можно будет и остановиться, так как для проведения одновременных широкомасштабных раскопок и на Гонуре и на Тоголок-21 у нас не было возможности. Но где-то все-таки теплилась надежда, что Тоголок-21 памятник необычный. Но тогда какой?

Оставив решение вопроса до результатов раскопок археологов из Луганска, основная часть экспедиции приступила к продолжению раскопок кремля на Гонуре. На этот раз с нами

работала большая группа студентов из г. Орла, что вместе с технической помощью рядом расположенного целинного колхоза позволило раскопать площадь почти равную всем вместе взятым в предшествующие годы. В результате была выявлена удивительно четкая сетка прямоугольных помещений, образующая регулярную планировку кремля. Все помещения были использованными во втором периоде, причем в ряде случаев стены оказались нарушенными сверху впускными ямами и даже древними погребениями.

Особый интерес представляли длинные помещения в северной части раскопа, которые, к сожалению, в тот год не были окончательно раскопаны. На полу этих помещений мы расчистили небольшие ямки-лунки, сплошь заполненные пережженными костями животных, причем сами лунки не сохранили следов воздействия огня.

Очевидно, что кости были сожжены в другом месте, насыпаны в ямки-лунки и затем аккуратно обмазаны сверху специальной глиняной обмазкой. Может быть, они бы не заслуживали такого внимания, если бы в Бактрии при раскопках одного североафганского храма, мы бы не столкнулись точно с такой же картиной. Там, в полу бесспорного святилища, были расчищены такие же ямки-лунки, так же без следов воздействия огня, и так же заполненные пережженными костями животных. Налицо закономерность, в косвенной форме указывающая не только на родство бактрийских и маргианских племен, но и на особое значение вскрытых помещений кремля Гонура.

Среди находок того года на Гонуре исключительный интерес представляли несколько керамических и каменных сосудов. В одной из комнат на полу под мусорными завалами мы нашли почти целый графин с пузатым туловом и высоким, частично отбитым сверху, горлом. Казалось бы, очередная рядовая находка. Но в противоположность всей остальной керамике Маргианы, покрытой светлыми тонами ангоба, это был чернополированный сосуд, украшенный к тому же тонким сетчатым лощением. Местные гончары не изготавливали чернополированную посуду, требующую особой технологии производства, зато в соседнем северо-восточном Иране, и в том числе в Гиссаре, именно в это время и именно такая керамика была наиболее популярной у местного населения. Все эти наблюдения дают основания предполагать, что этот сосуд попал в страну Маргуш с юго-восточной оконечности Каспийского моря. Но, как известно, вещи без людей не «ходили», значит были реальные контакты живых людей между этими двумя регионами.

В другом помещении мы нашли разбитый на множество кусков еще один, но уже крупный, сосуд типа пифоса, который был также необычным среди остальных находок. Тулово его оказалось украшенным рельефными извивающимися наподобие змей полосами, что абсолютно чуждо для керамического искусства Маргианы. Можно было бы и его посчитать завезенным сюда. Однако, учитывая его огромные размеры (высота свыше одного метра и солидный вес), вероятнее признать его местное происхождение, но по «заморскому» образцу. Иначе говоря, это могла быть копия с известного оригинала. Уже тогда в поле мы по достоинству оценили важность этой находки, но не имея книг под рукой, гадали какому же оригиналу могли подражать местные мастера. И лишь вернувшись в Москву и обратившись в библиотеку, установили, что точно такие огромные пифосы, украшенные точно такими же извивающимися горизонтальными полосами, были распространены на крайнем юге Ирана и в особенности в Белуджистане. Так эти две, казалось бы, скромные находки расширили наше представление об исторической арене международных связей страны Маргуш со своими дальними и близкими соседями, дополнительным подтверждением этому была находка двух целых миниатюрных сосудиков, выточенных в виде почки из темного стеатита, которые точно соответствовали таким же, но происходившим из Бактрии и Белуджистана.

Той поздней осенью раскопки на Гонуре приближались к концу, а на Тоголок-21 они только развертывались. Оставленная здесь группа археологов, за сравнительно небольшой срок получила большие результаты. Параллельно с раскопками кремля я время от времени приезжал на Тоголок-21, и каждый раз памятник удивлял меня своей необычностью. Теперь была полностью оконтурена по верху крепость. Это был прямоугольник размером 60 на 50 м,

по углам которого располагались круглые башни. К следующему нашему приезду была оконтурена одна башня в середине западного, а затем и восточного фасов оборонительных стен крепости. Тоголок-21 с самого начала представлял собой невысокое, блинообразное всхолмление, максимальной высотой не более полуметра от окружающего такыра. Эту возвышенную центральную часть, как теперь выяснилось, и занимала сама крепость. Далее по периферии от нее шли рыхлые, слабо выраженные в рельефе шлейфы, как мы считали смывы культурных наслоений с крепости, переходящие, наконец, в чистый ровный такыр окружающей поверхности. Так вот, именно на этом шлейфе, где кажется уже полностью выклинился былой культурный слой, археологи неожиданно расчистили круглую угловую башню с отходящими от нее под прямым углом еще двумя стенами. Создавалось впечатление, что крепость была «вписана» в каре стен более крупного сооружения, что меняло наши первые представления о характере и назначении Тоголок-21.

Параллельно с этими шли раскопки вдоль северного фаса крепости, где среди обычных невзрачных черепков и мусорных отбросов вдруг ярким изумрудом сверкнул бронзовый топор, и, к тому же, совершенно целый. Его необычная форма подчеркивалась необычной узкой втулкой для деревянной рукояти. Совершенно очевидно, что в нее не только не могло войти топориче обычной величины, но даже палец не проходил внутрь, что исключало назначение изделия в качестве обычного бытового топора. Да к тому же, на обухе сохранилось биконическое украшение, не имеющего никакого функционального назначения. Словом, перед нами был не обычный топор, а парадный, церемониальный. Тяжелый, массивный он приятно охлаждал ладонь. И я лихорадочно вспоминал, где же еще видел его «родного брата», если не сказать двойника. Конечно же, в Кабуле, в антикварной лавке, где торговали древностями из разграбленных могил Бактрии! Сходство было настолько полным, что, если бы не сотни километров отделяющих Бактрию от Маргианы, можно было бы посчитать, что оба они вышли из рук одного и того же мастера.

Но бронзовый топор с Тоголок-21 имел для нас и еще одно значение. Церемониальный топор, не имевший бытового значения, употреблялся лишь при особых церемониях. Но тогда и сам раскапываемый памятник мог иметь особое назначение. Я уже представил себе, как местный вождь или жрец, одетый в длинные одеяния, медленно проходит между вытянувшимися в два строя воинами или наоборот паломниками, а может, и храмовыми служками, крепко зажав в сухих пальцах тонкую рукоять топора, отличающего высокий ранг его владетеля.

Но реальность требовала фактических доказательств. И они пришли с другой, восточной стороны Тоголок-21. Там, где казалось культурные слои уже совершенно развеяны и размыты, на краю памятника, где уже почти отсутствовали черепки, вдруг неожиданно была сделана находка, положившая конец всяким сомнениям.

Здесь, на расстоянии свыше 30 м от оборонительной стены центральной крепости при зачистке краевой части памятника обнажилась двухметровой ширины кирпичная стена. Судя по ее размерам, это была стена какого-то монументального сооружения, возможно, стена предполагаемого каре. Здесь же наметились контуры небольших помещений, полы которых, почти выходявшие на дневную поверхность, местами сохранили белые гипсовые «пятна» от былой сплошной обмазки.

Больше того, проходы этих помещений выходили не на улицу, а вели в две, расположенные рядом друг с другом, «башни» соответственно диаметром 4 и 8 метров. И хотя между «башнями» мы нашли кучу глиняных «ядер», оборонительное назначение их вызывало большие сомнения.

С недоумением рассматривая обе «башни», я обратил внимание на то, что меньшая из них заложена сверху регулярной кладкой кирпича, из-под которой почему-то местами выступают зольные слои. Может это были сторожевые башни, от которых сохранились лишь фундаменты, но тогда почему внутри них имеется зола? В тот год мы так и не оценили по достоинству нашу находку. Для этого необходимо было провести их тщательную расчистку, на что у нас тогда не оставалось ни времени, ни средств.

Можно до бесконечности продолжать перечень все новых вопросов, связанных с пробными раскопками Тоголок-21, но достаточно было и этих, чтобы сделать однозначный вывод - в следующем полевом сезоне нужно приостановить работы на Гонуре и сосредоточить их именно здесь. Я поздравил луганских археологов с удачным началом и спросил, какие же впечатления вынесли они о Каракумах. «Все хорошо, - отвечали они, - но где же обещанные гюрзы, эфы и кобры, где каракумская экзотика?» Через пару дней им предстоял отъезд, а кроме ящериц, гекконов, да изредка варанов, они так ничего здесь и не увидели. Я лишь пожал плечами. Но не прошел я и двух десятков шагов от раскопа, как между ног скользнула темнооливковая лента, спешившая подальше от непрошенного гостя.

И вдруг как по-волшебству, стоило мне швырнуть несколько камушков, как перед нами возникла кобра с широко раздутым капюшоном и изящно повернутой в сторону головкой. И хотя мне и раньше приходилось сталкиваться со змеями, в том числе и с кобрами - такой великолепный экземпляр встретился впервые. Почти двухметровой длины она мягко раскачивала раздутым капюшоном, поворачивая голову, делая короткие выпады в сторону, откуда могла грозить ей опасность. Кажется тогда мы «расстреляли» всю нашу фотопленку, и черно-белую, и цветную, увековечив эту «королеву пустыни» для себя, друзей и знакомых. И нужно было видеть как мягко и пластично скользнула она в кусты тамарикса, когда мы расступившись оставили ей место для отступления.

Глядя на уползающую кобру, я невольно подумал, какое магическое уважение должна была она вызывать у древних. От всей ее стройной, ритмично колеблющейся позы исходила какая-то магическая сила, ее можно было бояться или даже ненавидеть, но нельзя было не любоваться и не уважать. И, может быть, поэтому на амулетах Маргианы змеи являются едва ли не постоянными персонажами, выгравированных на них композиций. Кажется, у всех народов Востока, от древних до современных, змеи олицетворяли собой волшебные силы природы. Появляясь из земли и внезапно исчезая в норке, эти загадочные существа ассоциировались с идеей бессмертия, идеей всеобщего плодородия.

В пустыне нередко можно видеть белые прозрачные пленки старой кожи, сброшенной змеей: она как бы заново омолаживается, приобретая новую кожу с более яркой окраской, что, видимо, и сыграло далеко не последнюю роль в древних поверьях о бессмертии змей. И как здесь было не вспомнить древний вавилонский эпос о деяниях Гильгамеша. Отправившись в поиски бессмертия, он должен был отыскать цветок бессмертия, где-то в морской пучине. Преодолев множество препятствий, герой, наконец, находит цветок, но во время сна именно змея, а не кто-нибудь другой, похищает цветок, лишив Гильгамеша, а вместе с ним и все человечество, надежды на бессмертие. И хотя песнь о Гельгамеше родилась в Месопотамии, есть все основания предполагать, знакомство с ней жителей Маргианы. Уникальный амулет с Гонура, где герой держит за задние ноги поверженных быков - блестящая иллюстрация к подвигам Гильгамеша, отраженная на многочисленных печатях Месопотамии. Кстати, и там змеи играли особую роль в культовой символике, но пожалуй нигде в системе Передней Азии они не занимали столь большого места, как в религиозных представлениях Маргианы и Бактрии. Можно почти не сомневаться, что и здесь они связывались с идеей бессмертия, и в конечном счете, с продолжением жизни на земле, олицетворяя собой носителей положительных сил природы. И чтобы закончить «змеиную тему» вспоминается мне теплый, мягкий вечер на Гонуре. Студенты из Орла усевшись кружком вокруг ярко пылающего костра около своих палаток внимательно слушают мою лекцию о древностях Маргианы. Тихо потрескивает саксаул, кто-то из студентов даже пытается делать какие-то записи, примостив тетрадку на коленях, и вдруг ужасный, панический крик взорвал каракумскую ночь. С верха палатки соскользнула, не удержавшись на ней, маленькая эфа и шлепнулась на колени одной из студенток. К счастью, и на этот раз все обошлось благополучно, а мы в который раз убедились в несправедливости расхожего мнения о змеях, как о злобных существах. И не даром древние маргушцы с таким почтением относились к этим в общем-то мирным рептилиям, которые по их представлениям приносили людям благо и олицетворяли собой всеобщее благоденствие.

Глава 11. По следам Заратуштры

Воодушевленные многообещающими результатами пробных раскопок на Тоголок-21, в следующем 1984 г. мы выехали в экспедицию как никогда рано - уже в конце марта. Но именно в тот год нас с самого начала преследовали неудачи. Началось с того, что состав экспедиции был набран без должного отбора. Так получалось, что в предшествующие годы нам всегда попадались работающие, милые ребята, которые уже составили костяк экспедиции. Неизменный фотограф высокой квалификации Володя Митин, наша крикливая, но добрая повариха Лена Шабунова, мечтательный Саша Романьков, никогда не унывающий Олег Розенталь - все они уже не первый год участвовали в экспедиционных работах, были влюблены в Каракумы, и при любой возможности стремились попасть сюда на раскопки. Однако в эту весну лишь Олег смог выехать вместе с нами, остальные были случайные люди, набранные «с улицы», в большинстве новички, плохо представляющие себе специфику работ в пустынных условиях. И уже вскоре я убедился, что людей было излишне много для пустыни, а Каракумы не любят суеты и шума.

Но как бы то ни было, ранней весной мы приступили к планомерным раскопкам Тоголок-21. Для начала была выбрана наиболее возвышенная северо-западная часть памятника, где по микрорельефу четко читалась угловая башня и, отходящие от нее, обводные стены. Сразу же с началом раскопок под дерном появились кирпичные стены помещений, но почему-то заполненные не обычными мусорными слоями, а сплошным кирпичным завалом, состоящим из кусков сырцового кирпича и штукатурки. Создавалось впечатление, что это остатки обрушившихся стен и кровли, причем упавших на чистый пол, на котором не успел накопиться, или его не было вообще, обычный мусор.

А кроме того, среди кирпичных завалов стали попадаться фрагменты декора интерьера с выпуклой выкружкой, покрытые тонкими белыми гипсовыми слоями. Расчищая уже первое помещение, мы неожиданно обнаружили в углу два огромных сосуда емкостью в несколько ведер воды: один воронкообразный, слегка вкопанный в пол, и второй в виде пифоса, лежащий на боку, и оба они оказались совершенно целыми.

Продолжая раскопки и вскрывая одно помещение за другим, мы и в них находили либо целые, нередко упавшие на бок сосуды, либо раздавленные. Все вместе они создавали картину внезапно заброшенного помещения. А может сосуды были умышленно оставлены здесь? Такое предположение перешло в уверенность, когда и в других помещениях на полах мы обнаружили несколько целых, т.н. миниатюрных колонок, изготовленных из различных мраморовидных пород камня и тщательно заглаженных до зеркального блеска. Можно было бы бросить на месте и не брать с собой громоздкую, легко бьющуюся посуду, но как было оставить изделия, выточенные из камня, материала привезенного сюда в Каракумы за многие десятки километров, чуть ли не из северного Афганистана? Остается допустить, люди либо внезапно покинули Тоголок-21 и оставили здесь свои изделия, (хотя ничто не указывает на военное вторжение), либо, что вероятнее всего, их специально оставили на месте, повинуясь каким-то своим, особым запретам.

Уже все это само по себе указывало на необычное назначение исследуемого памятника, а раскопки приносили нам все новые тому доказательства. Так, все без исключения комнаты, а их уже открыли около десятка, на полах сохранили участки, покрытые тонкими, хрупкими алебастровыми промазками. Более того, следы белоснежной гипсовой обмазки были прослежены на стенах и даже на порогах входов.

В тех случаях, когда это можно было проследить, такие промазки достигали 7-8 слоев, указывая на преднамеренное ее возобновление.

Если даже допустить, что в древности полы покрывали мягкие паласы, а может и ковры, то и тогда хрупкие алебастровые покрытия не могли соответствовать бытовому назначению. Впервые встреченные здесь, они могли быть предназначены только для

помещений особого назначения. А здесь все раскопанные помещения имели алебастровую обмазку, указывая тем самым на особое назначение всего здания. Теперь-то нам стало понятно назначение найденных в завалах комнат глиняных блоков с выпуклой поверхностью, окрашенных белым гипсом: они скорее всего, принадлежали верхней части интерьера комнат, наподобие карнизов.

С каждым днем все больше расширялся наш раскоп. За помещениями типа залов, неожиданно появлялись маленькие, с нишами или внутрискрипными каминами. Все они на редкость хорошо сохранили дверные проемы, ведущие из одной комнаты в другую. Постепенно стала выявляться и общая планировочная структура памятника. Прямые длинные стены, возведенные сразу по единому плану, под прямым углом пересекали поперечные, образуя целую анфиладу взаимосвязанных между собой помещений. Но странно, входы из них вели в очередные комнаты, но ни разу не выходили на улицу или во двор. Иными словами, получалась замкнутая, если не сказать запутанная планировка, своеобразный лабиринт, что опять-таки совершенно несвойственно обычным, бытовым поселениям. Большие и маленькие комнаты, соединенные проходами и коридорами, в уголках и щелках полов сохранили алебастровую промазку, лишней раз свидетельствуя, что некогда изнутри они были сплошь покрыты белоснежным алебастром.

Вместе с тем, на редкость мало было обычных бытовых находок, даже такого массового материала, как обломки керамики, сотнями встречающейся при обычных раскопках. Правда, в нескольких помещениях мы нашли единичные раздавленные, хотя и целые сосуды, в том числе с длинными сливами; после реставрации они дали нам представление о новых керамических формах, бытовавших в Маргиане в конце эпохи бронзы. Так продолжалось до того дня, пока при зачистке очередного помещения, мы не нашли прямо на полу фрагменты еще одного керамического сосуда.

Сначала прямо на полу под щетками обнажилась терракотовая фигурка горбатого быка, а затем рядом человеческая статуэтка с двумя рогами на голове и широко раскинутыми в стороны руками. Расчистив их окончательно, мы убедились, что все они некогда были насажены на бортик одного и того же сосуда, по-видимому, ритуального.

Это в высшей степени вероятное предположение так и оставалось бы предположением, если бы через день, почищая пол этого помещения, мы не обнаружили и сам сосуд. Безнадёжно раздавленный рухнувшими стенами и кровлей, он сохранился далеко не полностью, но часть его, от венчика до донца, мы все же сумели подобрать и склеить. Вот тогда-то самые смелые из нас решили рискнуть. Вытащив из коробочки ранее найденные статуэтки человека и быка, они приставили их к бортику сосуда. Статуэтки с точностью встали на свои места. Перед нами был небольшой сосуд с плоским дном, округлым туловом и прямым венчиком, украшенным скульптурными фигурками наверху. Внутри на дне сохранились добавочные налепные фигуры распластанных лягушек, между которыми осторожно извиваясь, на бортик сосуда выползают налепные змеи. Одним словом, мы имели уменьшенную копию оригинала, происходящего с центрального Тоголока.

Забегая вперед, отмечу, что на Тоголок-21, помимо обломков зооморфных и антропоморфных фигурок, на полах помещений было обнаружено еще несколько раздавленных культовых сосудов с такими же налепными скульптурками и извивающимися змеями, что опять-таки выделяет этот памятник среди всех известных. Достаточно сказать, что на Гонуре, где была вскрыта значительно большая площадь, нам не встретились не только ни один такой сосуд, но и даже отдельные фигурки от культовых сосудов.

Но вернемся к нашему первому сосуду. Расчищая пол вокруг него, мы обнаружили черный стеатитовый конус и рядом белый мраморный цилиндр с небольшим углублением на торце. Мы долго вертели их в руках, пытались сообразить, что же это такое, пока кто-то не поставил на землю конус, а на него насадил цилиндр, отверстие которого точно «село» на верх конуса. В результате цилиндр с конусом-подставкой образовали хотя и непрочное, но единое двусоставное изделие, явно культового назначения. Пройдет еще несколько дней и студенты принесут мне новый каменный конус. Я попросил их осторожно расчистить это

место, чтобы попытаться найти недостающий цилиндр. Не прошло и получаса, и цилиндр был найден. И опять перед нами единое двусоставное изделие: основание-конус и качающийся, но плотно сидящий на нем, цилиндр. Мы до сих пор не знаем точное их назначение, но связь их с культовыми сосудами явно не случайна. Кроме того, мы обратили внимание, что верхние концы таких цилиндров всегда несут следы грубой обивки, производя впечатление предметов, которыми дробили и перетирали какие-то вещества. И хотя их точное назначение остается не совсем ясным, возможно, не случайно близкие по типу изделия происходят из хараппской цивилизации, где они прямо связываются с сексуальными культами.

День за днем продолжались раскопки северной части памятника. Все новые и новые помещения, логически связываясь между собой, образовывали четкую, ритмичную планировку исследуемого комплекса.

Наконец, настал день, когда на нашем пути встали холмы отвальной земли из контрольных раскопок предшествующего года. Пока еще работы не подошли к ним вплотную, несколько рабочих были поставлены на ее отброску. Одна такая куча земли досталась мне. Дело шло уже к обеду, не по-весеннему жаркое солнце палило немилосердно, а под лопаты шла все та же сыпучая, пыльная земля и мелкие кусочки керамики. Да и что можно было ожидать от отвальной земли, не единожды просмотренной археологами в процессе раскопок. И тем более неожиданной оказалась находка какого-то черного изделия, резко отличного от обычных светлых керамических кусочков разбитой посуды. Войди лопата в землю на несколько сантиметров выше или ниже и мы не имели бы возможности любоваться прямоугольным амулетом, тщательно выточенным из черного стеатита. Глубокой, сочной резьбой на одной стороне его безвестный мастер-камнерез выгравировал крылатого льва с широко разинутой пастью, с извивающейся рептилией, голова которой тянется к задним ногам льва. На обратной стороне был изображен, скорее всего волк, под животом которого опять извивается рептилия. Итак, нам посчастливилось найти еще один амулет из немногочисленной серии амулетов мургабского стиля, но теперь мы сделали находку не на поверхности, а в слое, что чрезвычайно повышает ее научную значимость. Осталось лишь напомнить, что изображения крылатых львов в сочетании со змеями под животами, помимо Маргианы были еще широко распространены в Бактрии, это лишнее указывает на их культурную близость.

А Тоголок продолжал удивлять нас все новыми, а главное, необычными находками. В одном из помещений рабочие нашли обломок крупной раковины наподобие тех, что украшают наши этажерки дома, происхождение которой - прибрежные районы индийского океана. Еще в древности верх ее был аккуратно спилен по линии шиловидных отростков так, что получился сосуд с миниатюрными сливами.

Мы получили вещественное доказательство прямых связей страны Маргуш с Индийским океаном, т.к. только там в естественном виде известны такие раковины. И приходится лишь гадать, каким путем попадали такие вещи за многие сотни километров в далекую Маргиану. Это могли быть прямые торговые связи, мог быть многоступенчатый обмен, но, так или иначе, здесь в Маргиане раковина была «приспособлена» для культовых возлияний. Такая дорогая, экзотическая вещь не могла использоваться в бытовых целях. Для всех нас это представлялось вполне очевидным.

Еще несколько лет назад, делая эпизодические набеги на Тоголок-21, мы нашли на его поверхности обломок каменной булавы, украшенной рельефно извивающимися полосками змей. Теперь же при раскопках одного из помещений нам попался второй такой обломок, по размеру и форме точно соответствующий ранее найденному. Уже в Москве мы составили оба фрагмента. Хотя они и не подошли с точностью друг к другу, все-таки можно предположить, что они принадлежат одному и тому же изделию. Такая булава, насаженная на древко, могла быть подтверждением высокого ранга ее владельца.

А воображение рисовало величественного жреца, крепко держащего деревянную булаву с насаженным каменным округлым навершием, украшенным извивающимися

змеями. Он важно выступает впереди процессии состоящей из культовых служек. Навстречу ему мог двигаться другой жрец, символом власти которого являлся бронзовый топор, который мы нашли в прошлом сезоне...

Раскопана уже почти третья часть крепости, и можно было делать первые выводы. И парадная архитектура, и особенно набор специфических находок исключали его обычное, бытовое назначение. Было одно обстоятельство, которое я упорно отгонял от себя, но оно также упорно заявляло о себе с каждым новым раскопочным днем. В контрасте с набором особых находок, находилось чрезвычайно большое количество мелких и крупных гранитных зернотерок, ступок, пестиков, терочников, найденных на полах почти в каждом помещении. Эти вполне утилитарные орудия труда являются обычными находками при раскопках бытовых памятников, где они служили для перемалывания и размельчения зерен злаков и изготовления муки для лепешек. Но их количество на Тоголоке в несколько раз превосходило все известные находки подобного типа. Причем, среди них имелись наряду с крупными зернотерками и небольшие каменные терочки, они были то шарообразные, то четырехугольной формы. Создавалось впечатление о их специализации по назначению. Крупные грубые ступки, терки, песты могли служить для первичной обработки и грубого дробления, и лишь потом в ход шли более мелкие, тщательно изготовленные орудия для окончательного перетирания. Но чего?

Когда я сопоставлял между собой казалось бы несовместимые вещи - хрупкие, некогда белоснежные гипсовые полы и на них многочисленные каменные орудия для перетирания, казалось бы начисто исключаящие друг друга - я подумал вот о чем.

Основную часть наших находок составляла керамика, но специфических форм с носиками и длинными сливами, предназначенными для сливания жидкости. Вспомнил я и ритуальные сосуды, и сосуд из раковины. Появилось пока еще неясное предположение, а не связаны ли они с приготовлением культовых напитков. На Тоголок-21 эти изделия были найдены в главной центральной части комплекса, и, следовательно, предполагаемые культы имели главенствующее значение.

Из священной книги «Авесты» известно, что в культовых ритуалах зороастризма главное место занимало питье опьяняющего напитка - хаомы. В пересказе современных ученых-лингвистов, читающих «Авесту» - культовый напиток хаома, приготавливался путем длительного отмачивания в чанах, а затем растирания в ступках при помощи пестиков и терок какого-то растения под названием хаома. Затем полученная растительная кашка смешивалась с молоком, в том числе кислым, ячменем и долго настаивалась, бродила, пока не получался опьяняющий напиток, выпив который, жрецы приходили в состояние эйфории. Это все вкратце. На самом деле процесс приготовления опьяняющего культового напитка хаомы был более сложным, что опять-таки находило определенное соответствие с планировкой и находками, сделанными на Тоголок-21.

Вспомним огромные, врытые в пол сосуды, типа чанов, в которых могло отмачиваться это растение, но самое главное, тогда получит хотя бы частичное объяснение то излишне большое количество каменных пестиков, терок, ступок, что были встречены здесь в ходе раскопок, и которыми могли перетираться стебли растения хаомы. Это давало основание предположить, что раскопанный комплекс самым прямым образом был связан с приготовлением какого-то опьяняющего напитка, и это теперь мне было совершенно ясно. Но что за растение использовалось для этого? Пока в тысячный раз ломая голову над этим вопросом, я бродил между руинами раскопанного храма, на память приходили каменные амулеты из находок прошлых лет. О наиболее интересных изображениях на них уже говорилось раньше. Но помимо таких имелись и амулеты с более скромными изображениями, и в том числе различных растений. И тогда возник закономерный вопрос: «Почему древние так часто изображали на своих амулетах рисунки растений?» Количество таких амулетов в несколько раз превосходит их количество с сюжетными композициями, включающими людей, животных, змей, драконов.

Амулет - это не только украшение и даже не столько украшение. Его основное значение оберегать владельца от всяческих жизненных напастей и невзгод. И это вполне понятно, когда мы имеем дело с сюжетными композициями, где добрые по отношению к человеку змеи борются со злобными драконами, приносящими людям одни несчастья. Но как могут растения уберечь человека? Очевидно, что назначение подобных амулетов было шире. Но тогда, хотя бы частичный ответ могут дать растения, которые растут вокруг нас. Ведь именно они окружали здесь и древнего человека.

Поэтому, оставив раскоп, я отправился в заросли вокруг нашего лагеря. Здесь были и редкие кусты саксаула, и черкез, и кандым, но не они, а густые заросли эфедры и красные бутоны маков ближе всего напоминали гравированные рисунки растений на амулетах. Уже возвратись в Москву, я не поленился и составил таблицу растений, скопированных мною с амулетов Маргианы и Бактрии. С ней я отправился к нашему крупнейшему специалисту Г.Ф.Проскуряковой. Она тогда была ведущей популярной передачи по центральному телевидению «В мире растений».

Галина Федоровна еще студенткой принимала участие в работах ботаников в Туркменистане, и кому, как не ей принадлежало последнее слово. Просмотрев соответствующие фотографии и рисунки, она подметила, что эти растения изображают либо ветви сосны, либо хвойника, но скорее последнее, т.к. в противном случае мастер-камнерез не удержался бы и изобразил наиболее характерный признак сосны - шишки. Но ни на одном маргианском амулете не было рисунков шишек, как никогда не росли там и сосны. Зато хвойные кустарники сейчас, как и в древности, составляют характерный ландшафт Каракумов.

Среди маргианских коллекций каменных амулетов имелся один, поднятый на поверхности Гонура. Дожди и солнце настолько выветрили его, что он как бы затерялся среди остальных, найденных нами амулетов, и уж тем более никто не обратил особого внимания на изображение еще одного растительного рисунка на нем. Так вот, именно этот, невзрачный на первый взгляд амулет, и заинтересовал Г.Ф.Проскурякову. Выгравированный на нем безвестным маргианским мастером-камнерезом узор в виде хвойной веточки, ближе всего напоминает эфедру, которая до сих пор произрастает в Маргиане. И тогда все встало на свои места. Мы знали, что эфедра содержит алкалоиды. Иначе говоря, если такие веточки растереть, смешать с бродящими веществами, а затем отцедить, то получится питье, приводящее человека в возбужденное состояние. И всем этим условиям в наилучшей степени отвечали находки на Тоголок-21.

Вспомним многочисленные каменные терки, пестики, ступки, на которых могли перетираться веточки растущей рядом эфедры, огромные вкопанные в полы сосуды, где полученная кашка могла смешиваться с веществами, вызывающими брожение и, наконец, керамические ситечки и цебилки, через которые процеживалось уже готовое питье. И хотя среди специалистов нет единодушия по поводу того, какое же конкретно растение называется в «Авесте» хаомой, думается, что здесь в Каракумах это была эфедра. Однако, не все так просто, как кажется. Вернувшись в Ашхабад, мы решили проконтролировать наше предположение, для чего обратились к сотруднику Ботанического сада, проф. Л.Е.Ищенко, специалисту по этому растению. Так вот, как оказалось, в Каракумах действительно произрастает т.н. «эфедра шишконосная», но именно она-то не содержит алкалоидного экстракта - эфедрина. Зато другой вид, «эфедра интермедия», до сих пор не только растет, но и культивируется в предгорьях Копет-Дага. Она специально выращивается для медицинских целей, т.к. именно она содержит эфедрин.

Так, данные смежной науки, в который раз внесли необходимые коррективы в представления археологов и, более того, дали им дополнительные доказательства. Ведь в «Авесте» прямо указывается, что хаома растет в межгорных долинах (а не в пустыне!), что находится в полном согласии с современными данными биологической науки.

Но вернемся еще раз к рисункам растений на маргианских амулетах. Кроме хвойных кустарников на них часто выгравированы цветы, более всего напоминающие тюльпаны и

особенно маки, а ведь маки так же обладают наркотическими свойствами. И они могли использоваться для приготовления галлюциногенного культового напитка. Все же все эти наблюдения носят не доказательный, а косвенный характер, и только находки ископаемых остатков эфедры и мака могли бы поставить окончательную точку в решении этой проблемы.

...Казалось бы мы так далеко убежали от цивилизации, забравшись вглубь Каракумов, что лишь редкие письма связывали нас с «внешним» миром. Однако, и тут чувствовалось влияние сегодняшнего дня. Среди нашей многочисленной, а главное разношерстной, случайно подобранной группы вдруг появились свои «экстрасенсы», обладающие биополем. И вот уже нашлись пациенты, на которых они оттачивали свое мастерство. Один утверждал, что у него мгновенно за одну ночь зажила рана на пальце, другого я уже видел сидящем в одиночестве на такыре, пристально смотрящим на луну, третий излагал утром свои сны всевидящему «экстрасенсу»... Словом, наступило самое время заканчивать весенний полевой сезон, люди устали не только физически, но и морально.

Работы возобновились только в начале сентября того же года. Но на этот раз подбор состава экспедиции взял на себя педантичный Олег. Были отобраны люди, знакомые с экспедиционным бытом и хорошо зарекомендовавшие себя в полевых условиях. Теперь Олег стал центральной фигурой нашей экспедиции. Он вел все сложное хозяйство, связанное с содержанием большого лагеря, управлял каждодневным бытом, следил за бесперебойной доставкой воды, продуктов, писем. И все это с шутками и прибаутками, вроде бы походя, между делом, но я-то знал, как сложно управлять экспедиционным хозяйством, чтобы оно работало четко и бесперебойно. Надо следить, чтобы не проспал дежурный и повар, чтобы с вечера были готовы дрова, чтобы в предутренней темноте под рукой оказались нужные продукты. Словом, надо было предусмотреть тысячу мелочей, чтобы вовремя и нормально начались раскопочные работы. С присущей ему практичностью, Олег весьма оригинальным способом выходил из этого положения - он делал это все сам. Разведя огонь в очагах, залив водой котлы, расставив в ряд тумчи, мокрой тряпкой протерев от пыли длинные обеденные столы, он в самый последний момент будил дежурного и повара.

Как бы рано не вставал я утром, из палатки всегда видел маячившую у кухни фигуру Олега, его обезоруживающую улыбку: «Ну пусть еще немного поспят ребята!»

Со всем этим он смирился довольно легко. Труднее было свыкнуться ему с заменой тяжелой шахтерской лопаты на легкий совок и веник. Рабочих стало так много, что я один уже не успевал искать все новые стены – искусство, составляющее основу раскопок в среднеазиатской археологии. Собственно говоря, в этом и заключается главное отличие азиатской методики раскопок от европейской. Стоит пропустить, не заметить среди кирпичной массы строительного завала прямую прерывающуюся, еле заметную линию стены, и меняется план помещений, а в конечном счете искажается общая картина древней архитектуры. Только одну стену! А таких стен на большом раскопе множество, и нужна величайшая осторожность, большая полевая практика и, если хотите, профессиональная интуиция, чтобы по возможности до минимума свести элемент погрешностей в поле, которые неумолимо приводят к ошибкам в кабинете. И всеми этими качествами владел Олег. Теперь он с завистью посматривал на бывших сотоварищей по работе, которые, как он когда-то, бездумно отбрасывали очередные кучки земли или вскрывали дерновый слой. Теперь ему приходилось часами зачищать лопатой сантиметровые слои, тщательно замечать их веником и щеткой и до боли в глазах всматриваться в матовую поверхность зачищенного участка, пытаясь увидеть ограничивающие прямые полосы возможных стен. И так до бесконечности, пока под очередным снятым слоем не проявятся, как на негативе, сначала отдельные кирпичи, потом стенка, а если повезет, то и очередная комната.

Эта изнурительная работа, требующая большого напряжения ума и воображения, вместе с тем должна полностью исключать фантазию: либо это была прямоугольная комната, либо что-то другое.

Вот так осенью 1984 г., когда была вскрыта уже треть памятника, именно Олегу удалось расчистить в центре всего этого комплекса фундаменты былых стен, почти выходящих на дневную поверхность, образующих какой-то парадный вход, который он в шутку определил как «пропилеи». В самом деле, стены в этом месте подойдя к друг другу, образовали широкий вход, и уже много позднее, когда будет раскопана основная часть комплекса, мы убедимся, что действительно, здесь располагалась центральная, возможно сакральная часть комплекса. После многих дней не столько раскопок, сколько расчисток почти не сохранившихся стен, нам удалось полностью выявить план центральной части комплекса. Как оказалось, на этом месте располагался своего рода «наос», иначе говоря главное помещение святилища, окруженное с трех сторон обводным коридором, а с четвертой - вестибюлем или пронаосом, если продолжать использовать терминологию древнегреческой архитектуры. Именно этот вестибюль и сохранил в центре широкий проход, условно названный «пропилеи». Интерьеры всего этого сооружения, включая полы и стены, сохранили великолепную белоснежную гипсовую обмазку. Наос вместе с обводным коридором и примыкающим вестибюлем представлял собой крытый дворик.

К сожалению, к моменту раскопок полы крытого дворика практически почти все выходили на дневную поверхность так, что, если бы здесь и были какие-то особые предметы, теперь они оказались полностью развеянными и смытыми. И тем не менее, нам удалось установить, что возможно, во втором периоде в западной части «наоса» прямо на полу была устроена керамическая выстилка, от которой под пол отходил желоб, составленный из кусков керамики, но так небрежно, что вертикально поставленные обломки керамики желоба, местами выступали над горизонтальной плоскостью пола. И хотя все это сооружение не относится к основному периоду функционирования здания, сама по себе керамическая выстилка с дренажом соответствует жертвенным местам храмов в Месопотамии. Именно на таких керамических площадках закалывались жертвенные животные, кровь которых по желобу стекала под пол, просачиваясь в землю. Можно допустить такое же назначение открытой нами керамической выстилки с дренажом, обнаруженной также еще в одном помещении на Тоголок-21.

Наконец, мы получили добавочные документальные свидетельства о связи раскапываемого здания с ритуальными жертвоприношениями, что уже само по себе выделяло его из обычных бытовых памятников. И все-таки оставались сомнения - а не раскапываем ли мы крепость, своего рода большой дом какой-то зажиточной семьи, занимавшей высокий социальный статус в местном обществе? Нужны были дополнительные доказательства, и мы нашли их, расширяя наши раскопки далее, в южную часть памятника. Сначала мы расчистили глухое, крохотное помещение с возвышением-подиумом, обмазанным белым алебастром. К нему подвели нас узкие и запутанные коридоры, образующие сложный лабиринт. И хотя все предыдущие комнаты сохранили следы белой обмазки, здесь она была нанесена в таком изобилии и таким толстым слоем, что мы сразу назвали ее «белой комнатой». Она состояла из двух неравных частей, меньшая из которых возможно выполняла роль вестибюля. Основное большее помещение с трех сторон вдоль стен сохранило пристенные кирпичные возвышения, называемые на востоке - суфа. Причем, если с двух сторон это были одноступенчатые возвышения, то к третьей южной стене примыкала сложная двухступенчатая суфа. Именно на этих возвышениях мы и обнаружили донца крупных сосудов типа пифосов, некогда глубоко зарытых в суфы и дополнительно обмазанных сверху толстым слоем гипса, который намертво скрепили их между собой. Отметим, что полуразвеянные верха этих сосудов выходили на дневную поверхность, и мы много раз видели их при поверхностном обследовании Тоголок-21 в годы, предшествующие раскопкам.

Еще в начале раскопок «белой комнаты» у нас создалось впечатление, что она была как-то связана с приготовлением напитков. Винодельни этого времени нам пока были неизвестны. Но ряд огромных керамических пифосов, глубоко закопанных в возвышения-платформы, да еще сверху намертво обмазанных толстым, грубым слоем гипса, указывали на

производственное помещение, скорее всего связанное с приготовлением какого-то напитка. Конечно, это могла быть домашняя винодельня, но тогда вряд ли стали бы устраивать ее почти в центре всего комплекса. Чтобы совместить эти два наблюдения, логичнее всего допустить, что «белая комната» занимала одно из центральных мест среди всех вскрытых помещений, и тогда приготовление там напитка должно было занимать особое значение в системе всего раскапываемого объекта. Осталось отметить, что в «белой комнате» нами была найдена костяная отполированная до зеркального блеска трубочка с резным изображением человеческого лица.

Открытие «белой комнаты» окончательно убедило нас в том, что раскапываемый комплекс связан непосредственно с приготовлением культовых напитков наподобие хаомы. В самом деле, здесь мы не нашли ни пестиков, ни ступок, ни терочек, словом, ничего такого, что бы указывало на подготовительную работу по перетиранию растений. Зато здесь, в центре всего сложного архитектурного комплекса, было устроено специальное помещение с крупными сосудами, поднятыми на возвышения-суфы, что безусловно указывает на их особое назначение. Вспомним, что во многих других, окружающих «белую комнату», помещениях мы находили большое количество зернотерок, пестиков, ступок, бесспорно связанных с процессом перемалывания и перетирания, а рядом в углах большие, вкопанные в полы, сосуды-чаны, в которых могли протекать предварительные процессы, связанные с приготовлением опьяняющего напитка.

Сопоставив все эти факты, я подумал, а не стояли ли в «белой комнате» пифосы, в которые было налито уже почти готовое питье, после его предварительного многодневного приготовления в соседних комнатах? В этой особой «белой комнате» могло происходить его брожение, здесь его доводили до нужных кондиций, здесь на возвышении в пифосах мог храниться запас опьяняющего напитка, который жрецы, по мере необходимости, разливали по культовым сосудам во время ритуальных праздников. В таком случае толстая гипсовая обмазка на суфах должна была сохранять каждую пролитую каплю и предохранять землю от соприкосновения с культовым напитком.

Работы продвинулись далеко вперед, была раскопана вся северная половина внутри крепости. Неожиданно изменился характер открытых помещений, да и находок тоже. Почти исчезли следы былой алебастровой обмазки интерьеров комнат, общая планировка южной части памятника стала менее четкой и регулярной.

Чтобы не утомить читателя описанием вновь открытых комнат, я сделаю исключение только для серии необычных, рядом расположенных комнат, вскрытых в юго-западной части крепости. Здесь, сразу под дерновым слоем, появились сырцовые кирпичи, но не от былых стен, а в виде закладки, сплошь идущей по всей площадке. Понадобилось много усилий, чтобы в сплошной кирпичной массе оконтурить помещения, совершенно необычной конфигурации.

В два параллельных ряда вытянулись узкие камеры, заложенные внутри регулярной кладкой кирпича. Некоторые из них были разрушены, а по тем, что сохранились, трудно было предположить их былое назначение. По своей планировке и размерам скорее всего они напоминали хозяйственные, возможно складские, помещения. Но дальше этого наше воображение не шло.

Первая такая камера была доверена для раскопок Саше Романькову. Им тщательно зачищался каждый очередной слой кирпичной кладки, наносился на план и затем убирался с раскопа, а затем все повторялось сначала. И хотя такая тщательность при зачистке мало что дала для определения функционального назначения камеры, именно она помогла Саше в этой сплошной кирпичной массе углядеть маленький трехгранный стеатитовый конус с однотипными гравированными изображениями на каждой плоскости: дерева на вершине горы, с каждой стороны которого была изображена вставшая на хвост змея. Такой мотив гравировки широко представлен на месопотамских печатях, где дерево служит «разделителем», и обычно по обеим его сторонам располагаются люди, борющиеся с животными, чаще всего с буйволами или львом. Как считают специалисты, в месопотамской глиптике это

сцены адорации, иначе поклонения, которые иллюстрируют мифологические рассказы, связанные с эпосом о Гильгамеше. Тогда дерево на вершине горы - это кедр, а вся сцена скорее всего связана с мотивом «Гильгамеш и кедр», составляющим лишь часть поэмы. На многих месопотамских печатях сражающиеся персонажи разделены кедром, который растет на условно изображенной горе. Этот сюжет ближе всего связывается с определенным эпизодом эпоса о Гильгамеше, о его походе в кедровые горы.

Вероятнее всего, что «дерево на горе» с маргианского конуса имеет месопотамское происхождение. Однако, популярный в Двуречье, миф о Гильгамеше претерпел на маргианской земле определенные изменения. Борющиеся персонажи оказались заменены столь популярными в местной маргианской мифологии образами змей, что в конечном счете может свидетельствовать о местной переработке древнего шумерийского сказания.

Это одна из возможных версий. Можно предложить и другую. Одним из подвигов Гильгамеша была его победа над чудовищем-змеей, «что не знает заклятья», которая устроила свое гнездо в корнях дерева. Дерево это было не обычное, оно несло в себе бессмертие, поэтому и охраняли его змеиные драконы. И только убив их, можно было обрести бессмертие и тогда возможно именно эту тему передает композиция на нашем конусе.

Не успели утихнуть восторги по поводу этой находки, как при зачистке пола одного из помещений была сделана еще одна, и не менее выдающаяся. В углу комнаты, видимо, еще в древности закатившись под циновку, лежала миниатюрная скульптурная головка коровы или быка, выточенная из белого мрамора. Мы и раньше находили терракотовые изображения животных, но эта поделка была изготовлена с высочайшим мастерством, в лучших традициях древневосточного камнерезного искусства.

На раскрытой ладони рабочего белела каменная, тонко моделированная головка с четко очерченным ртом и глубокими ноздрями, глаза подчеркнуты тяжелыми веками, мягкие складки кожи свисают под шеей. Сначала мы подумали, что это отбитая еще в древности головка от целой фигуры, но приглядевшись мы убедились, что тыльная сторона головки имеет ровную заглаженную поверхность с тремя сквозными отверстиями по краям, при помощи которых она могла крепиться. Мы даже установили, как она затерялась: одно из отверстий оказалось еще в древности было повреждено, и, упав, головка закатилась в глухой уголок, став через тысячелетие нашей удачной находкой.

Отсутствие рогов и ушей, мы сначала также отнесли на счет плохой ее сохранности, но вскоре убедились в своей ошибке - на их месте имелись глубокие, специально сделанные отверстия. Подобно все тем же древневосточным оригиналам, рога и уши были сделаны из другого материала, возможно из поделочных камней или драгоценного металла. В Месопотамии, в царских гробницах Ура, музыкальные инструменты были украшенными золотыми головками животных, в том числе быков, сделанных в такой же комбинированной технике, с лазуритовыми рогами. И хотя каменная находка с Тоголока не идет ни в какое сравнение с золотыми изделиями Ура, она не уступает им по технике исполнения и своей научной значимости.

Для чего же служила эта поделка в древности? Судя по ровному спилу на шее с тремя сквозными отверстиями по краям, она скорее всего крепилась к какому-то предмету. Но какому? И здесь на память приходят специальные булавы, которые используют современные зороастрийские жрецы при культовых обрядах. Как правило это деревянный стержень, на конце которого всегда прикреплен головка быка, и вместе они составляют священный жезл, которым пользуются жрецы при посвящении в зороастрийскую религию юношей и девушек.

Тонкая моделировка и ювелирное мастерство, с которым была изготовлена эта скульптурная головка, наводили на мысль о ее возможно импортном происхождении. Но, как оказалось, мы недооценивали мастерство местных камнерезов. Доказательством тому стала еще одна находка, на этот раз астрагала, выточенного точно из такого же белого камня и точно с таким же совершенством! Находка эта была сделана в верхнем слое памятника, причем сходство ее с натурой оказалось настолько полным, что сначала никто не обратил на

нее внимания. Мы посчитали, что это современная баранья косточка, оставленная здесь чабанами и побелевшая на солнце. И лишь после находки головки быка все стало на свое место, и подлинность астрагала была установлена с точностью.

Рассматривая астрагал, я вспомнил находку четверть вековой давности на Яз-депе, где мы нашли точно такое же изделие, но отлитое из железа. Их можно было бы признать за обычные игральные кости, тем более, что известны греческие архаические вазы с росписями, изображающими группы игроков, бросающих астрагалы. Однако, думается, здесь их конкретное назначение было иным, скорее всего они использовались при гадании, когда бросали кости и смотрели, какой стороной они выпадут.

Закончив в тот год весенний полевой сезон, мы возвращались в Москву не как обычно, нагруженные ранними фруктами, этими непреходящими дарами солнечной Туркмении, а каменными пестиками и терками, изъятymi из нашего полевого музея. Последнее десятилетие ознаменовалось широким использованием в практике археологических работ данных смежных естественных наук. В частности, ископаемые органические остатки, встреченные в ходе археологических раскопок, теперь подвергаются спорово-пыльцевому анализу на предмет определения, какая растительность существовала много веков назад на месте тех или иных археологических раскопок. Правда, мы хорошо знаем, что пыльца растений под воздействием сильных ветров далеко переносится с одного места на другое, подчас на сотни, а то и тысячи километров. Но не имея других возможностей выяснить набор растений, существовавших за тридцать веков назад, здесь, глубоко в сердце Каракумов, все средства были хороши. У нас таилась робкая надежда, что возможно какая-либо из, раскопанных нами, каменных терок или пестиков за прошедшие тысячелетия сохранила на своей рабочей поверхности пыльцу растений. Тогда эти орудия действительно использовались для их перетирания. Наши надежды на положительное решение были минимальными, но грех было не воспользоваться и такой возможностью.

Образцы мы передали на биологический факультет Московского Государственного Университета. И здесь нам повезло. За это, казалось бы безнадежное, дело рискнула взяться доктор биологических наук Нона Робертовна Мейер-Меликян, которая еще в студенческие годы не только интересовалась археологией, но и принимала участие в экспедициях. Результаты ее трудоемкой и кропотливой работы превзошли все наши ожидания.

При исследованиях была найдена не пыльца, которая, как мы рассуждали, могла быть принесена сильными ветрами не только из Туркменистана, но и из соседнего Ирана или даже из Афганистана.

Были обнаружены микроскопические остатки зерен мака, в изобилии произрастающего до настоящего времени в Туркменистане и использующегося для изготовления наркотических средств.

Теперь с документальной точностью стало очевидным, что этим конкретным пестиком почти три тысячи лет назад человек, крепко зажав его в руке, сидя на корточках и нагнувшись над глубокой каменной ступкой, аккуратно перетирал насыпанную в нее горсть созревших головок мака, из которого затем изготавливали сам наркотик. Теперь стало очевидным, что найденные нами предметы не случайно попали в монументальное здание, раскапываемое нами на Тоголок-21, напротив, такое же растение упоминается в «Авесте» под названием «хаома». Никто еще не высказывался в пользу мака. В качестве возможных компонентов выдвигались конопля, корень ревеня, особый вид гриба мухомора и, как уже упоминалось выше, эфедра.

Но вспомним огромные сосуды, вкопанные в платформу возвышение «белой комнаты», расположенной в центре Тоголок-21. Прошедшие тысячелетия начисто размыли и развеяли их верхние части, но к счастью, к моменту раскопок сохранились донца, как бы «намертво» замураванные толстым слоем гипса, в самой платформе. Но в таком случае изнутри на их доньшках должны были сохраниться органические остатки, которые так же можно было попытаться исследовать в лаборатории, все того же биофака МГУ. Соблазн был так велик, что уже вскоре, самым бессовестным образом эксплуатируя доброту Ноны

Робертовны, мы вывалили на ее рабочий стол спичечные коробки, набитые органическими остатками, которые мы с величайшей тщательностью соскоблили с донцев пифосов. Только при очень большом везении можно было надеяться на успех найти пыльцу растений в сосудах. Где уж тут было найти пыльцу растений, когда от самих сосудов сохранились лишь растрескавшиеся на солнце и почти полностью развеянные ветрами днища.

И, действительно, никакой пыльцы найдено не было. Однако, Ноне Робертовне удалось сделать почти невозможное: среди органических остатков она обнаружила микроскопические веточки эфедры - первое документальное свидетельство такого рода в мировой науке!

Наконец-то, можно было объяснить наличие огромного количества каменных пестиков, терок и ступок, найденных на полах помещений Тоголок-21. Именно ими производился первый этап приготовления хаомы - растирание и измельчение веток эфедры. В крупных, рассчитанных на много ведер жидкости, чанах, они смешивались с молоком, ячменем и возможно соком граната. Объяснимым, наконец, становится и большое количество керамических цедилок, найденных в ходе раскопок памятника: через такие цедилки пропускали полученную смесь, очищая ее и отделяя таким образом полученную жидкость от растительных волокон. И, наверное, не случайно среди керамики, встреченной на Тоголок-21, преобладают сосуды со сливами, предназначенные для разлива и переливания жидкости.

В этом контексте особую значимость приобретают культовые сосуды. Рассказ о них впереди и связан он будет с одной счастливой находкой, сделанной в осенний полевой сезон того же 1985 г. Здесь лишь хочется отметить, что проблема хаомы уже давно интересовала ученых из многих стран мира.

...Вскоре после второй мировой войны возобновились археологические раскопки в различных районах Ближнего Востока. В частности крупная американская экспедиция проводила раскопки царской сокровищницы в Персеполе, бывшей столице ахеменидской державы древнего Ирана. Среди прочих находок археологам посчастливилось обнаружить коллекцию великолепных каменных сосудов, подносов, ступок и пестиков, на которых оказались надписи на арамейском языке. Руководитель раскопок, занявшийся расшифровкой надписей, прочитал одно слово, как «ступка для выжимания сока из растения хаомы». А кроме того, здесь были найдены оттиски с печати, на одной из которых предположительно изображена сцена ритуального приготовления хаомы.

Два мага стоят перед алтарем огня, здесь же изображены ступки и пестики, близко напоминавшие оригиналы, найденные в самой сокровищнице. Эта теория долго считалась доказанной, пока сравнительно недавно известный советский иранист проф. В.А. Лившиц не перечитал заново все эти тексты и не доказал, что они всего лишь фиксируют изготовление ремесленниками самих предметов, а совсем не церемонию изготовления хаомы. Такое новое чтение сейчас поддержано как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Так или иначе, в настоящее время пока первые строго документированные свидетельства приготовления и использования в культовых целях напитка хаомы дает лишь храм Тоголок-21.

Но, независимо от окончательного решения всей проблемы в целом, уже сейчас очевидно, что Маргиана входила в зону, где наряду с культом огня, был распространен культ опьяняющего напитка, который в «Авесте» фигурирует под названием ритуального напитка - хаомы.

Воодушевленные полученными данными смежных наук, мы решили проверить костяную трубочку с выгравированными преувеличенно большими человеческими глазами, найденную все в той же «белой комнате». Бытовое назначение этой трубочки представляется маловероятным, но тогда можно допустить ее связь с приготовлением и использованием в этой комнате опьяняющего напитка - хаомы. Соблазн был так велик, что заглушив в себе остатки совести, мы снова обратились за помощью все к той же Ноне Робертовне. Добрая душа, всегда улыбающаяся, не умеющая устоять перед натиском археологов, она и на этот

раз согласилась помочь нам. Только она знает - каких трудов стоило ей исхитриться и суметь «заглянуть» внутрь трубочки, чтобы обнаружить там целое скопление спор мака.

Теперь круг замкнулся, в одной и той же комнате мы нашли ископаемые остатки эфедры и мака, что выделило «белую комнату» в помещение, где приготавливали наркотический и галлюциногенный напитки. И может быть не случайно, на этой и других таких трубочках всегда изображены лишь глаза с расширенными зрачками. Известно, что при употреблении наркотика из мака, окружающие человека предметы принимают фантастически огромные размеры, что в конечном счете воспринимается человеческим глазом.

Глава 12. Родина Заратуштры?

Странная планировка и загадочный набор находок на Тоголок - 21 выделяли его в особый, по-своему уникальный, памятник не только Туркменистана, но и всей Средней Азии. Только после завершения раскопок можно было попытаться решить вопрос об истинном назначении этого комплекса.

И хотя предшествующие исследования не решали всей проблемы в целом, его особое, не бытовое назначение, представлялось бесспорным. Но именно в начале 1985 г. у нас возникли серьезные финансовые затруднения. Создавалась парадоксальная ситуация: экспедиция в Каракумах проводила охранные работы, спасала обреченные на исчезновение памятники, а чиновники родного института Археологии АН СССР не только не содействовали, но всячески препятствовали нормальной работе экспедиции. Но история науки знает немало подобных примеров, и хотя наши средства были уменьшены в десять раз, по сравнению с предшествующими годами, весной 1985 г. мы все же выехали на место раскопок.

На этот раз основной состав нашей микроэкспедиции в целях экономии выехал в Байрам Али на поезде, я же, с призрачной надеждой поправить наши финансовые дела за счет местных средств, вылетел в Ашхабад самолетом. И, конечно же, напрасно. Все было против нас: кто-то был в отпуске, кто-то еще не приехал из отпусков, кто-то вообще считал, что это дело должно решаться в головном учреждении - институте Археологии в Москве. Средства наши были так ограничены, что мы не могли как обычно арендовать машину на автобазе. К счастью, у нас был маленький, выдавший виды газик, приписанный к экспедиции, на котором мы и выехали в поле, вместе с нашими давнишним другом, работником Центрального Телевидения Станиславом Леонидовичем Покровским - Стасом, как он сам любил рекомендовать себя. Впервые мы с ним познакомились в середине 1979 г., когда он готовил передачу для «Клуба путешественников» о сенсационных находках царских гробниц на холме Тилля Тепе, сделанных в тот год Советско-Афганской экспедицией ИА АН СССР. В студенческие годы Стас сам часто принимал участие в археологических раскопках, любил и понимал это дело и в силу своих возможностей, как никто другой, популяризировал археологию по Центральному Телевидению. Уже сейчас можно сказать, что отечественная археология последнего десятилетия многим обязана Станиславу Покровскому, подготовившему серию интересных передач для «Клуба путешественников». Стас побывал во многих уголках страны, несколько раз в Средней Азии, но ни разу в Туркмении. Этот пробел мы и постарались восполнить, пригласив его в нашу экспедицию. Стас «заболел» Туркменией. И дело не только в восточном гостеприимстве. Особенно им отличались наши старинные друзья в г. Теджене, первой и постоянной нашей остановке на пути из Ашхабада в Байрам Али. Добродушный, спокойный и уравновешенный, всеобщий любимец лучшей половины ЦТ, человек с большим чувством юмора, он по характеру чем-то напоминал туркмен. Стас полюбил Туркмению, а туркмены полюбили его. Это дается не всем и не каждому.

Вспоминается осень 1982 г., когда мы со Стасом рано утром выехали на старом газике из лагеря в пески, где по слухам трактористы распахали древний памятник. Солнечное утро и посвистывание жаворонков обещали хороший, погожий день, так что выехали мы налегке. Пока искали, осматривали и снимали кинокамерой разрушенный памятник, прошло несколько часов, и только уже возвращаясь в лагерь, мы заметили, что небо заволочло тучами, и они буквально придавили своей громадой ровную гладь земли.

Когда мы находились на полпути, за несколько десятков километров от лагеря, среди незнакомой пустыни машина вдруг перестала слушаться руля. Я выскочил из кабины и остановился ошеломленный. Полуось заднего колеса далеко вышла из втулки так, что само колесо находилось в метре от своего нормального положения. А у нас, конечно же, никаких инструментов кроме плоскогубцев не было. Как бывает, именно в этот момент прорвалось небо ливнем невиданной силы. Уже через несколько минут старый, выгоревший брезентовый верх газика обвис, и вскоре сквозь него струями хлынула вода. Страшной силы ветер раскачивал и едва не переворачивал машину, она скрипела и кренилась на бок. Стало темно, почти как ночью. Ливень усиливался. Я мысленно прикидывал, сколько десятков километров отделяют нас от ближайшего населенного пункта, а Стас, улыбаясь, оглядывался вокруг и, что-то напевая себе под нос, ковырялся в пустом ящике из-под инструментов.

Все, конечно, обошлось: как всегда в таких случаях, вдруг где-то послышался шум идущей машины. Можно представить недоумение шофера, увидевшего бегущего человека, по-сумасшедшему размахивающего над головой пиджаком. Бросив газик, мы взгромоздились на цистерну бензовоза и доехали до ближайшего совхоза. Нас не только обогрели и обсушили: к оставленному газик у тут же выехала техническая машина с нашими неизменными друзьями Байрамом и Ата.

Все обошлось, но тогда я готов был проклясть Стаса за его, как мне казалось, легкомыслие. Прошли годы, и я убедился, что эта его черта характера не раз спасала нас в самых казалось бы кризисных обстоятельствах.

Ситуация сейчас была тоже не блестящая. От Ашхабада до лагеря нас ждал путь протяженностью около 500 км. На старом газике, да еще с таким водителем как я, который подобно нашему бывшему шоферу Бешим Ата, слабо разбирался в правилах дорожного движения. Поэтому мы выехали со Стасом ночью, когда не только движение меньше, но и мало работников ГАИ. Но нас остановили у первого же поста, прямо у выезда из Ашхабада. Убедившись в правильности документов, подкрепленных уверенным и независимым поведением Стаса, нам пожелали счастливого пути, и мы двинулись дальше.

Эта ночная поездка запомнилась нам надолго. Где-то на полпути у нас отказал аккумулятор. Глубокой ночью две загадочные фигуры с поднятыми вверх руками не вызвали у проносящихся мимо нас машин энтузиазма помочь. Но мир не без добрых людей, молодой шофер на огромной грузовой машине все же затормозил около нас. Понадобилось несколько минут осмотра, чтобы установить - газик наш сам не заведется. Оказав нам помощь, он посоветовал не глушить мотор до ближайшей станции обслуживания, которая находилась в Теджене. Въехав в город, машина опять заглохла, теперь уже основательно. Понадобилась помощь не только техстанции, но и наших лучших друзей, и в первую очередь Донатара Гулмурадова, чтобы мы смогли выехать дальше. Предусмотрительные тедженцы отправили нас в сопровождении профессиональных шоферов до самого Байрам Али. Распрощавшись с ними, под вечер мы выехали в поле.

Позже, уже в полной темноте, вдруг «вырубилась» фара нашего многострадального газика. Отремонтировав свет в гараже совхоза, где директором был наш хороший знакомый Берделиев Айназар, мы только к середине следующего дня доехали до места. И здесь, на виду у лагеря, всего за два-три километра до него, машина встала уже окончательно. Пешком, через вспаханные поля, я добрал до палаток. И когда я уже стал сбивать артель для спасения газика, вдруг услышал шум мотора и увидел, невозмутимо улыбающегося Стаса, уверявшего меня, что за рулем он никогда не сидел.

Как бы то ни было, а газик требовал профилактики, а может и ремонта. Но как же быть без машины в пустыне?

В нескольких километрах от лагеря находилось районное отделение целинного совхоза «Москва», где, кстати, работал наш старый друг, шофер Аман Мамедов. Высокий и стройный, он внешне как бы олицетворял собой знаменитых парфянских всадников. Работая шофером, он почти каждый день ездил из отделения в районный центр. Вначале я не только не оценил такое соседство, но был огорчен. Цивилизация наступала нам на пятки. Каждое утро нас теперь будили не жаворонки, а трактора. И прекрасные Каракумские вечера озарялись теперь точками электрических лампочек в совхозе. Но нет худа без добра. Только благодаря машине Амана мы смогли без своего газика продолжить работы в тот год на Тоголок-21. А его ежедневная бескорыстная помощь подтверждала туркменскую пословицу: бир гюреш - кардаш, икки гюреш - гарандаш: первый раз увиделись - стали друзьями, второй раз увиделись - стали родственниками.

Устроившись на месте, мы поспешили на раскоп, где небольшая, но на этот раз удивительно, дружная команда во главе с Олегом, уже приступила к раскопкам.

Как мы помним, центральная часть, или крепость в общих чертах уже была раскопана в предыдущий год. Оставалось лишь расчистить шлейфы, или иначе говоря краевые части поселения, и попытаться проследить внешние стены предполагаемого каре.

Правда, культурный слой почти полностью выклинился в такыр, и лишь при большом воображении можно было надеяться проследить хотя бы обрывки стен крепости. Но реальная действительность снова и снова опровергала наши теоретические рассуждения.

День за днем шли раскопки, а стены не кончались, напротив, они уходили все дальше, в западную сторону. Наконец, они почти вышли на такыр, но и здесь не кончились, а продолжались еще дальше, уходя под такырную корочку. И тогда нам стало ясно, что одновременно с естественными процессами развеивания и размыва памятника, параллельно шел обратный процесс аккумуляции. Такырная корка миллиметр за миллиметром «вырастала» вверх, частично перекрывая и тем самым консервируя, последние кирпичи былых фундаментов. И хотя это уже были «следы следов», не столько кирпичи, сколько отпечатки последнего ряда кирпичей, тем не менее, нам удалось полностью раскопать западную стену каре. Раскопать, но не объяснить. Как оказалось, изнутри к внешней стене примыкали тридцать три однотипные, очень узкие камеры-кельи, шириной чуть более полутора метров и длиной до трех метров, вытянутые в одну линию и обращенные входами в сторону центральной крепости. Понадобилось все незаурядное мастерство Олега, чтобы оконтурить кельи, от которых зачастую сохранились лишь обрывки стен. Они почти вплотную подошли к месту расположения нашей прошлогодней столовой, устроенной на ровной площадке такыра, тогда казалось бы далеко от самого памятника.

Еще раньше, в начале работ мы обнаружили юго-западную башню крепости. Если следовать логике, нам оставалось оконтурить парную ей, расположенную соответственно напротив - в северо-западном углу. Упорно, почти без перекуров, безрезультатно бились мы на этом участке раскопа, зачищая все новые сантиметровые слои, в надежде отыскать следы предполагаемой башни. Но вместо круглой башни под лопатами, вениками и щетками проявлялась сплошная кирпичная масса, без каких-либо граней, намечающих общие контуры.

Мы знали, что идем по последнему ряду кирпичей фундамента. Местами, чуть углубившись, лопата вспарывала уже материк – значит, в этом месте мы безнадежно стесали и последний кирпич фундамента. До боли в глазах всматривались мы в почти заполированную от зачисток поверхность исследуемого участка, до хрипоты в голосе спорили друг с другом, пытаясь установить истину. Может быть наши дискуссии так бы и закончились бесплодно, если бы не ночной дождь. Когда земля стала медленно подсыхать, мы, наконец, пришли к единодушному выводу, что там, где мы предполагали башню, ее нет, и не было вообще.

Более того, отсюда дальше на запад, от угла крепости протянулась прямая, широкая стена, длиною свыше 10 м, возможно заканчивающаяся в свое время отдельно стоящей башней, но этого нам, к сожалению, не установить, так как своим внешним концом стена уже полностью вышла на материковый такыр. Зато мы установили другое. Эта длинная стена была возведена прямо на материке, состоящем из сплошного песка, толщину которого мы проследили на глубину свыше 3,5 м.

Разобравшись в какой то степени с западным фасом крепости, мы перешли к следующему, северному. Сохранность кирпичных стен и здесь была такая же скверная, практически они оказались размытыми в результате естественной дефляции. За прошедшие тысячелетия ветер развеял, а дожди смыли бывшие стены, от них не осталось даже фундаментов. В обычной практике среднеазиатской археологии такие стены уже не раскапываются, но мы имели дело не с обычным памятником. И все началось с начала. Опять и опять зачищали сантиметровой толщины слои, вновь и вновь разметали их щетками и вениками, пока не удалось сначала выявить сплошную коричневатую кирпичную массу на желтоватом фоне такыра, затем уже в этой кирпичной массе попытаться обнаружить линии, дающие контуры, а возможно и общую планировку. Иногда ситуация нам казалось безнадежной.

И все-таки в результате чрезвычайно кропотливой и трудоемкой работы, нам, наконец, удалось определить общие контуры северного фаса крепости. Этот фас отличался от западного, более того, именно там удалось нам выявить вход в крепость, шириной 12 м, который располагался по середине ее северной стены. С обеих сторон вход оформляло предвратное сооружение в виде двух громадных выдвинутых вперед пилонов, внутри которых частично сохранились какие-то добавочные помещения, но построенные значительно позднее, и назначение которых остается не совсем ясным. Судя по пониженному микрорельефу, вторые ворота располагались напротив, в середине южной стены. Так что в древности входы располагались по осевой линии напротив друг друга, с северной и южной сторон всего комплекса.

Естественно, что раскопки почти размытых шлейфов холма, кроме незначительного количества кусков разбитых сосудов, больше ничего не выявили. Все, что могло бы сохраниться, давно оказалось смытым и засыпанным песком. Поэтому мы решили заняться расчисткой «башен», обнаруженных еще в 1983 г. в северо-восточном углу комплекса, в надежде не только выяснить их назначение, но и возможно сделать здесь какие-то находки. Как мы помним, обе круглые «башни» почему-то располагались в самом крайнем углу внутри крепости, где вокруг них прослеживались какие-то обрывки полуразвеянных стен.

Для начала мы стали расчищать меньшую из них, диаметром 4 м. Она представляла собой круг высотой до 0,5 м, сложенный из кирпичей, как бы «запечатанный» сверху, такими же аккуратно уложенными регулярной кладкой сырцовыми кирпичами. Сняв кирпичи, мы обнаружили под ними толстый слой белой, слежавшейся золы, переслоенной чистым, надувным песком.

Стало очевидным, что перед нами не «башня», а нечто вроде алтаря, в котором горел огонь. Помимо золы, на это указывали обожженные внутренние стороны стен сооружения. Вместе с тем, мы обратили внимание, что обожжены они были сравнительно слабо. Значит здесь не было сильного огня. Создавалось впечатление, что сюда ссыпали раскаленные угли, разожженные где-то на стороне.

Второе круглое сооружение, также было возведено из сырцового кирпича в виде гигантского круга, диаметром 8 м и высотой 0,5 м. Как и расположенное рядом, оно также было заложено кирпичом. Сразу под дерновым слоем появилась глинистая масса, состоящая из кусков кирпича с небольшим включением обломков керамики и костей мелкого рогатого скота: позвонков, ребер, челюстей, метаподий, фаланг. Очевидно, что, как и рядом расположенное, это круглое сооружение было «запечатанным» в самый последний момент, когда памятник был окончательно оставлен. Но на этом их взаимное сходство и кончается. Дальнейшая расчистка показала, что это сооружение представляет собой своеобразную

воронку, кратер который заканчивается внизу в центре небольшим углублением-очагом, заполненным золой, угольками и мелкими косточками животных, ими словами, перед нами находилась вырытая в земле коническая яма, обведенная на уровне пола невысоким, но широким кольцевым бортиком, выложенным из кирпича.

Но лишь одна религия мира - зороастризм, не признавала высоких алтарей. Только у зороастрийцев алтари чуть возвышались над полами и всегда находились на уровне глаз сидящего человека. Встреченные на Тоголок-21 алтари отвечали всем этим требованиям.

Осторожно расчищая кратер алтаря от насыпной земли, мы обратили внимание на «пятно» от засохшей жидкости, расположенное у самого входа в алтарь, на поверхности кратера.

Создавалось впечатление, что это следы культовых возлияний: молока, расплавленного масла - словом маслянистого вещества, сохранившегося за тысячелетия в виде тонкой сухой корочки. Позже это было подтверждено лабораторными исследованиями. Культовые возлияния в жертвенный огонь особенно распространены у зороастрийцев, которые могли заимствовать эти традиции из более ранних, индоиранских культов. Если правильно наше предположение, что в центральном комплексе Тоголок-21 действительно изготавливали культовые напитки типа хаомы, то не исключено, что при ритуальных церемониях именно этот напиток, наряду с другими, служил в качестве возлияний.

В тот год мы не стали углубляться ниже кратерообразной поверхности алтаря с маленьким очагом в центре, выглядевшим так впечатляюще, что невольно хотелось оставить алтарь нетронутым и в будущем. Но через год мы обратили внимание, что ветер и дожди сделали свое дело – «олимпийская чаша» все больше оплывала и засыпалась песком.

От былого великолепия не осталось и следов. И тогда решено было пробить кратерообразную поверхность алтаря, чтобы узнать, имеется ли что-то еще ниже. Казалось бы эта работа на неделю-две, но затянулась она на долго, так как требовала большой тщательности и терпения.

В результате оказалось, с самого начала строители вырыли в такыре огромную яму до 8 м в диаметре и 3 м глубины, аккуратно обложив стенки изнутри сырцовыми кирпичами. Внизу на трехметровой глубине они возвели «крест на крест» две невысокие кирпичные стенки, образовавшие четыре сегмента. В каждом из них оказались, вкопанными вверх дном, по пять огромных пифосов, между которыми мы обнаружили небольшой, но необычный сосуд с двумя носиками. Аналогичный сосуд был найден в северном Афганистане, что лишний раз указывает на близость культуры Бактрийских племен с культурой Маргианы.

Сверху, на уровне донцев пифосов, была сделана ровная площадка, полностью закрывавшая собой пифосы, а чуть выше появилось дно самого раннего алтаря с зольными слоями вокруг центральной части. Никакого углубления в центре не было, так что можно допустить, что здесь устанавливалась переносная жаровня, угли и зола от которой встречались на этом уровне.

Выше мы обнаружили обычное погребение человека без каких-либо погребальных приношений и два сосуда, стоящих в разных частях алтаря. Сверху оконтурился следующий горизонтальный слой с углублением в центре и золой вокруг, отмечающий второй, более поздний алтарь, и, наконец, еще выше, уже описанный нами кратерообразный уровень последнего по времени алтаря. Стало очевидным, что существование алтаря на Тоголок-21 подразделялось на три основных периода, отмечающих особое значение всего этого круглого сооружения. Ясно, что алтарь служил для культовых возлияний, но в самый первый период дно его располагалось почти на двухметровой глубине, что представляло определенные трудности для молящихся, для чего и были устроены ступеньки, ведущие из примыкающего помещения к самому алтарю. Именно здесь, около ступенек, была найдена костяная трубочка с лицевым изображением, прямо копирующая трубочки из «белой комнаты».

Суммируя все эти факты, можно придти к одному основному выводу, здесь, в северо-восточном углу Тоголок-21 располагались рядом два алтаря. В малом из них тлели ярко разожженные угли; в большом - производили культовые возлияния. Свидетельством этому

является уже упомянутое жирное «пятно» засохшей жидкости у входа в алтарь и рядом трубочка, употребляемая для ритуального питья. Жрецы выплескивали жидкость на поверхность алтаря, в центре которого горел маленький очажок, и огонь, по религии древних, как посредник между людьми и богами, возносил жертву на небо.

Оба алтаря, судя по их одинаковым основаниям, скорее всего функционировали одновременно. Более того, оба они сохранили в северных частях четкие проходы, ведущие в два смежных небольших помещения, интерьеры которых, включая и полы, сплошь были покрыты белой гипсовой обмазкой. Очевидно, что из двух этих, как можно полагать, полутемных помещений жрецы через узкие проходы легко могли попадать к алтарям, производя здесь культовые возлияния и жертвоприношений.

Весенний полевой сезон заканчивался и похоже самую выдающуюся нашу находку составляли раскопанные алтари.

Мы сворачивали лагерь в наступающих сумерках, так как завтра утром должен был приехать наш Аман на грузовой машине и отвезти оборудование на склад. Пока шли сборы я снова отправился в окрестности памятника с тайной надеждой на последний шанс, на последнюю находку весны 1985 г. Но все было тщетно. За прошедшие годы, мы, видимо, уже основательно подобрали все, что плохо лежало и кроме обычных черепков я так ничего не нашел.

Возвратившись в лагерь, поужинав и осмотрев собранный багаж, я уныло поплелся от столовой к своей палатке по маршруту, исхоженному мною много десяткой и сотен раз. Не успел я отойти и несколько метров, как меня остановил вопрос Олега: «Грузить ли десятиметровую палатку?» Я что-то ответил ему и, сделав полушаг, нагнулся к черному пятнышку размером не более 3-х копеечной монеты, темневшему у моих ног. Я еще не до конца не осознал происходящее в наступивших сумерках, по уже крепко сжимал в кулаке каменный ромбической формы амулет. Все шло, как в плохом романе. Безуспешные многомесячные поиски, последний день, канун отъезда, сумерки и вдруг такая счастливая находка.

Упаковано было уже все, даже пластилин для изготовления оттиска. И как много лет раньше на Гонуре, когда мы нашли амулет с изображением Гильгамеша в окружении поверженных животных, так и сейчас мы замесили комок глины и, сделав на нем оттиски при свете фонарей, стали разглядывать полученные изображения. На сырой, мягкой, податливой глине мы увидели контур уступчатого ромбика амулета. На одной стороне его исключительно тонкой резьбой была выгравирована сюжетная композиция: два козлика поднявшихся на задние ноги, а между ними ветвистое дерево. Сбоку неизменный персонаж маргианской глиптики - извивающаяся змея. На другой стороне сохранилось еще более сложное изображение - огромное, хвостатое и рогатое чудовище, терзающее повергнутых на землю, по-видимому, людей.

Если первая композиция не оставляет сомнений в ее ирано-месопотамском происхождении, то вторая невольно вызвала в памяти изображение очень похожего чудовища одной бактрийской цилиндрической печати, происходящей из разграбленных могил северного Афганистана. А вместе они живо напоминали аналогично рогатое и хвостатое чудовище, изображенное на одной печати в далекой Сирии. Сходство настолько очевидное, что не оставило сомнений в их культурно-исторической связи.

Хотя раскопки всего монументального комплекса Тоголок-21 еще были далеки от завершения, полученные данные позволяли сделать некоторые предварительные выводы. И самый главный состоял в том, что наши раскопки выявили монументальный комплекс зданий не обычного бытового, а особого культового назначения. Весь этот сложный архитектурный ансамбль, состоящий из огромного каре с крепостью в центре, был возведен сразу по единому плану и замыслу. Крепость, в свою очередь, состояла из двух частей: северной, парадной, где интерьеры помещений были покрыты белой алебастровой обмазкой, и центральной части со своеобразным внутренним двориком, скорее всего связанным с культовыми ритуалами жертвоприношений и возлияний. Южная часть имела подсобное

значение, но была связана с парадной, где в камерах-кельях могли проживать служители, прямо связанные с приготовлением опьяняющего культового напитка. Итак, можно считать доказанным, что в монументальном комплексе Тоголок-21 практиковались культовые возлияния типа хаомы, наряду с этим там существовал и культ огня.

Но только в одной религии мира одновременно практиковались оба эти два культа - в религии зороастризма.

И хотя раскопки памятника были еще далеки от завершения, но документально уже можно было установить существование алтарей огня и культовых возлиянии, что ближе всего соответствовало именно этой религии.

Но эти же археологические свидетельства, в свою очередь, вносят коррективы в давно устоявшиеся взгляды лингвистов о зороастризме, о личности Зороастра и его деятельности. Если мы стоим на правильном пути, то Тоголок-21 - первый достоверный храм, отвечающий всем требованиям зороастрийских догматов. И здесь необходимо сделать маленькое отступление.

Сейчас уже доказано, что Заратуштра или как его переименовали на свой лад античные греки - Зороастр, был реальной личностью, жившей не позднее VII в. до н.э. Много споров вызывает вопрос, где же он родился и жил? Не будем вдаваться в детали оживленных дискуссий, продолжающихся вот уже почти двести лет. Скажем лишь, что если не все, то очень многие современные ученые помещают его родину в Среднюю Азию, в том числе в Бактрию или Маргиану. Где-то здесь, в семье потомственного жреца и родился основатель новой мировой религии Заратуштра. Уже вскоре он выступает со своими проповедями перед односельчанами, но не находит понимания. В священной книге зороастрийцев «Авесте» сохранились удивительно реалистическое стихотворение, приписываемое и не без основания самому пророку. Пока еще никем не признанный, всеми гонимый, безвестный Заратуштра жалуется:

«В какой земле мне укрыться, куда мне пойти?

Гонят меня от родных, от соплеменников,

Не принимает меня ни община,

Ни лживые правители страны,

Как же мне добиться, чтобы ты принял меня,

О Мазда Ахура»*

И кто знает, не по этим ли пыльным дорогам Маргианы, в зной и жару, брел Заратуштра в поисках новой родины. Известно, что в конце-концов он приходит к новому религиозному учению и становится его ревностным последователем. И с этого момента меняется дальнейшая судьба Заратуштры, а вместе с ним и религиозная жизнь этой части западной Азии.

В нашу задачу не входит детализированное рассмотрение учения Заратуштры. Для нас важно отметить, что он реформировал языческие религии, создав новое учение, в большой мере проникнутое идеей единобожия, частично включив старые верования и обряды, в которых главную роль играли храмы огня и культовые возлияния. Учитывая, что огни, в алтарях храма Тоголок-21 пылали где-то на рубеже II-I тыс. до н.э., а традиции этих культов восходят еще к более древнему времени, к местным культам эпохи бронзы, то можно допустить, что культы, практиковавшиеся в этом храме, вошли затем в новое зороастрийское учение.

Все эти соображения я обдумывал в который раз, осматривая камеры-кельи западного фасада, совершенно неудобные для жилья, где лежа, с трудом можно было повернуться на другой бок. Вряд ли это случайно - рядом было предостаточно свободного места. Скорее эти кельи были преднамеренно сделаны такими неудобными. Похоже, что здесь жили не обычные благочестивые паломники, а своего рода отшельники, аскеты, люди, преднамеренно отказывающие себе в жизненных удовольствиях, добровольно обрекающие себя

---

* Перевод В.А.Лившица

на перенесение физических неудобств, боли, одиночества и, в конечном счете, достижения полной духовной свободы. Однако зороастризм отрицает аскетизм, что, казалось бы, противоречит такому предположению.

Но зороастризм был распространен не только у восточноиранских племен, но и в Индии, представляя как бы две ветви одного учения. В религиозном учении брахманизме, связанным с зороастрийской религией, как раз и был распространен аскетизм. До наших работ считалось, что брахманизм представляет собой приспособление местных культов и верований к индийской разновидности зороастрийской религии. Но теперь, после наших находок, становится вероятным предположение, что одной из характерных черт и древнейшего зороастризма был аскетизм, переживший века и затем вошедший составной частью в брахманизм. А ведь священный текст брахман «Шагапатха-брахмана» был создан примерно в то же время, когда аскеты могли истязать себя на Тоголок-21. И, возможно, не случайно именно 33 кельи вытянулись вдоль западного фасада каре, по числу 33 главных божеств, упомянутых в древнеиндийских религиозных текстах. Но все это остается в области гипотезы, так как еще надо доказать, что эти камеры действительно были кельями.

Осенний полевой сезон начался для нас с еще большими, чем весной, финансовыми осложнениями. Отсутствие средств - этот бич каждой научной экспедиции заставил нас до минимума ограничить состав экспедиции. На этот раз нам предстояло предпринять раскопки южного фасада каре, где при пробных раскопках была выявлена юго-западная башня каре. Отталкиваясь от нее, мы стали двигаться вдоль самой стены каре, которая прямой лентой двухметровой ширины уходила в восточном управлении. Ровная гладь стены метр за метром продолжалась далее, пока примерно на середине ее общей протяженности не прервалась, образуя узкий, но бесспорный проход, фланкированный с двух сторон выступающими наружу полубашенками, некогда оборонявшими его. Окончательно разобравшись с проходом, мы обратили внимание, что в южной стене каре он точно располагается по середине южной стены «крепости» напротив главного северного въезда, оформленного пилонами.

Первоначально вся площадь между «крепостью» и южным фасом каре была пустой и ничем не застроенной. Позднее, во второй период, здесь были построены жилые и хозяйственные помещения рядовых общинников. Все они оказались связаны между собой проходами и представляли единый жилой микрокомплекс, который в последний, третий период, был приспособлен под небольшой могильник.

Трудно сказать к какому виду находок следует отнести то, что мы обнаружили еще в самом начале осеннего полевого сезона. В одном из частных скромных помещений, прямо на полу, мы раскопали группу совершенно целых сосудов, то ли забытых, то ли специально оставленных на месте проживавшими здесь рядовыми общинниками. В противоположном углу этого же помещения, и так же на полу на кирпиче, стоял еще один сосудик типа кринки, которому суждено было стать самой замечательной находкой сезона. Уже в самом конце работ, когда мы приступили к окончательной расчистке всех раскопанных помещений и, в том числе, к зачистке сосудов, найденных в ходе многодневных раскопок, дошла очередь и до этого помещения.

Вооружившись длинным археологическим ножом, я переходил от одного погребения к другому, вынимая заупокойные сосуды, некогда заботливо положенные родственниками в могилы, вычищая ножом налипшую и особенно насыпавшуюся внутрь землю. Точно так же я поступал с сосудами, найденными в помещениях, пока не дошел до уже упомянутой группы.

Осторожно поддев очередной сосуд снизу, я медленно и предельно аккуратно снимал его с места, очищал поверхность от налипшей земли и затем вычищал насыпавшиеся внутрь сосуда комочки земли.

Закончив эту в общем-то обычную процедуру, я перешел в противоположный угол, где сиротливо стоял последний сосудик, практически ничем не отличавшийся от остальных. Осторожно поддев его ножом снизу, я вынул сосудик из земли, но в отличие от других, он

легко развалился у меня в руках на две половины. Чертыхнувшись про себя, я положил обе половинки на бровку раскопа и уже готов был приступить к очистке земли изнутри, но мое внимание привлек необычный цвет земли, она была не светлосерой, как обычно, а черной и к тому же с включением белых костяных отщепов.

Сменив археологический нож на кисточку и пинцет, я уже с большей чем обычно, тщательностью приступил к очистке сосуда, пока под мелкими комочками не обнаружил две грубо вылепленные, а главное необожженные и поэтому чрезвычайно хрупкие статуэтки людей. Даже при легком прикосновении кисточки поверхность их начинала трескаться и рассыпаться, а ведь не развалились сам, необожженные фигурки были бы безнадежно разрушены мною и полностью пропали бы для науки. А между тем, две статуэтки позволили по-новому увидеть культовые представления людей из давно прошедших тысячелетий! При внимательном изучении статуэток оказалось, что они истыканы множеством костяных отщепов, что бесспорно было сделано явно в магических целях. Обе фигурки вылеплены настолько грубо и неумело, что не могли являться изделиями профессиональных гончаров. Скорее кто-то в тайне вылепил две статуэтки, утыкав их тела костяными отщепами, аккуратно засунул через узкое горлышко внутрь сосуда, спрятав и засыпав его землей в одном из заброшенных к тому времени помещений. Вот такой живой эпизод реальной жизни поведала нам эта, казалось бы, скромная находка, донеся до нас мир суеверий древних маргушцев.

Внимательно изучая статуэтки, мы нашли их сходство со скульптурными фигурками, уже упоминавшимися в связи с находкой культовых сосудов. По верхнему бортику таких сосудов идут специально наклепные терракотовые фигурки, включающие птиц, животных. И, что особенно важно, - фигурки людей. Как правило, были изображены два человека: один в униженной, полной покорности позе, с заведенными за спину руками; другой с ребенком на груди. И поскольку признаки пола выражены не были, считалось, что это скорее всего мать и дитя. Найденные нами статуэтки до деталей копировали фигурки на культовых сосудах. Но в них были четко выражены признаки пола: ребенка на руках держал мужчина, а женщина изображалась с заведенными за спину руками.

Тогда в поле мы так и не смогли разрешить эту интригующую загадку.

Зато вернувшись в Москву и заново просматривая специальную литературу, я особенное внимание обратил на те места в «Авесте» и «Ригведе», которые посвящены культовому напитку хаоме. В самом деле, если мы были правы, предполагая, что культовые сосуды были действительно связаны именно с этим напитком, то логичнее всего было допустить, что с мифами о хаоме, как то связаны и скульптурные изображения на них. Но какие? К сожалению в «Авесте» таких данных практически нет.

В «Ригведе» часто упоминается тот же самый культовый напиток хаома, но под названием - сома, причем и здесь песнопения, посвященные растению сома, занимают большое место среди остальных гимнов.

Согласно текстам «Ригведы» сома не только растение, она олицетворяет собой небесное существо, бога Сому, но в верованиях древних бог Сомы - дитя Неба и Земли.

Общеизвестно, что Небо всегда связывалось с мужским началом - часто в образе бога - громовержца. Возможно, не случайно одна такая, явно мужская фигурка культового сосуда из Бактрии изображена с топором, заткнутым за пояс - этим непременным атрибутом бога - громовержца. Суммируя известные факты и наблюдения, можно предположить, что на культовых сосудах мы имеем скульптурные изображения, иллюстрирующие один общий индо-иранский миф о рождении бога Сомы - Хаомы от Неба и Земли. Причем именно тот эпизод, когда отец забирает сына к себе на небо, приобщая его таким образом к местному пантеону арийских божеств.

При всей проблематичности подобного предположения, безусловно требующего подтверждения на новом археологическом материале, налицо новый аспект старой проблемы, заслуживающий дальнейшего изучения. И может быть не случайно на культовых сосудах, происходящих из Бактрии, мы встречаем терракотовые фигурки, показанные в «борцовской» позе с широко разведенными в стороны руками, а в одном случае две такие

фигуры показаны в смертельной схватке, в явно противоборствующей позиции. Тесно обняв друг друга, они делают «подсечку», пытаясь одолеть один другого. Не иллюстрируют ли все они разные этапы одной идеи - противоборство за обладание своим дитя, предположительно бога Сомы - Хаомы? В таком случае тоголокский экземпляр, где изображен мужчина с ребенком на груди, может иллюстрировать апофеоз этой борьбы, когда бог - громовержец, победив мать - землю, уносит свое дитя на небо, давая ему тем самым статус бога Сомы - Хаомы.

Как бы ни были интересны подобные рассуждения, нужно было искать новые фактические данные, которые бы внесли окончательную ясность в общем назначении всего исследуемого комплекса. А такие данные могли дать лишь продолжение самих раскопок. Именно поэтому весь следующий 1986 г. полностью был посвящен нами завершению раскопок на Тоголок-21. Следовало раскопать большую площадь между центральной «крепостью» и вышеупомянутыми круглыми алтарями. Уже начало раскопок этой площади показало, что последний период существования памятника на этом месте был связан с упадком и запустением. С самого начала под лопатами рабочих стали появляться мощные мусорные слои характерного зеленоватого цвета вперемежку с зольными отложениями. Только сняв этот мусорно-зольный слой, мы с величайшим трудом стали выявлять под ним обрывки былых стен, некогда составлявших жилые комнаты и хозяйственные помещения обедневших общинников. Было бы утомительно перечислять порядок и очередность вскрытия помещений на всем этом обширном участке. Отметим лишь, что все они были построены весьма небрежно, основания стен покоились на уже накопившихся к тому времени мусорных слоях и таким образом относились к самому последнему, заключительному периоду жизни на этом месте. Небольшие, часто косоугольные помещения с небрежно сложенными стенами, нередко даже не покрытые простой глиняной штукатуркой, они явно принадлежали беднякам, которые, за неимением ничего лучшего, использовали руины бывшего монументального комплекса под свои жилища. Одним словом, подобно южному фасау, восточный был вторично использован рядовыми общинниками под свое жилье.

На фоне их жалких строений, составляющих общую планировку восточной части исследуемого комплекса, резко контрастировала одна стена, появившаяся под лопатами рабочих уже в первые дни раскопок. Прямая, как стрела, двухметровой ширины, мощная и основательная она отличалась от остальных еще и тем, что фундамент ее покоился не на мусорных слоях, а на материке, т.е. она относилась к первому, основанному периоду существования комплекса. «Уцепившись» за стену, мы стали расчищать ее дальше, пока не убедились, что она идет строго параллельно восточной стене «крепости» и, в таком случае, видимо связана с ней функционально. Продолжая ее расчистку, мы все ближе подходили к южному фасау каре, который выявили осенью прошлого года.

Дни шли за днями, масштабы раскопок все больше и больше увеличивались, расчищаемая нами стена продолжалась все далее, пока как-то неожиданно для нас не соединилась под прямым углом с южной. Но в таком случае здесь должна была располагаться угловая башня, и, казалось, оставалось малое - расчистить площадку непосредственно располагающуюся у внешнего угла двух сомкнувшихся в этой точке стен каре.

К тому времени именно на этом участке раскопа скопились не кучи, а гигантские пирамиды отвальной земли, для очистки которых потребовались бы не только дни, но и недели напряженного, а главное утомительного и в общем-то непроизводительного труда. И здесь, как всегда, на помощь к нам пришли наши местные друзья. В один из таких дней, когда мы с Олегом в который раз ломали голову - как же нам убрать незаметно выросшую «египетскую» пирамиду отвальной земли, вдаль запылила машина. С тоской глядя на нее и ожидая увидеть очередного нежданного визитера, от нечего делать решившего заглянуть на наши раскопки, мы и не предполагали какой «подарок» преподнесла нам в очередной раз судьба. Из машины вышел незнакомый нам туркмен и, стеснительно улыбаясь, направился в нашу сторону. Он еще не представлял себе, какую обузу он берет на себя, познакомившись с

нами. Но это все потом, а пока он скромно представился нам - Овез Клыч Акмырадов, директор районного хлопкового завода. Вкратце рассказав ему, что мы здесь раскапываем, и как бы выполнив роль «гостеприимных» хозяев, мы снова с Олегом вернулись к прерванной теме - что делать с высыющимися перед нами отвалами земли. В пылу спора мы не заметили, как исчез наш гость, пока он не напомнил о себе самым оригинальным способом. Примерно через час мы снова увидели на дороге клубы пыли. Но на этот раз это был не обычный газик, а трактор, специально предназначенный для отвозки насыпной земли. На наши недоуменные вопросы тракторист только ответил, что прислал его сюда Овез Клыч в полное наше распоряжение. И уже вскоре бойкий жучок - трактор деловито приступил к своей работе: лихо подкатив к горе насыпной земли, он ловко подцепил небольшую кучку и решительно рванулся далеко в сторону, подальше от наших раскопок.

Прошло всего несколько часов, и бывшая пирамида насыпной земли переместилась на несколько десятков метров в сторону и громоздилась теперь посередине чистого такыра, где кончалась археология и началась геология.

Не успели мы по достоинству оценить широкий жест нашего новоявленного благодетеля, как через несколько дней, по все той же дороге запылила новая машина, на этот раз загруженная новыми палатками, а главное, железными, чуть ли не двуспальными «семейными» кроватями с мягкими панцирными сетками. Наши обычные раскладушки уже давно пережили самих себя, много раз штопаные и перештопаные, обвязанные веревками, которые ночью жестко впивались в наши бока, они уже давно требовали замены, но строгие наши московские хозяйственники заставляли нас каждый год переносить их замену на следующий сезон. И теперь, вместо провисших почти до земли раскладушек, наш лагерь украсился роскошными мягкими ложами, с которых так трудно стало подниматься по утрам.

Прошло еще какое-то время, мы «вошли во вкус» и самым бессовестным образом стали эксплуатировать доброе сердце и отзывчивую к чужим бедам душу Овез Клыча. И вот уже требующая профилактического ремонта экспедиционная машина нахально въехала в автотопарк хлопкозавода, где ее ожидали механики. И уже как должное восприняли мы приезд каравана грузовых машин по окончании очередного сезона, на которые грузилось тяжелое, громоздкое экспедиционное оборудование: оно, конечно же, теперь оставалось на хранение до следующего полевого сезона в надежно охраняемом боксе все того же хлопкозавода. И уж как само собой разумеющееся воспринимал бедный директор наши телеграммы из Москвы, в которых прямо указывался номер вагона и количество вновь приезжающих сотрудников экспедиции, которых необходимо было встретить и отвезти к месту раскопок.

Словом, трудно переоценить помощь, которую оказывали нам работники хлопкозавода, но все это было потом, а сейчас, после того, как трактор убрал отвалы, нам предстояло выяснить, действительно ли мы вышли ни внешний угол каре и если да, то попытаться найти предполагаемую угловую башню. Учитывая всю важность этого принципиального вопроса, за расчистку взялся Олег, который уже вскоре представил самые убедительные свидетельства: на ровной до глянцевого блеска зачищенной площадке четко «читались» кирпичи, но на этот раз вытянутые не в одну линию, а рассыпанные веером, концентрическими кругами, что характерно для техники кладки кирпичей при возведении круглых башен. Итак, теперь с документальной точностью было установлено, что мы действительно раскопали четвертую стену каре с угловой башней и, таким образом, замкнули прямоугольник стен, внутрь которого была «вписана» центральная крепость. Но в таком случае оставалось непонятным, почему алтари располагаются не внутри каре, а отдельно от всего комплекса, далеко за внешней стеной каре.

Как бы то ни было, внешнее каре замкнулось, и, казалось бы, на этом можно закончить и сами раскопки на Тоголок-21. Однако пространство между восточной стеной каре и поодаль стоящими от нее алтарями представляло собой хоть и слабо выраженное в рельефе, но возвышение, покрытое фрагментами битой керамики, так что теоретически и здесь можно было встретить остатки древней архитектуры. Чтобы не оставалось никаких сомнений, мы решили расширить наши раскопки далее в восточную сторону, по

направлению к алтарям, и как оказалось, не зря. С каждым днем расширялись наши раскопки и вместе с ними наши представления о раскапываемом комплексе. Как теперь стало очевидно, за внешней стеной каре опять пошли частные дома бедняков, выстроенные «на живую нитку», и подобно упомянутым уже лачугам второго периода, так же были построены в позднее время.

Дни шли за днями, а под лопатами рабочих появлялись все новые, небрежно вылепленные дома, к которым полностью можно было применить слова одного археолога: - «Народ обнищал и опустился».

Наконец, наши раскопки приблизились к алтарям и вдруг резко изменился характер древних строений. Вместо косоугольных, зачастую с покосившимися стенами помещений, совсем неожиданно появились обширные комнаты регулярной планировки с широкими, ровными стенами, четкой прямоугольной конфигурации. Более того, основания стен покоились не на мусорных слоях, а на материке, причем полы были тщательно выложены стандартной формы, прямоугольными кирпичами. Одним словом, как по общей планировке, так и по тщательности отделки интерьеров эти несколько взаимосвязанных помещений удивительно близко напоминали уже вскрытые нами ранее комнаты парадной части центральной крепости. Итак, появились веские основания предполагать, что помещения, расположенные около алтаря, относятся к первому, основному периоду, что в свою очередь значительно расширило общие размеры всего исследуемого комплекса Тоголок-21.

Еще весной 1983 г. удалось установить, что алтари ограничены с внешней стороны стеной двухметровой ширины. Тогда казалось, что стены в очень плохой сохранности и палее не прослеживаются. Теперь же оказалось, что обе эти внешние стены продолжают и могут быть прослежены далее. Более того, становилось очевидным, что по существу алтари располагались в углу, от которого строго на запад и юг отходят две стены. Для начала мы стали расчищать стену, идущую на юг, которая широкой двухметровой лентой, метр за метром, уходила все далее от алтарей. Настал, наконец, день, когда стена прошла уже стометровую отметку от угла, где надежно примостились алтари и все еще продолжалась далее в южном направлении. И лишь дойдя до отметки 110 м, повернула под прямым углом строго на запад. Потребовалось немного времени, чтобы установить, что и здесь некогда высилась круглая угловая башни наподобие тех, что и в раскопанном ранее прямоугольном каре. И тогда нам стала понятна загадочная широкая стена, вскрытая нами осенью прошлого года у северо-западного угла каре, откуда она уходила, как нам тогда казалось «в никуда», в далеко раскинувшуюся вокруг пустыню.

Сопоставив между собой полученные в ходе раскопок новые фактические данные, мы пришли к однозначному выводу: раскапываемый комплекс был не двухчастным, как мы это предполагали до сих пор, а трехчастным с общими размерами 140 на 110 метров! Среднеазиатская археология еще не знала такого грандиозного монументального комплекса для столь древнего времени. Мы испытали естественное чувство гордости и в то же время ужаснулись огромному объему предстоящих раскопочных работ. Ситуация усугублялась еще и тем, что в предшествующие годы, раскапывая центральную часть, мы отвозили землю, как нам казалось, далеко от места раскопок. Теперь же оказалось, что внешняя обводная стена уходит под самую середину наших огромных многометровых отвалов. Не нужно быть специалистом, чтобы представить себе, какие горы земли накопились там чуть ли не с полутора гектаров раскопочной площади. Уже не обойтись было обычным трактором, теперь нужны были мощные бульдозеры типа «Алтай», чтобы в ближайшие сроки передвинуть многие тысячи кубометров земли еще дальше в сторону, на ровную гладь окружающего памятник такыра. И, как всегда в таких экстремальных случаях, к нам на помощь поспешили наши местные туркменские друзья.

Особенно старался наш новый знакомый по имени Ялкап, или, как он сам себе просил называть, «просто Яша». Только что демобилизовавшись из армии, Яша работал шофером в ближайшем от нас совхозе и не упускал возможности заглянуть к нам «на посиделки» и всегда с каким-нибудь подарком: то банка томатного сока, то свежее испеченный туркменский

чурек, то банки консервов. Вот и теперь, узнав о наших трудностях, он, как никто другой, принял в этом деле самое горячее участие. Он доставал нужные нам запасные части к сломавшемуся бульдозеру, солярку и масло для трактора, а то и сам садился в кабину, заменяя вконец уставшего тракториста. Не перечислить всех наших добровольных, а главное бескорыстных помощников, которым пользуясь случаем, наша экспедиция приносит самые горячие благодарности. Я был бы несправедлив, если бы не упомянул Пир Мухаммада или попросту Пирака, белуджа по национальности, бригадира близлежащей к нам хлопковой бригады.

Еще в конце прошлого XIX века белуджи из соседнего Ирана и Афганистана, ведя кочевой образ жизни, переселились в приграничные районы южного Туркменистана, в особенности, вдоль среднего течения р.Мургаб. Позднее, наряду со скотоводством, они постепенно переходят к оседлому земледелию, образовав несколько крупных хлопковых колхозов и совхозов. Особенно много их проживает в Иолотани, но в последние годы вместе с освоением целинных земель, белуджи постепенно переселяются сюда и в настоящее время составляют большие отделения в крупных хлопкосеящих совхозах.

И хотя сейчас здесь проживают белуджи в третьем-четвертом поколении и составляют незначительную часть среди основной массы туркмен, они удивительно стойко сохраняют свои национальные традиции. В составе целинных совхозов они селятся отдельными поселками. Хотя сегодняшний день неумолимо вторгается в их повседневную жизнь, порой удивляешься, как живучи их культурные традиции, насчитывающие многие века. Живая этнография сегодняшнего дня одного из древних народов Востока. Уже давно все белуджи-мужчины ходят в европейских костюмах, ничем не отличаясь от нас с вами, но я еще не видел ни одной женщины, которая бы не была одета в национальное платье. Вот идет, стройная и высокая, с открытым лицом, смуглая, с огромными глазами, прямым тонким носом, закутанная в белоснежную, прозрачную накидку наподобие фаты у новобрачных, из-под платья спускаются широченные, складчатые штаны, всегда красного цвета. Их одежды до удивления напоминают одеяния женщин двухтысячелетней давности. Такими они были представлены на дошедших до нас каменных изваяниях далекого античного времени. Но ведь и традиции живут тысячелетиями! Все они хорошо знают туркменский язык, несколько хуже русский, а среднее и старшее поколение еще и иранский. И хотя самые молодые из них уже подзабыли иранский, но зато великолепно говорят по-туркменски и, конечно, все они совершенно свободно владеют своим собственным, белуджским языком.

Наш друг Пирак знал все четыре языка и длинными каракумскими вечерами мы с ним, для практики, вели беседы на смешанном русско-иранском языке. Было интересно спрашивать о нравах и обычаях его народа: что сохранилось от старого, что появилось нового. И хотя повседневный быт белуджей все более и более нивелировался под современный, но уже то, что они до сих пор сохранили свой язык, исключало какие-либо признаки ассимиляции. Я знал, что особенно живучи бывают обрядовые традиции. И уже давно хотел посмотреть белуджскую свадьбу, но я так же знал, что они очень ревниво относятся к непрошеным гостям.

Теперь благодаря Пираку у меня появилась такая возможность. Как-то ранним утром на его «Жигулях» мы выехали из песков в белуджский поселок, расположенный от нашего экспедиционного лагеря за многие десятки километров.

Это было красочное зрелище! Перед домом жениха на большой ровной площадке танцевали женщины. Ярко красный цвет праздничных платьев, снежные газовые прозрачные накидки уже создавали настроение праздника. Небольшой оркестрик играл свою нескончаемую мелодию, а женщины, медленно и ритмично двигаясь по кругу, исполняли старинный танец, к ним вскоре присоединились и мужчины. Поворот в одну сторону, в другую, хлопок ладонями и так, пританцовывая, движется по кругу хоровод женщин, которые сменяют мужчины с чисто мужским танцем. Сменилась музыка, сменились танцоры. Уставшие после танца женщины отдыхают на разостланных прямо на земле коврах

и паласах. На опустевшую площадку выходят совсем еще юные танцоры с небольшими палками в руках. Сначала медленно, а затем все убыстряя темп, они, ловко поворачиваясь вокруг себя, становятся лицом друг к другу, одновременно ударяя своими палками по палкам партнера. И если предыдущие танцы я уже видел раньше, в том же Афганистане, на одной из местных свадеб, то такой - впервые, если не считать танец «с палками», показанный однажды центральным телевидением стараниями все того же Стаса Покровского, сумевшего заснять этот типичный белуджистанский танец где-то здесь в Маргиане несколько лет назад.

Очередной, полевой сезон 1986 г. подходил к концу, особых находок так и не было сделано. Правда, при раскопке бедняцких домов кроме бесчисленного количества безнадежно разбитой посуды мы встречали то каменный косметический флакон, то медную туалетную булавку, то скромный сильно стертый амулетик с простым, незамысловатым узором, скорее всего не оставленные, а потерянные кем-то из бывших обитателей этих жалких лачуг. Некоторой компенсацией столь скромным находкам могли служить целые сосуды, встреченные нами в отдельных погребениях, новые формы которых расширяли наши представления о гончарном искусстве древних керамистов. Как правило, среди погребальных приношений ничего более, чем несколько заботливо уложенных в могилы сосудов, не было. Но на этот раз в очередной могиле не было даже намека на скелет, никакого захоронения, но зато погребальные приношения превзошли все наши самые смелые ожидания. Помимо двух десятков совершенно целых, а главное разнообразных по формам сосудов, мы обнаружили массивные, медные браслеты, но самое главное - медный топорик, явно не бытовой, а церемониальный, возможно культовый, точный аналог которому известен еще только в Бактрии. Такие могилы в археологической практике называются «кенотафами» от греческого слова, которое переводится как «чужая могила» в том смысле, что она принадлежит умершему вдали от родины. И тогда неутешные в своем горе родственники устраивают чисто символические погребения с соблюдением всех ритуалов, помещая в могилу обычные погребальные приношения без тела усопшего.

Среди раскопанных могил Бактрии и Маргианы их было встречено слишком много, да к тому же и этом конкретном захоронении небольшой топорик, с ни но преднамеренно затупленным лезвием, вряд ли употреблялся в обычных бытовых целях. Думается, что он принадлежал какому-то служителю культа, использовался при ритуальных церемониях и приходится только догадываться, почему вместе с ним не был погребен сам владелец топорика.

В этом же сосуде, где был найден топорик с браслетами, лежал деревянный стержень типа спички с надетой на него «шляпкой». Назначение этого предмета до сих пор остается неясным. Это было одно из немногих найденных нами деревянных изделий.

Из скромных находок весеннего полевого сезона осталось упомянуть еще только одну. В одном из помещений, прилегающих к большому алтарю, у входа и него прямо на полу была встречена крупная многолучевая розетка, тщательно выточенная из черного стеатита. На лицевой стороне ее в самом центре был выгравирован знак в виде четырехлепесткового креста. Можно было бы принять это изделие за крупную «печатку», но с оборотной стороны нет обычной выступающей наружу петельки-ручки. Вместо нее с тыльной стороны розетки выгравирован круг, сохранивший обломки медной проволоки внутри. Если учесть, что розетка была найдена в помещении, явно связанным с культовыми церемониями, то можно допустить, что она была отличительным знаком одного из храмовых служителей. Проволочкой розетка могла крепиться к какому-нибудь «штандарту» и использоваться в качестве атрибута при церемониях, связанных с культовыми возлияниями и жертв.

Вертя так и сяк эту находку и пытаюсь понять ее истинное назначение, я поймал себя на мысли, что уже видел что-то похожее, хотя и не помнил, где и когда. И лишь много позднее, в Москве вспомнил, что точно такую, но более искусно сделанную стеатитовую многолепестковую розетку, я видел в одной антикварной лавке Кабула, куда попали многие сотни и тысячи вещей из разграбленных могил Бактрии. Тогда, не определив ее истинного

назначения, я тем не менее сделал с нее пластилиновый оттиск, который теперь внимательно разглядывал почти через десять лет. Кабульский экземпляр отличался большими размерами, чем маргианский, но так же в центре на лицевой стороне сохранил тонко гравированный рисунок креста, но не с прямыми перекрестиями, а волнистыми, что придавало ему более нарядный вид. Подобно маргианскому, и этот имеет с тыльной стороны четыре углубления для крепления его на месте. Остается лишь предполагать, что в бактрийской могиле, откуда происходит эта розетка, был погребен какой-то храмовый служитель, а может и жрец, который после смерти был погребен вместе с символами, отмечавшими его высокий статус при жизни. Пока такие «культовые символы» известны лишь в Бактрии и Маргиане.

Осенний полевой сезон 1986 г. как бы подвел итоги многолетним раскопкам храма Тоголок-21. Для их завершения было привлечено большое количество сотрудников. Временами за обеденным столом с трудом размещался весь наличный состав экспедиции. И это при том, что к основным столам уже давно были пристроены новые, сбитые из простых досок. Но все неудобства с лихвой окупались результатами последних раскопок.

Как мы помним, весной этого года работы были сосредоточены на восточной части памятника, где нескончаемым рядом шли все новые помещения простых общинников, облюбовавших руины заброшенного храма. Используя незастроенную площадь, они лепят свои бедные лачуги одну за другой, вокруг - хозяйственные дворики, складские помещения, сараи. Стены комнат хилые, выложенные одним рядом кирпичей, не всегда обмазаны даже глиняной штукатуркой. Многие десятки таких помещений были вскрыты в восточной части бывшего храма, пока не была полностью открыта вся анфилада расположенных здесь помещений.

Расчищая день за днем все новые помещения восточного комплекса, мы со страхом поглядывали на его южную часть, где располагалась огромная еще нераскопанная часть памятника.

Правда, некоторые косвенные наблюдения позволили нам предполагать, что эта часть не была застроена позднейшими домами бедняков, но это следовало проверить раскопками. Наконец, восточный комплекс был полностью раскопан и мы приступили к поискам древних стен с южной части памятника. Однако, проходил день за днем, но кроме жалких обрывков стен, не образующих какую-либо древнюю планировку, ничего найдено не было. Стало очевидным, что огромная площадь, прилегающая с юга к выявленному ранее каре, не имела никакой застройки и представляла собой незастроенный пустой участок. Такая ситуация облегчила нам жизнь и намного сократила раскопочные работы. Но наша радость омрачилась, когда мы приступили к поискам южной внешней обводной стены всего комплекса.

В самом деле, в восточной части эта внешняя обводная стена была обнаружена довольно просто: мы шли за раскопанными стенами все новых исследуемых помещений и там, где они заканчивались искали некогда прилегавшую к ним обводную стену. Иное дело было здесь, в наших поисках нам не за что было «зацепиться», перед нами была серая безликая поверхность такыра с выгоревшей, пожухлой травой, да мелкими фрагментами битой керамики. Но помощи ждать было неоткуда, и мы медленно приступили к неблагодарной работе по поискам внешней южной обводной стены.

Для начала мы стали тщательно зачищать верхнюю дневную поверхность и, сняв дерн, пытались обнаружить под ним остатки если не былых стен, то хотя бы отдельных кирпичей. Много дней тянулась эта утомительная работа, пока, как всегда неожиданно, мы не наткнулись на остатки предполагаемой обводной стены. Вначале это были темные глиняные пятна. Их можно было и не заметить, если бы до этого на Тоголок-21 не было установлено, что такие пятна представляли собой разложившийся сырцовый кирпич.

Так было и на этот раз, тщательная зачистка, сантиметр за сантиметром, позволила наконец раскопщику «зацепить» обломок бывшего кирпича, затем сам кирпич, потом несколько кирпичей, пока они не образовали широкую до 2,5 м полосу южной обводной стены. И как бы плохо она не сохранилась, главное было сделано: теперь уже можно было

«танцевать от печки» и, зная общее направление ее, вскрывать обводную стену по всей ее былой длине.

Обрываясь и снова появляясь, она шла параллельно южной стене каре, местами сливаясь с выступающим материком и тогда опять нужно было все начинать сначала. Местами проступали последние кирпичи былого фундамента, воодушевляя археологов на новые поиски. Наконец, южная внешняя стена была открыта на всю свою длину, но еще предстояло установить, был и ли по ее периметру пол у башенки (по примеру восточной) или их вообще не было здесь, что, однако, было маловероятным.

Для начала мы отложили от угловой юго-восточной башни расстояние, равное расстоянию от уже выявленной полубашенки восточной стены. Наши расчеты подтвердились: после зачистки удалось выявить контуры кирпичной массы, образующей полукруг, полностью соответствующий размерам ранее расчищенных полубашенок. Итак, хоть и чрезвычайно плохо сохранившаяся, но одна полубашенка восточной стены была нами обнаружена. Казалось, теперь-то уцепившись за нее, можно будет легко найти и другие, расположенные по внешнему периметру стены. Однако, отложим соответствующее количество метров, далее никакой полубашенки мы не обнаружили. Напротив, здесь скорее всего находился вход, устроенный древними зодчими точно в середине восточного фаса всего комплекса. Дальнейшие поиски оказались бесплодными, с большим трудом мы только проследили общее направление самой стены.

Вот тогда-то и проявился, в который раз, раскопачный талант Олега. Пока мы безуспешно разгребали отвальную землю, до зеркального блеска зачищая поверхность, прилегающую к самой стене, он сумел обнаружить крайнюю угловую северо-западную башню и, отложив от нее вглубь то же количество метров, что и для уже выявленной полу башенки, наконец, обнаружил и последнюю. Итак, круг замкнулся. Теперь стало очевидным, что по внешнему периметру стены располагалось две полубашенки, каждая из которых находилась ровно на расстоянии 22 м от угловой башни. Наши раскопки установили, что южная обводная стена Тоголок-21 имела две угловые башни и две полубашенки. По внешнему периметру стен, между которыми точно по середине располагался въезд.

Для окончательного завершения работ нам оставалось выявить последнюю, западную обводную стену. Это было почти невозможным. В том месте, где она должна была проходить, расстилался ровный такыр, на нем в начале наших раскопок на Тоголок-21 мы разбивали свой лагерь. Надежды найти стену были минимальными, если не сказать, безнадежными. Встав в центр юго-западной, угловой башни, мы довольно точно определили ее общее направление и принялись за ее поиски на месте. Сколько же споров шло по этому поводу, сколько ненужной работы было проделано, прежде чем нами были обнаружены слабые следы былой стены. Но мы были рады и этим жалким обрывкам восстановленным практически из ничего. Сохранность ее была такой плохой, что мы сначала определили лишь ее общее направление, и лишь затем и сами контуры стены, которая уткнулась в огромный бугор отвальной земли. Как теперь стало ясно, еще в самом начале наших работ, весной 1984 г. тракторы отвозившие отвальную землю, собирали ее в одно место на ровном, чистом такыре, где никто не предполагал в будущем проводить раскопки. Постепенно здесь образовался бугор, свыше пяти метров высотой, на котором мы установили небольшую фанеру с надписью на русском и туркменском языках, предупреждающую, что здесь идут археологические раскопки, а сам памятник подлежит охране. Именно в этот искусственный бугор созданный нами самими и уткнулась западная обводная стена Тоголок-21. А значит для продолжения работ предстояло передвинуть ее на многие метры в сторону. Эту колоссальную по объему работу можно было начать и закончить лишь в следующем году, поэтому осенью 1986 г. западный фас, а вместе с ним и полное завершение работ здесь, закончено не было.

Пока шли раскопки памятника, слава о нем (не без нашей помощи!) широко распространилась далеко за пределы страны. На многочисленных симпозиумах и совещаниях делались доклады и сообщения о ходе раскопок и результатах их в очередном

сезоне. Археологи Франции попросили разрешения посетить раскопки и ознакомиться на месте с этим интригующим памятником.

И, вот, 23 сентября 1984 г., мы ждем наших французских коллег в аэропорту г.Мары, гадая, кто же точно решился на такой вояж: из Парижа через Душанбе вглубь Каракумов. Наконец, приземлился маленький самолет, обслуживающий местные авиалинии, и из него вышли наши старые знакомые - Ролан Безенваль и Бертиль Лионне. Бертиль уже давно посвятила себя изучению керамического искусства на территории Бактрии, мы с ней не раз встречались в северном Афганистане, где французская археологическая миссия проводила многолетние раскопки греческого города Ай-Ханум.

Помимо того, французские археологи, обследуя окрестности вокруг этого античного города, неожиданно обнаружили, а затем и раскопали одно древнее поселение, основанное выходцами хараппской цивилизации бассейна р.Инд. Бертиль изучала керамику этих разновременных памятников. Таким образом, она стала специалистом по керамическому производству Афганистана и прилегающих областей Средней Азии. Оценив успехи советских археологов в Азии, Бертиль, чтобы владеть в полном объеме всеми знаниями по той проблеме, освоила русский язык.

Ролан много лет работал на раскопках древних памятников Ирана, но его самые прямые интересы лежали в области изучения древней архитектуры Передней Азии. По этой теме он уже успел написать книгу, которая незадолго до его приезда сюда была опубликована в двух томах. И Бертиль, и Ролан приехали в СССР по плану научного сотрудничества и до их визита в Туркмению уже провели совместные работы в Таджикистане. Одним словом, наши гости были крупными специалистами каждый в своей области и могли примести нам большую пользу своими консультациями по поводу раскопок Тоголок-21 на месте.

Уже вскоре наша экспедиционная машина запылила из Мары в сторону раскопок, все глубже уходит от асфальтового шоссе в направлении целинных колхозов и совхозов недавно образованного Каракумского района. Прежде чем попасть в экспедиционный лагерь, следовало заехать в районный центр и познакомиться наших гостей с местным руководством. Нас принимал недавно назначенный на эту должность председатель Каракумского райисполкома Аман Назар Карыев, устроивший в честь гостей обед. Ведь впервые жизни иностранцы, наши французские коллеги, вступили на маргианскую землю, и, соответственно, встретить их следовало с туркменским гостеприимством. И Аман Назар сделал это с присущим туркменам широтой и размахом. По его просьбе к нам в помощь был прикреплен наш старый друг Баба Нияз Клычев. Если раньше он помогал нам на добровольных началах, то теперь был облечен и официальной властью. И наши французские гости смогли почувствовать широту его натуры уже в первый же день пребывания в нашем лагере.

А вечером у руин былых алтарей Тоголок-21 ярко запылал огонь, и зарумянились первые шампуры шашлыка. Расторопный Баба Нияз уже расстелил свою скатерть-самобранку с зеленью и закусками. Не успели наши гости закусить пахучим шашлыком первые заздравные бокалы, как в наступившей темноте за далекими барханами вдруг засветились фары приближаются трактора. На этот раз в роли «корабля пустыни» выступал трактор с бригадиром одной из отдаленных хлопководческих бригад. На скатерти-самобранке новые пучки зелени, куски холодной баранины, домашнего творога и свежей, еще трепыхавшейся рыбы, специально выловленной для наших «заморских» гостей. Рядом с шашлыком зарумянились куски рыбы, а в густой каракумской темноте вновь появились все новые визитеры, спешившие поприветствовать гостей, а заодно посмотреть на «живых французов». Но не менее их были удивлены и гости, они представляли, что приедут в безжизненную пустыню, где, кроме археологов, да может быть редких чабанов, нет никакой жизни. А здесь со всех концов на освещенную пламенем ярко горящего костра площадку выруливали не только грузовики, но и вполне элегантные «жигули», какие они могли видеть на Елисейских полях в Париже.

Далеко за полночь затянулось знакомство, не все наутро вовремя приступили к своей работе. Зато под темным маргианским небом долго слышались заздравные тосты на русском, туркменском, французском и да же персидском языках. Наши французские коллеги по время своих многолетних экспедиций в Иран и Афганистан хорошо выучили иранский язык и что бы сделай приятное нашим местным белуджам, вскоре вообще перешли на этот язык, чем и вызвали неподдельное восхищение нашего друга Пирака и его земляков белуджей.

Кроме ознакомления на месте с результатами раскопок Тоголок-21 были запрограммированы поездки и на другие памятники, и, в частности, на ставший уже легендарным к тому времени столичный Гонур. Выезд был назначен на раннее утро, для чего из района должна была придти специальная машина-вездеход, Мы собирались удивить гостей лихостью, с какой наши машины будут въезжать на высоченные барханы. Уже прошло назначенное время, а потом и еще столько же. Бертиль с Роланом давно уже забрались на вершину холма, высматривая машину. Привыкшие к европейской пунктуальности, они наивно полагали, что машина придет в точно назначенное время, но я-то знал, что, следуя все тому же неистребимому туркменскому гостеприимству, наши хозяева постараются заправить машину не только первоклассным бензином, но и не менее первоклассными дарами природы этой чудесной страны.

Но это знали мы, а не наши французские друзья, решившие, что опоздание на три часа, означает деликатный отказ от самой поездки. Нужно было принимать срочные меры, но нашей экспедиционной машины на месте не было, и положение становилось отчаянным. И тут на горизонте появилось облачко пыли, приближалась машина.

Наивные гости радостно захлопали в ладоши, подхватили свои рюкзаки в предвкушении поездки ж комфортабельном вездеходе, но вместо него к нашему лагерю уже подъезжал на своем огромном грузовом автомобиле наш друг Ялкаб. Больше для проформы, чем на самом деле, мы спросили, не заменит ли он нам опоздавший вездеход, и, как всегда, безотказный Яша без долгих слов впрыгнул в кабину и, развернув свой грузовик, лихо притормозил около наших гостей. Настал самый, пожалуй, драматический момент. Не обидятся ли французы поездке в этой тяжелой и тряской машине через сыпучие пески, по бездорожью. Но нет, без колебаний они сразу же согласились, и вот, усадив Бертиль и кабину, а сами взгромоздившись в кузов, мы, несмотря на наступившую жару, направились в сторону Гонура. Позже они признались, что в ожидании они почти потеряли надежду посетить Гонур, о котором они мечтали еще в Париже.

Возвращаясь под вечер в лагерь, нагруженные находками и переполненные впечатлениями, мы увидели уже знакомую картину: у ярко пылающих углей суетились туркмены, рядом стоял роскошный вездеход, а под тентом на походной скатерти все то изобилие, что они привезли с собой, хотя и опоздали на много часов.

Тосты произносились на разных языках, героем этого вечера был Яша, сумевший исправить оплошность своих запоздавших земляков и поддержать на должном уровне поистине каракумский «туркменчилик».

Наши французские коллеги, привыкшие к монументальным сооружениям на Ай-Ханум, сначала как-то недоверчиво поглядывали на стены, вскрытые на Тоголок-21. Как мы помним, отличительной особенностью этого памятника была чрезвычайно плохая сохранность стен, так что местами бывшие полы помещений находились практически прямо на дневной поверхности. Особенно неприглядный вид имели стены построенные во второй период, возведенные на уже накопившихся мусорных слоях. Кривые, покосившиеся стенки невзрачных домов рядовых общинников даже в ту пору вряд ли производили эффектное впечатление. В результате сильных дождей, когда застоявшиеся лужи воды пропитывали мусорные слои влаги, постепенно стоявшие на них стены так же окрашивались в характерный зеленоватый цвет, что кстати сказать по-началу и нас сбивало с толку. Рассказывая о ходе раскопок, мы указывали на это нашим гостям, отмечая, что как только под лопатами рабочих появляются слои зеленоватого цвета, значит чаще всего это уже

мусорные слои второго периода. Хорошо уяснив этот вторичный признак Бертиль стала утверждать, что стены центрального комплекса «крепости» были построены во второй период, так как местами они так же оказались окрашенными в характерный зеленоватый цвет от прилежавших слоев мусора. Пришлось объяснить упомянутую закономерность, иначе легенда о храме, построенном на мусоре, могла бы широко распространиться среди европейских археологов.

Мы ожидали получить помощь от Ролана - специалиста по истории древнего монументального зодчества на Востоке. С первого же дня мы засыпали его вопросами, ожидая ответа сразу на все. Но в ответ получили в основном лишь то, что знали и сами: ничего полного ему еще не встречалось. В глубокой задумчивому часами бродил Ролан по нашим раскопам, в который раз рассматривая отдельные участки вскрытой планировки, сравнивая и сопоставляя с архитектурой Ближнего Востока.

Незаметно прошла неделя пребывания французских гостей, и они заторопились назад. Еще раньше у нас была договоренность с нашими друзьями из Мары устроить здесь небольшой прощальный обед перед посадкой на самолет. Рано утром выехали мы из нашего лагеря, осмотрев по пути несколько древних памятников и в том числе, ставший уже легендарным Яз-Тепе, где как мы помним тридцать лет назад кипела не только работа, но и горячие страсти, которые однажды привели к «восстанию .....». Наш обратный маршрут мы закончили на цитадели Гяур-Калы, отсюда оставалось прямым ходом ехать в Мары, где нас ожидал прощальный обед и отлет.

Ролан, оглядывая окрестности с цитадели Гяур-Калы, заметил вдали полуобрушенный купол сардобы, о которой он писал в своей книге, основываясь лишь на публикациях в нашей же литературе. Грех было не воспользоваться предоставившейся возможностью и не осмотреть сардобу на месте. Пока мы искали дорогу к ней, пока осматривали и фотографировали, прошло достаточно много времени, так что мы выехали в Мары с большим опозданием.

На полпути между городами Байрма-Али и Миры, у автострады стоит ресторан «Каракумы», где на этот раз нас встречал наш друг Баба Нияз. Оказывается уже давно здесь накрыты столы для гостей, и все готово для прощального обеда. Чего только не было на этих столах! Восточное гостеприимство на высоком европейском уровне провожало французских гостей с туркменской земли. Янтарная прозрачная шурпа, неизменный шашлык, капырга или иначе корейка на вертеле, рассыпчатый плов – далеко не полный перечень блюд этого прощального обеда. Все было в духе того времени - только минеральная вода и пепси-кола, но от этого наши тосты не стали менее горячими и тем более менее искренними. Особенно запомнился мне тост Ролана: «За Ваше маргианское царство» - сказал он, имея в виду местных туркмен, внимание и заботу которых они ощущали с самого первого дня их визита сюда. На десерт - ароматные дыни и огромные арбузы, виноградные гроздья и гранаты. «Лишь бы нас самолет поднял» - сказал Ролан после прощального обеда.

Времени оставалось в обрез, только-только осмотреть Мары, да и то не выходя из машины, но у въезда в город нас ожидала кавалькада машин, которая должна была сопровождать нас на запланированный нашим другом Гельдимурадом Амадиевым прощальный обед, куда мы и так бессовестно опоздали. Здесь-то и выяснилось недоразумение, оказывается в ресторане «Каракумы» был не «тот обед», его устроил в честь гостей директор хлопкозавода Овез Клыч, ничего не сказав и не предупредив нас. И теперь нас ожидало новое застолье! Ничего не ожидающие гости с любопытством поглядывали на нас, еще не зная какие испытания готовило им туркменское гостеприимство. И уже вскоре мы сидели за длинным банкетным столом, уставленным всевозможными и невозможными явствами. Наши гости, все еще улыбаясь, оглядывали его, думая, что это больше официальный, ни к чему не обязывающий протокольный ритуал.

Но убедившись, что дело принимает серьезный оборот Ролан начал было незаметно отставлять блюда, пока я ему не заметил, что здесь на востоке это может быть неправильно. И я до сих пор не понимаю, как он мог так буквально понять мои слова. Весь в

красных пятнах, потный и нервный, он, пожалуй единственный из нас, не хитрил и съел все, что подавали на стол. Не знаю как другие, но я до сих пор восхищаюсь его чисто галльским, галантным отношением к чужим обычаям и традициям. С честью выдержав все испытания, наши французские коллеги покинули гостеприимную землю Маргианы почти со слезами на глазах.

После отъезда французских коллег мы с удвоенной энергией продолжили раскопки, решив завершить их в этом году. Казалось, мы были близки к этому, практически холм Тоголок-21 оказался полностью раскопанным. Оставалось дочистить северо-западный угол внешней обводной стены, которая, как нам представлялось, была безнадежно смыта в результате естественной дефляции. И все же можно было попытаться проверить, до каких пор продолжается эта стена на север. Работа эта была доверена Святославу Кусову или просто Святу, который еще два года назад безуспешно пытался попасть в нашу экспедицию. С блеском закончив школу, он затем стал скитаться по разным экспедициям, преимущественно археологическим и за это время приобрел большие практические знания полевой археологии. Он мог сам найти стенку, прошифровать и расклассифицировать по типам керамику, приготовить обед на всю экспедицию - словом, не счесть достоинств Свята.

Но самое главное его достоинство заключалось в его завидной работоспособности землекопа. Как заведенная машина копал и отбрасывал он землю в течение всего рабочего дня, но ни минуты лишней! В экспедициях охраны труда нет, и Свят ревниво отстаивал права рабочих, на которые нередко посягало всяческое начальство. Внешне спокойный, он твердо придерживался своих собственных принципов экспедиционной жизни. Если он не копал, то читал, уютно и с комфортом устроившись под тентом.

В этот раз наши экспедиционные интеллектуалы завели научные споры о литературе, к которым, читая свою книгу, одним ухом прислушивался Святослав. И все бы закончилось мирно, если бы кто-то из них не обругал поэта В.Хлебникова. Как лопнувшая натянутая струна, взвился Свят в защиту своего кумира. Хулители получили от него сполна, но не только словами, а и длинными цитатами из стихотворений поэта, которыми как теперь выяснилось, был буквально начинен наш Святик.

Он-то и был поставлен на этот отдаленный участок Тоголок-21, так как сам, без нашей помощи мог определить, следует ли дальше внешняя обводная стены всего комплекса. Учитывая плохую сохранность стены мы ожидали, что к обеду Свят придет к нам со своими лопатами, установив, что стена бесследно исчезла, размытая и развеянная прошедшими тысячелетиями. И он вернулся к обеду, но без лопат, а с загадочной улыбкой – «там в сторону пошла боковая стенка». Такой поворот не предполагал никто из нас. Ведь внешняя обводная стена вокруг всего комплекса потому и была обводной, что за ее пределами уже ничего не должно было быть, как сейчас, так и в древности - лишь чистый пустой такыр. Особенно скептически настроен был Олег, открывший и проследивший обводную стену на всю ее длину.

Но ведь факты упряма ведь. Перед нами действительно находилась, хотя и тонкая, но стенка, отходящая под прямым углом в степь, в сторону бывшей столовой, устроенной еще в 1983 г. на ровном, чистом такыре. И хотя незапланированная стенка путала наши планы, она требует проверки на месте, и уже вскоре сюда были брошены наши основные силы во главе с Олегом. В самом деле, в противоположность массивным, широким стенам всего раскопанного комплекса, здесь внизу траншеи оконтуривалась хилая стенка шириной в один кирпич, да и высотой не более двух рядов кирпича. И это в то время, как сама обводная стена имела ширину в 2,5 м!

Глядя в тот первый день на невесть откуда взявшуюся стенку, мы и представить себе не могли, куда приведет нас эта тонкая ниточка. И понадобились многие дни тщательных раскопок, чтобы эта ниточка, обращаясь и снова появляясь, не привела нас к открытию, имевшему большое научное значение.

Как оказалось, в северо-западном углу Тоголок-21, прямо напротив площадки с двумя круглыми алтарями располагалась еще одна, условно названная нами «площадка с

платформами». Многодневные и широкомасштабные раскопки здесь выявили две прямоугольные платформы, наиболее сохранившаяся из которых к моменту раскопок имела четко выделенный проход и две внутривнутренние ниши, расположенные напротив друг друга. По краю платформа имела кирпичную оградку шириной всего один ряд кирпича и высотой в два ряда, которую и «зацепил» Свят в своей контрольной траншее.

Судя по всему, платформа уже с самого начала была открытой и по краю была обведена невысокой, до полуметра оградой. Вторая платформа оказалась много худшей сохранности, но и она имела обводную оградку и была открыта сверху. Подобно вышеописанным алтарям, обе платформы к моменту раскопок также оказались аккуратно заложенными внутри кирпичами поверх тонкого слоя надувного песка на полу. Между платформами с боку располагается еще одна конструкция в виде пяти прямоугольных камер, вытянутых в цепочку и сложенных из обычного сырцового кирпича. Для этого сначала в материке была вырыта глубокая прямоугольная траншея, внутри которой и были построены кирпичные камеры. Их верх совпадает с окружающей поверхностью. Изнутри все камеры оказались сильно прокаленными. Поэтому сначала мы предполагали, что они связаны с гончарным или медно-литейным производством. Но полное отсутствие каких-либо продухов внизу, для подачи воздуха, исключает такое предположение. А кроме того специалисты установили, что хотя в камерах и была очень высокая температура, она не превышала 500 градусов, то есть минимума.

И так, это могли быть только «огненные камеры», иначе говоря, алтари, в которых (судя по растрескавшимся от жара внутренним стенкам) бушевал огонь. Но в таком случае - это были подлинные алтари огня, свидетельствующие о культе огнепоклонников в Маргиане. Подобно платформам, алтари к моменту раскопок оказались специально забутованными кусками кирпичей и землей, лишь на полу находились слои, состоящие из зольных угольков. И хотя мы не нашли былых обводных стен, отграничивающих «площадку с платформами» от внешнего мира, можно было не сомневаться в том, что первоначально они были.

Так что, эта площадка, подобная расположенной напротив, была также укрыта в древности за высокими обводными стенами в северо-западном углу Тоголок-21. Раскопанные камеры скорее всего являлись алтарями огня, но в таком случае возникает вопрос: «Для кого они возводились?» Если вспомнить, что в «Авесте» неоднократно упоминаются площадки, на которых незримо для людей восседали боги и ангелы, то можно допустить, что именно для них и были возведены эти платформы. Не исключено, что по мысли древних на двух существующих платформах восседали противоположные по своей сущности божества, положительные и отрицательные по отношению к людям, которых они старались умилостивить, возжигая в их честь огонь в алтарях. Возможно в будущем будут предложены и другие гипотезы, но пока эта наиболее правдоподобная. Осталось лишь заметить, что в одной из камер был найден амулет, выточенный из кости, с изображением сидящего быка и каких-то знаков над ним, отдаленно напоминающим харапскую письменность далекой Индии.

В ходе дальнейших раскопок было встречено свыше 60 древних захоронений, могильные ямы устраивались на руинах былых помещений рядовых общинников. При этом были частично нарушены стены и полы этих помещений, что указывает на устройство здесь небольшого кладбища уже после того как, последние обитатели этих невзрачных жилищ окончательно оставили их и переселились в какое-то другое место. Как правило, погребальные приношения в таких могилах немногочисленны и включают в основном сосуды, правда, весной нам посчастливилось раскопать «кенотаф», в котором, кроме сосудов, находился бронзовый топорик.

Такие находки не часто балуют археологов. И каково же было наше удивление, когда осенью того же года нам посчастливилось найти еще одно такое захоронение, при раскопках восточной части памятника.

На этот раз, в могиле находился скелет взрослого человека, видимо мужчины, положенного родственниками на правый бок с согнутыми ногами, и руки его были сложены перед грудью. Вместе с ним было помещено в могилу 13 сосудов, в том числе один медный, сильно разрушенный к моменту раскопок и медный же кинжал, у локтя правой руки находился медный топорик с гравированным глазом на втулке, точно копирующий уже найденный раньше. На кисть левой руки был надет медный браслет. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, кто же был погребен в этой могиле, но ясно одно - этот человек занимал в местном обществе далеко не последнее место. Доказательством тому служит все тот же явно не бытовой, а церемониальный топорик, отмечающий высокий социальный статус погребенного. Судя по медному кинжалу, это мог быть удачливый военный начальник, отличительным символом которого и являлся топорик; надетый на длинную ручку он ярко поблескивал на солнце, подчеркивая блеск и могущество его владельца.

Зато совсем другой человек был погребен еще в одной могиле, встреченной при раскопках восточной части Тоголок-21. На этот раз в могиле в той же позе лежал пожилой мужчина, но в отличие от предыдущего без погребальных приношений, лишь в грудной клетке застрял бронзовый наконечник стрелы, окрасивший в характерный синеватый оттенок кости ребер. Перед нами был редкий случай, когда можно было наверняка сказать, что скончавшийся от раны возможно тоже воин, занимавший самую низкую ступеньку в маргианском обществе. Может он отдал жизнь за своих соотечественников. Самое большее, что они сделали для него - это похоронили на родовом кладбище. Очевидно, уже в это время местное общество было разделено на бедных и богатых, что в свою очередь указывает на глубокое социальное неравенство.

Осенью 1986 г. мы полностью закончили раскопки Тоголок-21. Теперь можно было подвести итоги и восстановить его планировку в общем виде, а не по частям, как это было сделано в предыдущих главах. Итак, древние строители выбрали небольшое естественное возвышение, около одного метра высотой, расположенное на ровной поверхности такыра. Имея перед собой готовый план, строители оставили возвышение в центре и обвели его гигантским прямоугольником стен, строго ориентируя их по странам света с общими размерами 130 на 110 м. Эта внешняя стена была шириной 2,5 м. И хотя мы не знаем с точностью ее былую высоту, но по расчетам специалистов она была около 5 м. По углам этого гигантского прямоугольника обводных стен строители возвели сложенные из кирпичей массивные круглые, пустотелые внутри башни. По периметру восточного, южного и западного фасов стен они выстроили пару добавочных полубашенок, так же пустотелых внутри; с северного фаса располагался главный вход с пилонами.

С самого начала при строительстве зодчие устроили в северо-восточной части комплекса специальную алтарную площадку, выложив ее сплошной кирпичной вымосткой. Здесь же, внутри алтарной площадки они возвели два однотипных круглых, но разных размеров алтаря: меньший, предназначенный для культовых жертвоприношений, больший - для культовых возлияний. Входы алтаря вели в рядом расположенные помещения, небольшие, тщательно обмазанные белоснежным алебастром. Соответственно в северо-западном углу была устроена «площадка с платформами» и алтари огня, состоящие из пяти камер, где горел ритуальный огонь.

Внутри этого гигантского прямоугольника внешних стен строители «вписали» второй, несколько меньший прямоугольник стен в виде каре, с круглыми башнями по углам и полу башенками по периметру внешних стен.

Вся площадь между обеими прямоугольными оградами оставалась пустой, ничем не застроенной. Площадь внутри второго прямоугольника так же оставалась ничем не застроенной, если не считать цепочку узких келий встроенных изнутри вдоль западного фаса каре. В середине южного фаса между двумя полубашенками был оставлен специальный проход, который связывал между собой оба «двора».

Наконец, внутри и этого второго прямоугольника каре была сооружена «крепость», составляющая центральную часть всего монументального комплекса. Вот над ее

строительством зодчие древности потрудились, не жалея ни сил, ни средств. Стены шириной свыше 4-х метров они возвели почти на десятиметровую высоту, укрепив их мощными угловыми башнями; в середине северной и южной стен, напротив друг друга были оставлены проходы.

Внутренняя планировка каре была под стать глухой, замкнутой планировке центральной «крепости». Ни одной улицы или какого-нибудь междудомного пространства, только помещения, связанные между собой лишь узкими проходами и коридорами, по видимому, со световыми «фонариками» в центре крыш. В северной части строители предусмотрели все необходимое для функционального назначения всего комплекса. В центре северной половины они построили «внутренний дворик», окружив его обводным коридором, а к западу от него встроили два «святилища» с возвышениями в узкой стороне.

Вторая южная часть имела подсобное назначение, причем обе части, как бы соединяла между собой «белая комната», где изготавливали священный напиток типа хаомы. Возможно, для храмовых служителей высшего ранга могли быть выстроены кельи в юго-западной части крепости, только им разрешалось заниматься приготовлением этого священного напитка.

Нетрудно представить, как по «большим праздникам» к главному храму страны Маргуш со всех сторон стекались жители на культовые празднества. В ожидании торжественной церемонии паломники располагались вдалеке, вокруг храма. За высокие стены храма заходит солнце. И вот уже длинная тень почти полностью накрывает толпу паломников, заполнивших площадь внутри внешних обводных стен. А в это время в центральной части «крепости» храмовые служители бережно разливают приготовленное ими заранее из мака и эфедры ритуальное питье по культовым сосудам. И вот медленно растворяются ворота «крепости» и в глубине ее появляется небольшая процессия храмовых жрецов. Закутанные, несмотря на жару, в длинные глухие одеяния, они на вытянутых руках несут сосуды, наполненные ритуальной жидкостью. В глубоком молчании процессия медленно приближается к алтарной площадке, где скрытые от посторонних взоров, жарко горят угли в малом алтаре.

Наконец, жрецы подошли к алтарной площадке и вошли в низкие прохладные комнаты, где уже заранее приготовлены дрова и жертвенные животные. Скрытые от взоров паломников глухими стенами комнат, жрецы приступают к положенным церемониям, но никто кроме посвященных не знает, что же они там делают. Наконец раскрылись маленькие двери, и главный жрец с штандартом, украшенном стеатитовой многолучевой розеткой с выгравированным крестом в центре, вступает на порог, ведущий в большой алтарь. Сзади него толпятся другие жрецы, бережно держа в руках культовый сосуд, украшенный по венчику скульптурными фигурками.

Вступив на кирпичный порог алтаря, главный жрец тихо шепча молитвы, медленно сливает культовый напиток из ритуального сосуда в кратер большого алтаря в центре которого курится небольшой очажок. Продолжая читать молитвы, жрец выплескивает часть напитка на поверхность алтаря, где от многолетних возлияний образовалась уже тонкая сухая корочка «пятна» на поверхности кратера.

Но не весь напиток выплеснул жрец в огонь, большая часть осталась в культовом сосуде и вот уже он разлит по маленьким миниатюрным чашечкам и вазочкам. Все присутствующие жрецы приступили к питью опьяняющего культового напитка. Одурманенные ритуальным питьем, они теперь готовы к культовым церемониям, которые проходят в присутствии всех паломников. И вот уже под звуки барабанов и флейт, в состоянии галлюцинации, жрецы выходят к молящимся и на широкой площадке начинают культовые танцы, включая акробатические прыжки.

Иногда жрецы направляются к площадке с платформами, где храмовые служки разжигают огонь в камерах, в отблесках пламени которого проходят ритуальные церемонии.

Так, или примерно так, археологи представляют культовые обряды, которые совершались здесь много веков назад, в раскопанном нами храме.

В Москве мы передали наши чертежи и всю полевую документацию архитекторам, чтобы наконец-то вычертить генеральный план Тоголок-21. Еще раньше в экспедицию был специально приглашен из Москвы из института Археологии Академии Наук СССР Яков Паромов, который помимо археологического имел архитектурное образование.

Именно он, как никто другой из нас, мог подойти к оценке раскопанного комплекса с общих историко-архитектурных позиций.

Яков часами бродил по руинам храма, прикидывая как могли освещаться помещения изнутри, какие конкретные проходы ведут в конкретные помещения, связывая их в единый микрокомплекс и т.д. Как хороший актер вживается в новый образ, так и он пытался реально представить, могли ли здесь быть. использованы купольные своды и если да, то какой пролет соответствовал бы этим требованиям. Только здесь, на месте, он смог установить максимальные параметры пролетов стен, которые могли нести перекрытия без колон. Яков сумел доказать, какой высоты достигали стены внешнего обвода, каре, центральной крепости.

Его консультации не раз помогали нам разобраться в вопросах строительной техники Тоголок-21. Так, при раскопках мы постоянно сталкивались с тем, что основания стен, особенно внешних, покоятся непосредственно на древнем аллювиальном песке. Уже выражение «Дом на песке» вызывает ассоциации с чем-то неустойчивым и непрочным, а тут «Храм на песке»! Эта проблема долго занимала нас. Мы выдвигали предположения одно фантастичнее другого. А ларчик просто открывался! Оказывается, до сих пор в строительном деле именно такой фундамент из твердоспрессованного песка и является наиболее основательным и оптимальным, особенно для строительства крупных сооружений.

По возвращении в Москву, к работам над планом Тоголок-21 подключился известный архитектор Валерий Антонов, имеющий богатый опыт строительства монументальных сооружений в Москве. Их совместными усилиями наконец-то и был вычерчен генеральный план храма Тоголок-21, поразивший не только новичков, но и нас своей грандиозностью и монументальностью. Позже на основании этого плана Валерием Антоновым из пенопласта был сделан макет храма в уменьшенном масштабе, который и украсил экспозицию местного районного музея.

Глава 13. Сельский храм Тоголок-1

Ранней весной 1987 г., после завершения раскопок на Тоголок-21. нужно было выбрать новый объект для следующих работ. Еще в 1974 г. на памятнике Тоголок-1 случайно, почти на дневной поверхности, нам посчастливилось обнаружить целый культовый сосуд с пятью миниатюрными сосудами внутри. Тогда же были предприняты пробные раскопки вокруг этого места, но ничего нового они тогда не добавили. Прошли годы, но ни мы, ни другие наши коллеги ничего похожего нигде не обнаружили. А ведь после раскопок храма Тоголок-21 стало очевидным, что в культовой обрядности подобные сосуды занимали центральное место. В таком случае, целый сосуд, найденный на Тоголок-1 десять лет назад, мог указывать, что и здесь возможны остатки культового здания. Все эти и некоторые другие соображения убедили нас начать стационарные, многолетние раскопки именно этого памятника.

Как уже упоминалось раньше, сам памятник состоит из довольно высокого холма и, расположенного рядом в его заниженной части, поселения, на поверхности которого и был найден культовый сосуд.

Но на этот раз, мы начали сразу не пробные, а широкомасштабные раскопки памятника: раскоп мы устроили на самой возвышенной, центральной части, располагающейся в северной стороне памятника.

После снятия слоя дерна появились не только фундаменты былых стен, но местами и полы помещений, практически выходящие на дневную поверхность. Учитывая очень плохую

сохранность памятника, нам приходилось работать с предельным вниманием. Лишний взмах лопаты - и даже слабые следы былых стен могли безвозвратно исчезнуть.

Мы тщательно зачищали дневную поверхность, Пласт за пластом снимали рабочие землю, но не углублялись вниз, а расчищали по горизонтальной площади. Наконец, под лопатами появились первые кирпичи, потом стены, по которым наметилась, в конце концов, и планировка памятника. На его северной окраине оконтурилась длинная, ровная стена почти двухметровой ширины, которая пройдя 30 м повернула внутрь, образовав два внешних угла, заканчивающихся круглыми башнями. Стало очевидным, что перед нами внешняя обводная степи центральной «крепости», такая же как на Тоголок-21, но почти вдвое меньших размеров.

Раскопки продолжались во все стороны памятника пока, наконец мы не выявили на этом месте почти квадратную «крепость» размером 30 на 30 м., обнесенную по краю обводной стеной двухметровой ширины. Уже с самого начала на северном фасае мы выявили две крупные башни, которым по логике должны были соответствовать две другие южного фасаа. До сих пор нам были известны крепости, у которых либо были башни по всем четырем углам, либо их не было. При дальнейших зачистках углов крепости мы обнаружили еще одну плохо сохранившуюся башню, но в отличие от двух северных, стоящих на материке, эта была построена на уже накопившихся мусорных слоях. Значит была возведена в более позднее время, и первоначально ее здесь не было. И четвертом углу, несмотря на все наши старания, мы вообще не нашли никаких следов башни. Наши недоумения рассеются много позднее, когда полностью завершатся раскопки этого памятника. А пока мы принялись расчищать помещения внутри крепости.

Свои раскопки мы начали с северной части, где выявили внешнюю обводную стену, которая в середине имела понижение, можно было предположить, что там был центральный въезд в «крепость». Но сохранность стены в пониженной части оказалась настолько плохой, что это, в высшей степени вероятное предположение так и не получило своего фактического подтверждения. Как оказалось внешняя северная стена сравнительно вскоре после своего возведения стала клониться и древние строители укрепили ее, поставив снаружи еще одну, основание которой уже не на материке, а на накопившихся мусорных слоях.

Внутри, за северной обводной стеной, располагаются помещения правильной геометрической конфигурации, причем все они сохранили белую гипсовую обмазку не только на стенах, но и на полах. Все это уже само по себе указывало на особое, необычное назначение раскапываемого памятника. Одна большая угловая зала к моменту раскопок оказалась сплошь заложеной внутри аккуратной кладкой сырцового кирпича. Под ней мы обнаружили пол, покрытый, также гипсовый обмазкой.

Пока мы занимались расчисткой северной анфилады комнат, раскопки все более расширялись внутри крепости. Под лопатами появлялись все новые стены. Соединяясь между собой, они образовывали все новые помещения. Так был оконтуриен второй ряд помещений внутри крепости, чрезвычайно узких и маленьких по размерам, вытянутых по линии восток-запад. Внутри них мы не обнаружили ничего, что указывало бы на их особое назначение, если не считать целой каменной «миниатюрной колонки» наподобие тех, что в несравненно большем количестве были встречались при раскопках центральной части Тоголок-21.

В системе прямоугольно вытянутых помещений выделяется одно, почти квадратное общей площадью 30 кв.м. Внутри, в центре его, располагаются такой же конфигурации, но меньшее по размерам, помещение с четырьмя проходами по середине каждой стены. Наконец, раскопки полностью оконтурили этот центральный участок памятника. Перед нами было помещение, близко напоминающее «крытый дворик» на Тоголок-21. Но если это действительно так, то нам оставалось найти здесь «белую комнату» наподобие той, что узкими коридорами соединялась с «крытым двориком» на Тоголок-21. И мы нашли ее.

Это было смежное с крытым двориком прямоугольное помещение с кирпичной «платформочкой» в углу, на которой сохранились раздавленные сосуды, цедилки со

специальными отверстиями в центре, употреблявшиеся, как мы теперь знаем, для приготовления ритуального напитка типа хаомы. Правда, здесь на кирпичной «платформочке» не возвышались огромные пифосы, как в «белой комнате» на Тоголок-21. Зато Валерий Гончаренко обнаружил здесь нечто более интересное.

Валерий появился у нас еще в 1986 г., когда завершались раскопки Тоголок-21. Казалось бы, это очередной интеллектуал-рабочий, который подобно многим другим принял участие в раскопках, чтобы посмотреть на Азию и потом вспоминать о ней, как об очередном жизненном эпизоде. Но не так получилось на этот раз. И хотя Валерий уже раньше бывал в археологических раскопках на Тамани и в общем был знаком с этой работой, здесь он все больше и больше попадал под влияние Востока. Казалось бы, тяжелые условия жизни и работы в Каракумах не выдерживали никакого сравнения с бытом археологов, работающих на Тамани. Там можно было окунуться в прохладные волны Черного моря, здесь жара, песок и пыль. Но Каракумы победили Тамань. Под палящим солнцем Валерий, уже профессиональный археолог, тщательно и методично снимает слой за слоем и наконец выходит на уровень пола. Неожиданно под скальпелем появились сначала хрупкие обломки гипсового крошева, а затем и специальные канавки в полу, тщательно обмазанные внутри тонким слоем гипса. Понадобилась многодневная, а главное многотрудная расчистка, чтобы установить, что от кирпичной «платформочки» в полу расходятся в разные стороны три желоба, тщательно обмазанные изнутри белым гипсом. И хотя мы так и не установили с точностью, для чего они служили, их функциональная связь с процессом приготовления ритуального напитка несомненна.

Эта комната от «крытого дворика» отделялась глухой стеной. Два прохода вели от дворика в два помещения, поразительно однотипные по планировке и, можно предположить, однотипные по назначению. Одно помещение располагалось непосредственно к югу от «крытого дворика».

В южной части древние строители возвели небольшое кирпичное возвышение, своеобразный подиум, ограниченный двумя пилонами. К моменту раскопок верхняя поверхность подиума, покрытая белоснежной гипсовой обмазкой, почти выходила на уровень дернового слоя памятника. Еще несколько лет, и она оказалась бы смытой дождями и развеянной ветрами.

Первоначально помещение было глухое, но на каком-то этапе в восточной части подиума в стене был пробит проход, ведущий в смежное помещение. И здесь, в его южной части, сохранилось возвышение – подиум, также ограниченный двумя выступами пилонами. Несмотря на плохую сохранность стен, все же удалось установить, что верхняя плоскость подиума, покрытая белой гипсовой обмазкой, возвышалась над уровнем пола всего на 10-12 см. высота их в древности была именно такой. Сами помещения напоминают «молельни» на Тоголок-21.

На полу перед подиумом были найдены обожженные до черна кости животных, костями животных, песком и золой были заполнены четыре ямки-лунки, обнаруженные нами в полу. Ямки-лунки явно связаны с культовыми ритуалами, возможно жертвоприношениями. И возможно, не случайно в двух других смежных помещениях на полах были найдены целые «миниатюрные колонки» и обломки от них. Возможно, они тоже были связаны с культовыми церемониями, проходившими в раскопанных нами молельнях.

Между храмами на Тоголок-1 и Тоголок-21 кроме сходства имелись и существенные различия. На Тоголок-21, именно в «крытом дворике», располагалась керамическая площадка с дренажной системой под полом, чего не было встречено в «крытом дворике» на Тоголок-1, но подобное устройство мы обнаружили несколько позднее в другой части памятника, в двух смежных помещениях. В северо-восточном углу помещения мы расчистили небольшую возвышенную площадку, выстланную кусками керамического шлака, принесенного со стороны. На полу прохода, ведущего в соседнее помещение, опять появился полукруглый желоб, образованный кусками шлака. Этот желоб, через стену крепости, выходил наружу.

Налицо плохо сохранившаяся, небрежно сделанная дренажная система, устроенная на втором этапе существования комплекса. Первоначально она видимо, была связана с возвышенной площадкой, на которой могли закалывать жертвенных животных, их кровь по желобу выводилась за пределы обводных стен «крепости».

Другие помещения внутри "крепости" с трудом поддавались определению относительно их назначения. Нет сомнений, что все помещения, заключенные в квадрат обводных стен «крепости», были взаимосвязаны между собой и выполняли общие для них всех функции. Но какие?

Планировка «крепости» Тоголок-1 представляет собой ухудшенный «провинциальный» вариант Тоголок-21, но общее функциональное назначение их в качестве сооружений, связанных с приготовлением культовых напитков представляется наиболее вероятным. Как там, так и здесь имеется свой «крытый дворик», «белая комната», «молеельни», «жертвенное место» с дренажем. А кроме того, при расчистке северо-западной башни, мы нашли костяную трубочку, обломки культовых, ритуальных сосудов наподобие тех, что были встречены в Тоголок-21.

Иначе говоря, создается впечатление, что если храм Тоголок-21 был своего рода кафедральным собором, то Тоголок-1 - сельской приходской церковью, предназначенной для прихожан, обитавших в рядом расположенных поселениях. Дополнительные доказательства этому мы нашли позже, когда расширили работы и приступили к раскопкам за внешними стенами «крепости».

Весенний полевой сезон подходил к концу, а каких-либо значительных находок сделано не было. Правда, нами были обнаружены терракотовые фигурки, среди них двугорбые верблюды, каменные печати и амулеты и даже терракотовая печать с изображением скорпиона, выполненного в полном согласии с натурой. Но все эти находки, интересные сами по себе, не могли претендовать на «гвоздь сезона». Времени до завершения полевых работ оставалось все меньше и меньше. Раскопки уже давно вышли за пределы обводных стен «крепости» в южную сторону, где можно было ожидать продолжения монументальной архитектуры. Однако здесь сразу же под лопатами оконтурились лишь жалкие лачуги бедного люда прошедших тысячелетий. Чем более расширялись раскопки, тем становилось очевиднее, что это были жилища рядовых общинников, обживших это место, когда «крепость» уже захирела, а возможно и была окончательно заброшена.

До нашего отъезда оставались считанные дни. Косоугольные комнатки с тонкими хилыми часто покосившимися стенками не обещали каких-либо интересных находок. Каждодневная наша «добыча» состояла из десятков и сотен черепков некогда разбитой посуды.

Я уже упоминал, что стены былых помещений на Тоголок-1 сохранились не более чем на высоту в 1-2 ряда кирпичей, так что местами полы комнат сразу же появлялись под слоем дерна.

Неожиданно в одном из вскрытых помещений мы углубились до полуметра вниз, потом еще глубже. Под лопатами шли обычные мусорные слои с золой, угольками, костями животных, разбитой посудой. Наконец оконтурилась огромная мусорная яма, которой, казалось не будет конца.

На время мы отложили эту работу и перешли к раскопкам других помещений.

И вот теперь, в последние, дни нам предстояло очистить яму с мусором до материка.

В тот день с утра я выехал на Тоголок-21 ни древнее захоронение могильника, яма которого находилась необычно глубоко, почти на метровой глубине. Казалось бы, такая глубокая могила обещает захоронение лица, занимавшего важный социальный статус в местном обществе. Поэтому мы ожидали найти в ней особые погребальные приношения. Но дочистка могилы выявили лишь скелет в окружении всего нескольких обычных скромных керамических сосудов и не более того.

На Тоголок-21 мы раскопали около 70 древних могил, но ничего особенного в них не нашли.

Наши французские коллеги в Белуджистане раскопали всего несколько могил этого времени, но, найденные в них, погребальные приношения намного превосходит по своей значимости наши Маргианские находки. А ведь и там, и тут раскапывали могилы людей, взаимная культурно-историческая близость которых не вызывает сомнений. Можно было ожидать таких же выдающихся находок и здесь в Маргиане.

Все это я и высказал своим спутникам по пути в лагерь, когда мы возвращались туда на обеденный перерыв. После обеда они принялись без энтузиазма дочищать мусорную яму. Необходимо было закончить это утомительное и неблагодарное, но обязательное дело. Профессиональная этика не позволяла оставлять недочищенной яму, если даже она всего лишь мусорная!

Неожиданно на дне ямы показался венчик какого-то сосуда, затем второго, третьего. Стало очевидным, что это погребальные сосуды. Это были последние дни полевого сезона, а расчистка требовала особой тщательности и дополнительного времени.

В этот сезон в наших работах принимала участие Люся Пьянкова, специалист по изучению древних погребений. Безо всякого энтузиазма она принялась за расчистку казалось бы очередной рядовой могилы. Уже вскоре оконтурился человеческий скелет в окружении множества погребальных сосудов. К счастью Люся не только великолепно расчищала захоронения, но и являлась специалистом по древней керамике. Наметанным взглядом окинув расчищенные сосуды, она сразу же выделила один, средних размеров, необычной шаровидной формы, с глубоко прочерченным орнаментом и окрашенный изнутри красной краской. Сосуд был поставлен у ног покойного. Ничего подобного никто ранее в Маргиане не находил, но даже и эта находка не вызвала у нас особого энтузиазма. Чтобы очистить сосуд от насыпавшейся земли, Люся передала его мне, и я принялся безо всякой надежды крошить затвердевшую землю внутри сосуда.

Острым, длинным археологическим ножом была вынута уже почти вся земля, появилось дно, и ничего кроме насыпной земли в сосуде не было.

В сердцах я не стал дочищать его, а попросту перевернул вверх дном и стал трясти над расстеленной на земле бумагой. И вдруг среди серых комков земли взгляд выхватил черный цилиндр с гравированной поверхностью. Еще боясь поверить этому, я бросился к палатке, где можно было его отмыть и сделать пластилиновый отпечаток. Наконец, на моей дрожащей от волнения ладони лежит пластилиновый отпечаток, с еще непонятными для меня изображениями. Какие-то люди со звериными головами, хищники, стоящий на задних ногах бык, акробат, прыгающий через шест... Бесспорно, это была цилиндрическая печать типа хорошо известных в Месопотамии. Я еще не успел толком разобраться в этой замысловатой композиции, как услышал радостные крики Люси, звавшей меня на раскоп. Оказывается, пока я лихорадочно чистил цилиндрическую печать, более спокойные и рассудительные сотрудники, стали заново перебирать комочки земли из сосуда, дробя и размалывая их почти в пыль.

И оказалось не зря! Передо мной россыпью блестели яркочерные сердоликовые, синие лазуритовые и голубые бирюзовые бусы. Изумрудным цветом отливали наручные браслеты, булавки, серьги.

Но главную находку составляли два амулета. Один черного стеатита с гравированными изображениями: на одной плоскости была изображена птица, которую обвивает змея. С другой стороны амулета на меня смотрел крылатый лев с рептилией под животом. Второй амулет белого цвета, изготовлен из гретого стеатита с четким рисунком горбатого быка индийской породы и двугорбого верблюда в окружении драконов.

Итак, впервые амулеты мургабского стиля были найдены не на поверхности древнего поселения, куда теоретически они могли попасть в самое разное время, а в погребении, что абсолютно исключало элемент случайности. И кроме того, они находились вместе с цилиндрической печатью, окончательно подтверждая этим их действительное взаимное сосуществование в Маргиане во II тыс. до н.э.

Суммируя полученные данные, теперь можно было представить общую картину захоронения. Рано умершую молодую женщину, безутешные в своем горе, родственники решили похоронить в, заброшенном к тому времени, помещении. Для этого они вырыли яму почти полутораметровой глубины, на дне которой сложили из сырцового кирпича небольшой склеп. Вместе с покойной они положили 19 сосудов, ее ожерелье из лазуритовых, сердоликовых и бирюзовых бус, а также два амулета и цилиндрическую печать. Все это они бережно поместили внутрь сосуда, который поставили у ног покойной. Вместе с ожерельем они положили туда ее серьги и головные булавки.

Но и это еще не все. Около вазы они оставили двулезвенный бронзовый клинок, предварительно согнутый в вдвое. Наконец, в вазу на высокой ножке они положили бараний крестец. По поверьям маргианцев умершие и в загробном мире ведут тот же образ жизни и нуждаются, как и живые, в обильной пище. Чтобы предохранить могилу от возможного разграбления и разрушения, родственники засыпали ее сверху толстым слоем мусора. Теперь, разобравшись с историей этого древнего захоронения, можно было внимательно рассмотреть гравировку на цилиндрической печати. Оказалось, на ней нет ни одного подлинно человеческого персонажа, только люди с головами обезьян. Двое из них держат высокий шест, через который, изящно изогнувшись прыгает акробат. Дальше изображен сидящий на земле музыкант, отчаянно бьющий в большой круглый барабан, перед персонажем с булавой, сидящим на корточках, на задних ногах стоит бык. Во втором верхнем регистре изображен по-видимому, волк, а рядом коленапреклоненная фигура, держащая в обеих руках церемониальные булавы с шарами - бесспорно символами бога солнца Шамаша месопотамской глиптики. Этот факт имел для нас особое значение, так как впервые мы обнаружили бесспорное свидетельство влияния далекой Месопотамии на Маргиану, за которым безусловно кроются вполне определенные исторические связи. Но какие?

Ответ мы нашли много позже, когда вернулись в Москву и пересмотрели многие десятки, если не сотни, книг и статей на эту тему. Результат наших исследований оказался однозначным. Налицо было не просто месопотамское влияние, а северо-месопотамское, сирийское, где некогда располагалось Хеттское царство и, в частности, страна Митания.

В древнем искусстве хеттского и митанийского царств известны были изображения животных, играющих на музыкальных инструментах, так что специалисты выделили даже особую тему, которую они так и назвали «капеллы животных». И хотя изображения музыкантов имеются и в самой Месопотамии, показательно, что на маргианском цилиндре все они имеют головы обезьян. Такие синкретичные образы более всего известны в Хеттском искусстве, где также встречаются изображения божеств, держащих вдвоем булаву с шарами. Наконец, известны и сцены с прыгающими акробатами. Кстати, изображения булав с шарами, символизирующими собой «стабильность», является чисто египетским, которое затем проникло в Месопотамию.

Среди этих, греко-египетских, аналогий особенно выделяются древнегреческие, (т.н. крито-микенские), в частности, фрески дворца на Крите со сценами акробатов, прыгающих через быков. Имеются эти сюжеты и на крито-микенских печатях, где, хорошо сложенные, атлеты прыгают через быка, легко касаясь его спины вытянутыми руками. Казалось бы, налицо тематическая переключка прыгающих акробатов, только на маргианском цилиндре акробат прыгает через шест. Тогда нам очень не доставало такого сюжета, да мы и не надеялись найти что-то похожее в Маргиане, отделенной не только от Месопотамии, но и от Греции многими тысячами километров.

И все же такие доказательства мы нашли спустя ровно год, весной 1988 г.

Именно в тот год в Каракумах появился Володя Чащин из далекого уральского города Ирбита. Муза странствий и подлинная увлеченность археологией уже давно привели его в археологические экспедиции. Только в свой очередной отпуск на основной работе (совсем по другой специальности), он мог работать с нами. Володе приехал в Каракумы в 1988 г. и, сначала, казалось ничем не отличался от всех остальных сотрудников, разве только тем, что

даже в короткие перерывы не отдыхал как все мы, укрывшись в тени, а бродил вокруг раскопок, надеясь подобрать на поверхности памятника какую-либо счастливую находку. Мы лишь лениво поглядывали на новичка - подожди, наступит каракумская жара и тогда все вместе будем прятаться от жгучих лучей солнца в глубине раскопа.

Но шли дни, менялась погода, но ничего не изменялось в поведении Володи. Разве только одно, - что теперь он продолжал свои поиски не только в короткие перерывы, но и до работы, и после нее, и даже между утренней и вечерней сменами. В дождь и холод, в зной и жару, вместо послеобеденного отдыха, он отправлялся в свои дальние и близкие походы. И сам того не желая стал для нас живым укором.

Из своих поисковых маршрутов он никогда не возвращался с пустыми руками. Терракотовые фигурки, яркие бусинки, бронзовые печати, стеатитовые амулеты.

В тот весенний полевой сезон мы продолжали раскопки на Тоголог-1, но Володя не обходил своим вниманием и храм на Тоголог-21. Пока он не нашел там ничего выдающегося. Казалось, все уже было подобрано за многолетние раскопки. В тот год к нам прибыла киногоруппа из Москвы для съемок фильма о Маргиане. В планы киногоруппы входил эпизод съемок горящих алтарей на фоне заходящего вечернего солнца. Но когда, тщательно скрывая друг от друга тайное тщеславие, мы устроились вокруг горящих алтарей, в их отблесках не было лишь скромного Володи.

Он незаметно ушел в сторону отвалов. Подумалось даже - сидел бы рядом с нами, если светлым днем ничего там не нашел, то чего уж ждать в темноте.

Нампора было возвращаться в лагерь, а Володя еще не вернулся. Включив фары машины, я стал объезжать высоченные отвалы прошлогодней земли, пока не увидел вдаль медленно идущего ко мне Володю. Как всегда со скромной, даже извиняющейся улыбкой, он протянул мне очередную находку, амулет, искусно выполненного верблюда. Вернувшись в лагерь и тщательно промыв амулет, мы по достоинству смогли оценить находку. Красавец верблюд, мягко изогнув шею, облизывает свою заднюю ногу. Четко моделированные детали головы с парадным султаном, подчеркнутая мускулатура тела этого гордого животного, живой взгляд глаз с выделенными бусинками-зрачками - все говорило о незаурядном мастерстве неизвестного камнереза.

Но и это еще не все. С другой стороны амулета была выгравирована сюжетная сценка: мчащийся бык, сверху его атакуют три орла. Ниже, во втором регистре, частично сохранились две человеческие фигуры, возможно божества. В основании амулета изображена сцена охоты на горного козла, которого преследуют собаки. Козел показан взбирающимся на гору с пугливо повернутой в сторону преследователей головой, шею его уже поразила стрела охотника. Сцена точно копирующая аналогичные на цилиндрических печатях Аккадского периода Месопотамии! Тогда мы были зачарованы эстетической стороной, наши эмоции явно преобладали над сухим рационализмом исследователя. Лишь через несколько дней, сделав много пластилиновых оттисков, я неожиданно обнаружил деталь, ранее ускользнувшую от моего внимания. Амулет был частично обломан еще в древности, но по линии облома сохранилось изображение ног, летящего «вверх тормашками» человека. И сколько бы мы не сетовали на то, что амулет оказался обломанным, важно одно – это подобие крито-микенских изображений – здесь акробат прыгает через быка! Теперь оставалось одно, осмыслить этот документально установленный факт.

Вот тогда-то я и вспомнил амулеты из разграбленных могил Бактрии и попавшие в конечном счете во многие знаменитые музеи Европы и Америки. На одном из них сохранилось изображение божества, борющегося с пятиглавой гидрой, живо напоминая известный миф о Геракле и лернейской гидре. На другом амулете было изображение поверженного на землю человека и клюющего его орла. Это было созвучно мифу о Прометее, которого терзал орел, за то, что он подарил огонь людям. Но в таком случае, не имеется ли связь между этими еще разрозненными, но документально установленными фактами? Может не случайно большая племенная миграция, которая обязана своим

происхождением Бактрии и Маргиане, по времени совпадает с ахейской миграцией в материковую Грецию?

Тогда можно допустить и одновременную миграцию племен из одного переднеазиатского центра по разным направлениям. Такое предположение находит косвенное подтверждение не только со стороны археологии, но и лингвистики. В самые последние годы советские филологи Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.В.Иванов выдвинули новую теорию о существовании в Передней Азии еще в V-IV тыс. до н.э. греко-армяно-арийской языковой общности, которая позднее разделилась на несколько ветвей. Одна из них, а именно арийская, иначе индоиранская уходит далеко на восток и достигает Ирана, Афганистана, южных областей Средней Азии и индийского субконтинента. Другая племенная волна, ахейская, устремляется на запад, в сторону балканского полуострова, и затем – в материковую Грецию. Эти исторические события относятся к началу II тыс. до н.э., что уже само по себе наводит на мысль о их возможной изначальной взаимосвязи.

Пока это еще отрывочные, эпизодические наблюдения. Но знаменателен сам факт, что новая теория находит подтверждение со стороны различных наук: археологии, лингвистики, антропологии. И это, весьма, показательно. Очевидно, что мы стоим на пороге нового открытия. Более того, лингвисты установили, что митаннийский язык ближе всего стоит к древнеиндийскому, на котором говорили те арии, что в II тыс. до н.э. расселились на индийском субконтиненте. И можно только посетовать на то, что ни в Бактрии, ни в Маргиане мы не имеем памятников древней письменности, которая бесспорно прояснила бы эту чрезвычайно интересную и важную проблему в мировой истории.

Осенний полевой сезон 1987 г. проходил на том же памятнике Тоголок-1. Основные раскопки велись за внешними стенами «крепости», где располагались все те же невзрачные постройки, если не сказать лачуги, местной бедноты. Теперь мы с точностью установили, что вокруг крепости в основном находятся строения общинников, причем в западной части располагалась керамическая мастерская с гончарными горнами и отвалами бракованной посуды. Раскопки выявляли все новые помещения рядовых общинников. Надежда оставалась лишь на погребения, которые были выявлены, но не раскопаны в весенний полевой сезон. В нашей памяти еще свежи были заманчивые результаты, полученные в ходе раскопок могилы, запрятанной глубоко в земле под мусорным слоем. В тех помещениях нам удалось выявить такие же глубокие могильные ямы, к раскопкам которых мы приступили только сейчас. Все они располагались на большой глубине, для них были прорублены полы бывших помещений центральной крепости. В одной из таких могил мы обнаружили захоронение молодой женщины 15-17 лет в скорченном положении на боку. При погребении родственники положили рядом с умершей нагрудное ожерелье, состоящее из 19 дисковидных лазуритовых бусин с двумя колечками-замочками, концы которых были не замкнуты. Когда ожерелье надевалось на шею колечки легко вставлялись друг в друга через незамкнутые концы и легким нажатием пальцев надежно закреплялись вместе. Это наблюдение имело для нас принципиально важное значение, так как раньше все такие колечки с незамкнутыми концами археологами определялись как сережки.

Следующее погребение располагалось почти на полтора метра глубине в аккуратно вырубленной в полу бывшего помещения могильной яме. Стены могилы оказались выложенными кирпичом и, что было важным и ранее неизвестным в Маргиане, оказались обмазанными толстым слоем белого алебаstra, переходящего на пол могилы. В этом белоснежном алебастровом «саркофаге» покоилась женщина, на боку, в скорченном положении. Казалось такая пышная отделка могилы предполагает и богатые погребальные приношения. Но ничего, кроме одного керамического сосуда и бронзовой чашечки, там положено не было. Правда, высокий социальный ранг умершей могла отличать бронзовая прямоугольная пластинка, от которой сохранилось лишь пятно окиси. Как привило, умерших в Маргиане, хоронили головой на север. Однако эта прямоугольная могила, повторяя контуры самого помещения, была вытянута по оси «восток-запад».

Создается впечатление, что ориентировка умершего строго на север не всегда и не для всех была обязательной.

Последнее в пределах крепости погребение совершенно озадачило нас. И здесь могильная яма повторила контуры комнаты и была ориентирована по оси «восток-запад». Причем дно могильной ямы находилось на глубине почти 2 м. Мы ожидали найти богатые погребальные приношения, но не нашли даже костяка. В восточном углу под сырцовым кирпичом сохранились лишь фаланги пальцев.

Правда, здесь же в куче из костей, мы нашли две крупные агатовые бусины и плоскую лазуритовую пронизку с гравированным изображением какого-то животного и антропоморфного божества с птичьей головой.

Все эти факты можно было интерпретировать следующим образом: могила была ограблена еще в древности, и все, что мы нашли, оказалось просто не замененным грабителями. Но, как и каждое, это предположение следовало проверить на практике.

Для этого мы собрали все фаланги пальцев, и уже в Москве отдали антропологам. К нашему изумлению это оказались фаланги пальцев не только рук, но и ног. Собранные вместе и заложенные сверху кирпичом они свидетельствовали не об ограблении, а о преднамеренном захоронении костей бывшего скелета. В таком случае, можно предполагать существование у древних маргушцев погребального обряда, когда труп сначала выставлялся на специальное возвышение, и после очищения скелета от мяса хищными животными и стервятниками, кости перезахоранивались в специальную могилу.

Но и в таком случае остается неясным, почему здесь в глубокой могиле мы не нашли, пусть и разрозненных, остальных костей скелета и череп?

Такие погребения были обнаружены нами и за пределами крепости. В одном случае череп и кости были сложены аккуратной кучкой в большой фрагмент от пифоса и закрыты сверху таким же обломком. В другом - среди разрозненных костей находился разбитый череп. Все это указывает на возможный обычай перезахоронения скелетов, который позднее будет столь характерен для погребальных обрядов зороастризма.

А пока подходил к концу полевой сезон 1987 г., и можно было подвести некоторые итоги.

Раскопки выявили центральную крепость размером 30x30 м., с широкими прямыми стенами и всего двумя башнями с северного фаса. К западу от крепости отходит прямая широкая стена, которая под прямым углом поворачивает в южную сторону. Напротив, от восточного фаса, отходит вторая стена, такая же широкая и основательная, и которая так же поворачивает в южную сторону. К счастью, восточная обводная стена сохранилась много лучше западной, и, двигаясь вдоль нее, нам удалось установить, что она постепенно, дугой, поворачивает на юго-запад, а затем - прямо на запад, навстречу обводной стене.

Окончательно обводную стену по всей длине мы проследили позднее, на следующий год. А пока раскопки установили, что в восточной части всего этого комплекса располагается обширный двор, с кирпичной выстилкой и несколькими изолированными помещениями. В северной части двора сразу же под лопатами рабочих оконтурилась большая яма, уходящая глубоко вниз, в материк. На полуметровой глубине обнаружилась небольшая ступенька, а на полтораметровой – пол. В мусорном слое расчищено скопление больших обломков керамики, по крайней мере от двух культовых сосудов, с обычными для них налепными фигурками животных, некогда прикрепленными на бортики. Среди обломков были найдены налепные извивающиеся змеи, которые обычно располагаются изнутри таких сосудов. Неожиданно, в мягком мусорном слое была обнаружена нижняя челюсть человеческого черепа, но объяснение этому тогда было дать сложно. Не ясным оставалось так же происхождение твердой комковатой земли без каких-либо включений. Сверху она перекрывала груды целых, хотя и раздавленных сосудов, которые почему-то в момент раскопок лежали вверх дном. Создавалось впечатление, что их специально как бы «ссыпали» сверху в яму, но в таком случае оставалось неясным, почему практически все они оказались целыми. Ответ на все эти недоуменные «почему» мы получили лишь в следующем году.

Весной 1988 г. мы продолжили раскопки этой ямы, которую теперь оконтурили полностью. Она была прямоугольной формы необычно больших размеров (6 x 4 м) и глубиной свыше полутора метров. Яма была вырыта в материке, вся ее площадь, за исключением небольшой части у порожка, присыпанной мягким слоем, была засыпана комковатой землей из ее выброса.

Еще не зная с точностью, что же это за яма, мы интуитивно чувствовали ее необычность, и поэтому решили оставить контрольную, нераскопанную бровку, которая могла бы в конце работ объяснить нам характер слоев внутри ямы. Дни проходили за днями, а под лопатами рабочих шла все та же комковатая «материковая» земля. Так продолжалось до тех пор, пока мы не приблизились к полу, где неожиданно обнаружили обломок т.н. «миниатюрной колонки», выточенной из черного камня и богато инкрустированной белыми фигурками-вставками вырезанными из камня. До этого были известны только две такие «миниатюрные колонки»: одна - из поселения Гиссар в Иране, находящаяся теперь в музее Филадельфии; вторая - из разграбленной могилы Бактрии, украшающая витрину Лувра в Париже.

А третий экземпляр, правда разбитый, теперь был найден в Маргиане. Рядом с этим обломком мы нашли еще несколько десятков вставок, но особенно много их было обнаружено в углу ямы, среди огромного скопления целых, хотя и раздавленных сосудов. Теперь мы переменили методику раскопок, лопаты сменились щетками, совками и скальпелями. Особенно тщательно расчищали слой, располагавшийся непосредственно над полом ямы, и, как оказалось, не зря. Уже вскоре под щетками и скальпелями рядом с обломком «миниатюрной колонки», стали появляться человеческие кости, и стало очевидным, что перед нами не простая яма, а могильная. Но таких огромных размеров, что можно было предположить захоронение какого-то выдающегося лица, занимавшего элитарное положение в местном обществе. Словом, при расчистке могилы следовало проявлять предельную осторожность. Специальными профессиональными навыками в полной мере обладала лишь Люся Пьянкова, которая первая и приступила к расчистке могилы.

При дальнейших раскопках ямы удалось установить, что здесь покоятся останки не одного, а, по крайней мере, двух покойников, из которых лишь один, да и то частично, сохранил правильное анатомическое расположение костей. От второго скелета мы нашли лишь черепную коробку, обломки верхней челюсти, да несколько длинных костей, к тому же хаотично разбросанных. Создавалось впечатление, что перед нами сильно нарушенное захоронение, возможно даже разграбленное. Расчистка второго скелета показала, что покойный лежал в неестественной позе на спине, причем, одна рука была заломлена под спину, как это бывает при неожиданной и насильственной смерти. Но и это еще не все - у его таза находились фаланги пальцев, которые по своему месту расположения никак не могли принадлежать этому костяку. Возникшие вопросы требовали участия специалистов-антропологов. Мы обратились к Оразу Бабакову, кандидату наук, старейшему и единственному антропологу в Академии Наук Туркмении ССР. В 1972 г. он впервые принимал участие в поисках древней страны Маргуш, и именно он и определил несколько черепов из могил Аучина. Теперь, спустя 15 лет, Ораз любезно откликнулся на нашу просьбу и специально прилетел из Ашхабада для консультации по древним захоронениям на Тоголок-1.

Спустившись в могилу, Ораз установил, что в действительности фаланги пальцев у таза целого скелета принадлежат ему, и являются они фалангами пальцев ног первого скелета, безнадежно разрушенного и разбросанного по полу ямы. В таком случае, можно было уже предположить, что этот скелет первоначально лежал на боку, головой на север, традиционно для маргианских захоронений. Но тогда, второй был погребен у него в ногах, как это свойственно при погребении господина и раба в классовых обществах. Однако, пока для Маргианы таких свидетельств ни у нас, ни у других археологов не было. Как бы то ни было, но огромные размеры могилы с необычными захоронениями дразнили наше

воображение, и мы уже готовились принимать поздравления по поводу будущих богатых находок. Ожидая большого наплыва визитеров, мы даже прибили у края ямы столбик с табличкой «В яму не спускаться», но оказалось преждевременно. За много веков до нас туда уже спустились «джентельмены удачи», и если кто кого и поздравлял, то не мы: а они себя.

Расчистка могилы продолжалась, теперь она шла в южной части, около оставленной бровки. И как бы ни старались мы соблюдать осторожность, при очередной расчистке под скальпелем развалился рог животного. За рогом появился и сам череп. Теперь уже только Люся работала в могиле, и хотя ей ассистировали лаборантки, понадобилось много нелегких и кропотливых часов и дней под палящим солнцем, пока она установила реальную картину. Как оказалось, здесь когда-то запрокинув вверх морду, на боку, лежал великолепный экземпляр быка, о былой мощи которого можно судить по крутоизогнутому необломанному рогу. Но и это еще не все. Рядом с ним появились другие кости животного, которые по мере их расчистки, наконец, составили костяк второго быка, хотя и меньших размеров. Около них, на полметра выше, располагался большой сосуд, бедренная кость животного и медный «дуршлаг».

Итак, в огромной яме мы обнаружили скелеты двух людей и двух быков, а рядом в углу свыше ста раздавленных сосудов. В который раз анализируя и сопоставляя факты, мы установили, что молодой бычок частично перекрыт сверху взрослым, хвост которого в свою очередь перекрывает правое плечо погонщика. Из этого документального факта можно было попытаться не только реконструировать последовательность захоронения, но и представить себе трагедию, разыгравшуюся здесь, в Каракумах за 35 веков до наших дней.

Судя по обломкам в могиле явно культовых сосудов, это, скорее всего, было погребение жреца или жрицы. Мы никогда не узнаем, какие же конкретно погребальные приношения, ставшие добычей древних грабителей, были положены сюда первоначально. Но одно мы знаем наверняка, вместе с умершим в северо-восточном углу могилы пирамиды было заботливо уложено свыше 100 целых керамических сосудов, к тому же удивительно однотипных. Они включают вазы на высоких ножках, колоколовидные чаши, бокалы и два культовых сосуда. Первоначально, вставленные друг в друга, они высились высокой пирамидой. Позднее верхние сосуды «сползли» вниз, почему мы и обнаружили их в прошлом году почти все вверх дном. Наличие в могиле культовых сосудов в сочетании с богатой керамикой указывает на погребение не светского лица, а скорее всего жреца.

Кстати, исследования показали, что все найденные предметы никогда не были в употреблении. Вероятно, они специально заказывались гончару в качестве погребальных сосудов.

Сначала в северной части могилы, в кирпичном склепе, был похоронен жрец, туда поместили в большом количестве сосуды, богато инкрустированную, «миниатюрную колонку» и, видимо, другие изделия, не дошедшие до нас. После этого, раб-погонщик по кирпичным пенькам, специально сложенным в углу могилы, спустился вниз, ведя на поводу двух быков, предназначенных для закланья. Но еще прежде, чем были заколоты животные, был убит сам погонщик. Смерть наступила внезапно и была для него неожиданной, почему он и упал навзничь, заломив левую руку за спину. После этого был заколот молодой бык, а затем большой, хвост которого и копчик перекрыли правое плечо уже мертвого погонщика.

Засыпав землей могилу из выброса, образовавшегося при рытье ямы, родственники решили, что навечно простились с умершим. Однако через несколько лет пришли грабители, которые знали, что богатые приношения лежат в северной части могилы. Произошло то, что должно было произойти. Они прорыли большой лаз и дошли до пола могилы, частично нарушив скелет покойника (сместив с места его левую ногу). Разграбив основное погребение, они бесцеремонно разбросали скелет, оставив нетронутым ненужные керамические сосуды, стоявшие пирамидой в углу могильной ямы. Возможно добыча оказалась не столь богатой, как они ожидали, грабители, в злобе разбили миниатюрную колонку, выбросив наверх ее обломки. Белым дождем брызнули вокруг фигурные инкрустации, засыпав стоящие в углу погребальные сосуды. И поэтому здесь мы расчистили

свыше ста таких вставок, во многие десятки раз превосходящие количество гнезд-углублений на сохранившемся обломке миниатюрной колонки. Но не только колонку, выбросили они и отдельные кости скелета и челюсть, которую нашли мы и предшествующий сезон в лазе грабителей. Это произошло не сразу после захоронения, а по прошествии нескольких лет, когда труп уже распался и легко рассыпался под шарящими руками грабителей.

Так, или примерно так рисуется археологам трагедия, разыгравшаяся во дворе храма Тоголок-1, глубокой ночью, под темным маргианским небом. И не надо сетовать на то, что не все дошло в сохранности до нас. Уже сам по себе факт захоронения жреца с человеческими жертвоприношениями знаменателен: он свидетельствует об уровне социальной организации в стране Маргуш. К этому времени уже не только общество делится на богатых и бедных, но и существуют люди, жизнь которых приносится в жертву другим. Правда, это могло быть еще не чистое рабство, так как убитый в могиле был принесен в жертву не светскому, а духовному лицу. Ну, а если это только культовый ритуал, то и в таком случае, захоронение жреца с животными и людьми впервые отмечено для Средней Азии того времени.

Учитывая уникальность погребения, мы самым тщательным образом пропитали скелеты быков специальным раствором клея, затем накрыли их сверху брезентом, засыпали яму, теперь уже в третий раз, предполагая в будущем передать их в местный музей.

А раскопки памятника продолжались. Была вскрыта уже довольно большая площадь размером 50 на 50 м., но памятник тянулся еще почти на 100 м дальше на юг. Казалось еще много полевых сезонов нам предстоит работать на Тоголок-1, но и, уже раскопанный участок, представлял собой вполне значительный комплекс. Это было достаточно сложное сооружение с квадратной крепостью, по углам которой находились, правда, две (а не четыре) круглые башни. Как мы помним, это обстоятельство озадачило нас еще в начале раскопок, но только сейчас, почти завершив их, мы смогли дать какое-то этому объяснение. Теперь стало очевидным, что крепость была заключена внутри обводной стены, но не в центре ее, а частично выступая за северный фас, где, кстати сказать, и располагались обе башни, и там между ними наиболее вероятен центральный вход. Был виден лишь северный фас крепости, вся остальная его часть была скрыта за высокими обводными стенами. Это делало бесполезным возведение еще двух башен с южной стороны крепости. Со временем, когда обводные стены стали разрушаться, видимо, были предприняты попытки пристроить башню с юга. Свидетельством тому являются остатки башни, построенной на мусорном слое, уже накопившемся к тому времени.

Но все это было уже в период упадка. В начальной же стадии строители заботились о сохранности всего сооружения. Заметив, что внешние стены крепости начинают наклоняться, они сразу же снаружи пристроили дополнительные. Заботились они и о внешней обводной стене, пристроив к ней снаружи дополнительный футляр, укрепленный к тому же башнями.

К сожалению, обводная стена с западной стороны оказалась начисто смытой и развезанной так, что мы не смогли установить с точностью ее общую конфигурацию. Но и то, что сохранилось, с бесспорностью указывало, что перед нами уменьшенный вариант храма Тоголок-21.

В обоих случаях в центре комплексов располагаются крепости, заключенные внутри обводных стен. Разница лишь в том, что на Тоголок-21 крепость располагается за двумя обводными стенами, а на Тоголок-1 - за одной. На Тоголок-1 обводная стена не имеет строго геометрической конфигурации. Она вдвое меньше, чем на Тоголок-21. Сходная планировкой памятников предполагает и сходное из назначение. В обоих случаях центральную организующую часть крепости составляют «крытые дворики» и, рядом расположенные, «белые комнаты», где происходил процесс приготовления культовых напитков. Это планировочное сходство дополняется так же «молельнями» с возвышениями-подиумами.

Наконец, налицо сходство и в основном наборе находок в виде «миниатюрных колонок», культовых сосудов, костяных трубочек с личинами, амулетов и печатей.

Как мы и предполагали, с самого начала в Тоголок-1 располагалось крупное в системе оазиса столичное поселение и рядом храм, предназначенный для нужд именно этих жителей. Квадратная крепость была заключена внутри полуовала обводных стен, частично выступая в северную сторону с двумя круглыми башнями по углам. Вся внутренняя площадь за обводной стеной оставалась незатронутой, исключая в какой-то степени восточный двор, где вскоре после возведения всего здания была сделана кирпичная выстилка. Тогда же здесь была вырыта огромная могильная яма для погребения возможно главного жреца с быками и предположительно с храмовым служкой. Странно, но мы не нашли здесь следов алтарей для возлияний и особенно алтарей огня, наподобие площадки с платформами и площадки с алтарями на Тоголок-21. Этот факт лишний раз указывает на упрощенный, провинциальный характер Тоголок-1, где не только само здание, но и культовая обрядность были более простыми, чем на Тоголок-21.

Еще в начале раскопок обводных стен выяснилось, что в исследуемом комплексе они обе замкнуты, и образуют законченное архитектурное сооружение. Но ведь дальше на юг, на многие десятки метров тянутся невысокие шлейфы, усыпанные битой керамикой, манящей к продолжению раскопок в этой стороне.

Не ожидая завершения работ, мы предприняли раскопки южной части памятника. Свят руководил небольшой бригадой. Изучив специальную литературу по методике археологических раскопок, он методом расчета определил площадку размером 10 на 10 м, забил по четырем углам деревянные колышки. Натянув на них бечевку, получил квадрат с идеально прямыми углами. Только после этого Свят дал команду начать раскопки, ожидая поразить нас великолепием будущих находок. Но шли дни за днями, к первому квадрату прирезывался новый, затем еще новый, но, не только выдающихся находок, а и мало-мальски приличных стен от былых строений не было обнаружено здесь. Наконец, это ровное футбольное поле сомкнулось с раскопками храма, бесспорно установив - как сейчас, так и в древности здесь никаких строений не было вообще.

Обескураженный, но непобежденный Свят отыгрался чуть позднее, когда ему было поручено проинвентаризировать древнюю поверхность памятника. Он установил, что в древности южная часть памятника всего на полметра, но возвышалась над северной, где располагался сам храм.

Трудно объяснить, почему с самого начала хранимый комплекс был построен не на естественном возвышении, а в пониженной части. Можно лишь допустить, что подобно восточной части, южная - также являлась местом собирания молящихся, в то время когда за обводной стеной в глубокой тайне непосвященных проходили подготовительные церемонии. Здесь храмовые служки в течение многих дней занимались сложным и утомительным процессом приготовления культового питья, здесь жрецы за глухими стенами внутреннего дворика молились, просили богов о ниспослании всяческих благ, здесь совершали ритуалы при помощи каменных «миниатюрных колонок». Сами культовые церемонии совершались во дворе на виду у всех молящихся.

К сожалению, прошедшие века и тысячелетия не сохранили нам полностью общего плана храмового комплекса Тоголок-1, но строгая организация в планировке предполагает именно такую последовательность культовых ритуалов.

Работы, которые как мы предполагали займут у нас многие годы, внезапно закончились весной 1988 г. Стало очевидным, что кроме вскрытого архитектурного комплекса, больше вокруг него никаких строений не было. Так, неожиданно для нас самих, досрочно закончились раскопки Тоголок-1.

Возникал вопрос, чем же заняться в будущем нашей экспедиции.

Еще шли раскопки Тоголок-1, а я с Олегом и Валерием выехал на столичный Гонур, «на всякий случай». Гонур встретил нас оплывшими холмами и битой керамикой, казалось, она крепким панцирем ревниво охраняла его тайны.

Здесь нас ждали руины кремля, последние раскопки которых были прерваны пять лет назад. Здесь подобно Тоголок-21 и Тоголок-1, рядом с поселением располагалась крепость, где можно было предположить остатки еще одного храма. Здесь, наконец начались наши первые раскопки в Маргиане без малого 15 лет назад, весной 1974 г. Одним словом, Гонур представлялся нам очередным таинственным и молчаливым Сфинксом древности, разгадать загадки которого нам предстояло уже этой осенью 1988 г.

С этими мыслями мы и прикидывали с Олегом и Валерием, где будет стоять наш экспедиционный лагерь, где кухня, где полевой музей. И уже закралась дерзкая мысль: «Если Гонур мой последний многолетний объект для исследования, то может попытаться устроить здесь настоящую экспедиционную базу». Можно было бы построить большой дом с жилыми комнатами и столовой, с помещением для камеральной обработки материалов, с фотолабораторией и кабинетом. Вот с такими мыслями возвращались мы назад на Тоголок-1, где нам предстояло еще завершить раскопки, прежде чем мы перебазирuemся на Гонур.

Глава 14. Ур или Гонур?

К лету 1988 г. сельский храм Тоголок-1 был полностью раскопан. Мы тщательно засыпали «могилу с быками» землей, предварительно накрыв кости прорезиненным брезентом, чтобы по возможности предохранить их от разрушения. Именно тогда мы начали сооружение краеведческого музея, куда предполагали поместить все наши многолетние находки из Маргианы. Идея организации такого музея уже давно обдумывалась нами, но не находила отклика у местного районного руководства. Но теперь времена изменились, и можно было попытаться создать такой музей, где жители Каракумского района смогли бы познакомиться с историей своего края. К тому времени к руководству в районе пришли новые люди с новыми идеями и планами. Так, Якуб Берекетов, став руководителем района, настоял на том, чтобы между нашей экспедицией и Каракумским районом был заключен договор о финансировании археологических охранных работ по обследованию и изучению древних памятников, которые были частично или полностью разрушены в прошлые годы при освоении здесь целинных земель. Но даже после заключения такого договора многие председатели колхозов и директора совхозов всячески пытались уклониться от финансирования этих работ, предусмотренных «Законом об охране памятников старины». А это создавало мелкие, но в высшей степени досадные затруднения, мешавшие работе экспедиции.

Комфортные условия настали для нас, когда к руководству районом пришел Баба Дурдыевич Сахатмурадов - большой ценитель древностей и патриот родного края. Он происходит из известной в республике семьи, откуда вышла целая плеяда выдающихся людей, и в первую очередь, его безвременно умерший брат, долгие годы возглавлявший руководство Туркменской республикой. Трудно, да и ненужно перечислять все благодеяния, которые сделал Баба Дурдыевич нашей экспедиции.

Но нельзя не сказать о его роли в создании краеведческого музея.

Еще до него несколько раз подбирались здания для музея, предполагалось приспособить разные помещения: то в местном клубе, то во дворце культуры. Но, правильно оценив значение подобного краеведческого музея, Баба Дурдыевич сумел убедить всех остальных в необходимости устройства его в здании, расположенном почти на окраине г. Байрам-Али. Вряд ли кто в республике не знает так называемый «дворец Гуль Джамал Хан» - небольшое, но уютное здание, расположенное в глубине одного поселка, казалось бы навсегда спрятавшегося от всего остального мира за купами деревьев. Здесь еще в дореволюционное время местными властями для Гуль Джамал Хан, едва ли не единственной женщины, выбранной после смерти ее мужа ханшей, горячей сторонницей присоединения

Туркмении к России, был построен этот миниатюрный дворец, состоящий из анфилады вытянутых в цепочку помещений, как нельзя лучше подходящих для предполагаемого музея.

Вот это здание, прочно выстроенное из жженого кирпича, и было выделено для будущего музея. Но раньше следовало его подремонтировать, в особенности веранду под айваном, где и предполагалось в будущем воссоздать «захоронение с быками».

Когда реставрационные работы уже подходили к своему завершению, Баба Дурдыевича перевели в Ашхабад. Сменившее его районное руководство не спешило с окончанием этих работ, так что создание здесь музея вновь было поставлено под сомнение. И здесь нам помог начальник райфинотдела Тачмухаммед Гулов, взявший на свой страх и риск завершение работ по оформлению музея. Благодаря его усилиям в конце-концов удалось открыть музей, хотя бы в экспериментальном виде, придав ему статус филиала музея г.Мары. Как бы то ни было, но осуществился наш давнишний лозунг – «Все находки не в Москву и Ашхабад, - в каракумский музей». И хотя еще для официального открытия музея необходимо проделать большую работу, уже сейчас все наши находки за время многолетних раскопок Маргианы перевезены сюда и выставлены для ознакомления с ними всех желающих.

Но все это было потом. А пока нам необходимо было выбрать место для новых раскопок. Еще раньше мы посетили столичный Гонур депе, параллельно с раскопками кремля, расположенного в центре поселения, мы часто задумывались о том, что же скрывается под холмом, находящимся южнее его и который мы для удобства назвали «южным холмом». Это всхолмление, площадью около двух гектаров и высотой около двух метров, дразнило наше воображение находками, сделанными почти десять лет назад на его поверхности. Здесь были встречены каменные амулеты с тонкогравированными рисунками, а главное фрагменты от культовых сосудов с налепными извивающимися змеями на их стенках. И, что очень важно, по микрорельефу «южного холма» прослеживались чрезвычайно широкие стены, явно от монументальной архитектуры.

Словом, имелись достаточно веские основания начать здесь пробные раскопки и попытаться установить, что же выстроили здесь на небольшом расстоянии от самого поселения древние маргианские зодчие.

С этой целью осенью 1988 г. наша экспедиция перебазировалась на Гонур депе. С самого начала нас стали преследовать бытовые неурядицы. То сломалась наша старенькая машина, то у трактора отказывали тормоза, а вскоре он совсем заглох, сколько бы его не толкали по такыру всей экспедицией. А ведь мы теперь жили в 15 км от последнего водного источника и в 50 км от последнего населенного пункта, где были механические мастерские и продуктовые магазины.

Осенью я был с киногруппой в Греции, где снимался телевизионный фильм «Встреча двух цивилизаций». Предполагалось показать в этом первом советско-греческом фильме связи, существовавшие между этими двумя континентами, не только начиная с походов Александра Македонского, но и в еще более древнее время, в ту бронзы. Мы ждали гостей, и именно в это время забарахлили вся наша техника, и даже не было возможности сообщить об этом в ближайший населенный пункт. Но «голь на выдумки хитра» и, вот уже наши доморощенные трактористы отправляются за водой на тракторе без тормозов, а оставшиеся в лагере до боли в глазах всматриваются в горизонт, в надежде увидеть спасительный трактор с прицепленной к нему цистерной.

Однажды с удивлением мы обнаружили на горизонте, но совсем не со стороны прибытия цистерны с водой, стальные опоры вышки, которая вырастала на глазах. Это приехали и начали работы буровики в поисках газа. Наши ребята, лихо пробежав расстояние в 6 км, с удивлением знакомились с роскошным, по сравнению с нашим, бытом буровиков. Чуть ли не ежедневно вертолетом сюда доставляются продукты, и даже кефир, сметана, минеральная вода! Несколько водоналивных машин каждый день, да еще по нескольку раз, доставляют сюда для питья и купания. Да разве перечислить все преимущества быта

газовиков сравнительно с нашим! Но главное было в самих необыкновенных людях, что трудились и жили теперь рядом с нами.

Уже вскоре одна их машина стала регулярно привозить нам воду, когда окончательно сломался наш трактор. А кроме того, впервые за годы экспедиций, мы сумели разнообразить наш скудный стол всяческими деликатесами, которые стали перепадать нам с «барского» стола наших новых друзей буровиков.

Постепенно наша жизнь на Гонур депе стала налаживаться, и раскопки на южном всхолмлении развернулись в полном объеме. Учитывая розу ветров, мы как всегда начали раскопки с северной части холма. Господствующие ветры в Маргиане дуют с севера и таким образом способствуют выбросу накопанной земли. Сразу под лопатами рабочих появились первые сырцовые кирпичи, которые постепенно оформились в широкую стену, идущую в направлении «восток-запад». И, хотя сохранность ее была плохой, все же удалось установить, что это была внешняя, фасовая стена исследуемого сооружения.

Следуя по этому направлению мы вскоре оконтурили угол и соответственно вторую обводную стену, которая теперь шла в направлении «север-юг». В месте сопряжения обеих этих стен располагалась угловая круглая в плане башня диаметром около 8 м, полая внутри. Таким образом, мы сразу «сели» на северо-западный угол всего раскапываемого комплекса. Вдоль северной части к стене изнутри оказались пристроены чрезвычайно узкие камеры, назначение которых пока было не совсем ясным. По мере их раскопок мы обратили внимание, что, чем дальше мы продвигались к востоку, тем лучше была их сохранность, видимо это связано с повышением к востоку самого всхолмления. Наконец раскопки подошли к наиболее сохранившейся части холма, что естественно предопределяло и наилучшую сохранность былых строений.

Всего мы выявили 18 таких камер. В тех, что сохранились лучше, имелись кирпичные перекрытия на высоте около одного метра от пола. К моменту раскопок во всех камерах входы были обращенные внутрь памятника и заложены кирпичами, но «всухую», без глиняного раствора. Создавалось впечатление, что это было сделано как бы наспех, в последний момент. Даже камеры, хорошо сохранившие свои сводчатые перекрытия, пока не могли нам дать ответа: «для каких же целей они были устроены?» Мы знали только, что в последующие периоды такие камеры использовались преимущественно для бытовых целей. Часть их была приспособлена под очаги, некоторые даже оказались перестроенными. Возможно не случайно камеры заканчиваются напротив главного въезда в раскапываемый комплекс.

После частичной раскопки фасовой стены с прилегающими к ней камерами мы решили не идти дальше вдоль нее, а начать работы внутри комплекса. Судя по мощным внешним фасовым стенам и огромной угловой башне, именно там нас должна ожидать древняя монументальная архитектура.

Однако, действительность в который раз разочаровала нас. Чем более мы углублялись внутрь всего этого сооружения, тем все более убеждались, что перед нами не просто рядовая архитектура, а более того лачуги бедняков, близко напоминающие такие же строения в восточной части храма Тоголок-21.

Под лопатами рабочих появлялись все новые стены от косоугольных помещений, выстроенных на уже накопавшемся к этому моменту мусорном слое. Стало очевидным, что и здесь на Гонуре эти строения были построены в какой-то поздний период. Жалкие остатки маленьких комнаток с бытовыми очагами внутри, всевозможные хозяйственные закутки не идут ни в какое сравнение с монументальностью внешних, обводных стен и мощной угловой башни. Оставалась лишь надежда, что где-то в глубине холма мы еще найдем остатки строений достойных монументальности обводных стен. С таким настроением покидали мы глубокой осенью 1988 г. Гоннур депе. Надеюсь, что следующий полевой сезон даст ответы на многие наши вопросы первого полевого сезона.

Весной следующего 1989 г. наша небольшая экспедиция незаметно превратилась в международную. Дело в том, что в начале этого года в Институте Археологии в Москве

появился Фредерик Хиберт, молодой археолог из Америки, а вскоре и его хрупкая маленькая, как птичка, жена Кэт Мур, которая помимо археологии еще хорошо была знакома с палеозоологией. Оба они приехали из Кембриджа, этой научной Мекки Америки, где готовятся высокопрофессиональные специалисты.

Фред Хиберт принимал участие в раскопках на Ближнем Востоке и в частности в прибрежных районах Персидского залива и теперь он решил специализироваться по археологии Ирана и Средней Азии. Для начала он основательно выучил русский язык и приехал в СССР для стажировки и изучения материалов раскопок и в Средней Азии. Это была его вторая поездка в СССР с целью завершения диссертации. Получив принципиальное согласие на проведение совместных работ с Маргианской экспедицией весной 1989 г., он приехал со своей женой, на редкость трудолюбивой и усидчивой. Из Москвы мы выехали в разное время. Встретившись в Ашхабаде, в Мары вылетели уже на одном самолете и к вечеру того же дня были в нашем экспедиционном лагере, который встретил нас сильнейшей песчаной бурей.

Для заморских коллег мы приготовили самую лучшую, а главное новую, палатку, прочно укрепили ее на дополнительных кольях, чего никогда не делали для себя. Казалось бы, разметет буря весь наш лагерь, а эта палатка устоит, но к середине ночи, когда буря достигла своего апогея, именно эта палатка и рухнула, завалив под собой наших гостей. Досыпать им пришлось в нашей десятиместной, которую не могла сломить никакая буря. И опять подтвердилась туркменская пословица: «пусть не повезет сначала - повезет в конце». Почти два месяца пропели с нами в пустыне американские коллеги, остались довольны своим пребыванием и довели до конца свою научную работу.

К нашему приезду раскопки на Гонур депе уже начались. Теперь мы уже определенно знали с каким объектом имеем дело. После дождя под тонким слоем дерна проявились стены древних строений. Таким образом удалось установить, что с самого начала на этом месте была возведена крепость размерами примерно 130 на 125 м. В отличие от других памятников, это не был прямоугольник, а параллелограмм. Вряд ли это можно объяснить простой погрешностью строителей. В середине северного фаса крепости располагался центральный въезд с выступающей вперед прямоугольной башней. В прошлом году мы раскопали небольшую часть на северо-западе крепости. В этом сезоне мы должны были найти стены и других строений.

Вскоре, по мере нашего продвижения вглубь памятника появились остатки этих стен. Чрезвычайно широкие, они располагались почти в самом центре исследуемой крепости. Создавалось впечатление, что мы обнаружили какое-то центральное здание, надежно спрятанное широкими и мощными стенами самой крепости. Эти стены резко контрастировали с хилыми кривыми стенками жилищ бедняков, располагавшихся вокруг него. А кроме того, углы этого здания оказались укрепленными круглыми, пустотелыми башнями почти не уступающими по размерам уже упомянутой угловой башне крепости.

Окрыленные успехом мы с особой тщательностью занялись расчисткой выявленных стен центрального здания. Его особое значение подчеркивалось и тем, что в основании стен кирпичи были поставлены наискось (с откосом наружу), образуя своеобразный бордюр. Мы долго ломали голову о его назначении.

До сих пор мы расчищали стены центрального здания, которое условно назвали «фортом», лишь сверху, стараясь выявить общую планировку. Но затем, когда стали расчищать кирпичный бордюр, мы с удивлением обнаружили, что форт стоит не на материке, как это полагалось бы для здания выстроенного в первый период, а на мусорных слоях, местами достигающих полуметровой толщины! Теперь уже не оставалось никаких сомнений, это форт был возведен много позже самой крепости. Это был основательный нокдаун! Надо было заново переосмысливать подлинное назначение центрального здания. Но уже сейчас стало ясным назначение кирпичного бордюра, сделанного для укрепления его фундамента. Если предположить, что это монументальное здание древние строители возводили на мягких мусорных слоях, то они должны были максимально укрепить его

основание, для чего обложили форт кирпичным бордюром, который как футляр закрыл сверху мусорные наслоения.

Фред вместе с Кэт принимали посильное участие а нашем раскопе, но все чаще они с завистью профессионалов-археологов поглядывали на северный Гонур, который манил их своей неизведанностью. И, хотя рабочих у нас было маловато, грех было не помочь своим коллегам, приехавшим сюда на край света «за три моря» с надеждой на новые открытия. Надеждой, которая никогда не покидает археолога, откуда бы он ни был.

Поэтому было решено дать и им свой шанс на удачу в столичном Гонуре.

Ранним ясным утром мы с Фредом и несколькими рабочими направились к северному Гонуру, где осенью 1983 г. нами были временно прерваны раскопки. После долгих обсуждений Фред выбрал приглянувшийся ему участок. Так был заложен «американский раскоп», на результаты раскопок в котором так надеялись молодые американские ученые. Но дни проходили за днями, а под лопатами рабочих была все та же мягкая мусорно-зольная структура, свидетельствующая, что в древности на этом месте располагались не здания, а обычная мусорная свалка. И это в центре бывшего поселения, рядом с кремлем!

Но Фред со своей группой каждый день упорно поднимался на крутой склон северного Гонура, надеясь, что уже сегодня они обнаружат остатки стен какого-нибудь здания с предметами, забытыми или потерянными их былыми обитателями.

Стоял май, и с каждым днем погода становилась все жарче. В нашей экспедиции было принято работать рано утром и после обеда вечером, когда не было изнуряющей жары, с перерывом днем на 3-4 часа. Отобедав, мы расходились по палаткам в предвкушении послеобеденного отдыха с детективным романом в руках. И только Фред и Кэт, нагруженные инструментами, опять отправлялись на свой раскоп. Копать в такую жару было невозможно, но они находили себе другую работу. Пока Фред вел свои ежедневные записи и чертил разрезы культурных слоев, Кэт вынимала из полевой сумки обычное чайное ситечко и просеивала через него мусор. Она методично пересыпала его через набор ситечек с разной величиной ячеек. Это была воистину адская работа! Часами под беспощадным солнцем Кет упорно и методично делала свою работу под скептические ухмылки своих коллег. Но ухмылки сменились восторженными улыбками, когда в один из вечеров она принесла и высыпала перед нами кучку обугленных зерен ячменя и пшеницы, которые были выращены здесь чуть ли не четыре тысячи лет назад. Не ограничившись этими полевыми исследованиями, она взяла с собой в США образцы, которые были исследованы в лабораторных условиях.

Таким образом, удалось установить, что древние жители Гонура выращивали на своих полях не только пшеницу и ячмень, но и чечевицу. А в их садах уже росли фруктовые деревья, и они могли лакомиться сливами, абрикосами и виноградом.

Параллельно с этими работами, Кет осмотрела и изучила кости животных, которые скопились в нашем полевым музее за прошедшие годы. Она установила, что в древнем хозяйстве самыми распространенными домашними животными, помимо мелкого и крупного рогатого скота, были свиньи. Словом, эти палеоботанические и палеозоологические исследования намного расширили наши представления о жизни древних гонурцев.

Наконец настал день, когда «раскоп американцев», пройдя трехметровую толщу мусорно-зольных слоев, дошел до материка. При этом так и не было обнаружено каких-либо значительных строений, не считая обрывков тонких стенок в самом низу раскопа.

Но отрицательный результат - тоже результат. Стало очевидным, что располагавшийся рядом кремль с самого начала представлял собой величественное сооружение. Вокруг него не было никаких построек. Только стены кремля гордо высились над окружающей равниной.

Лишь много позднее, когда кремль утратил свое значение, на этом месте была устроена свалка, куда хозяйки выбрасывали мусор из своих жилых и хозяйственных помещений. И не только мусор, но и ненужные им или разбитые предметы, которые теперь

стали счастливыми находками для Фреда. В самом деле, еще никогда мы не находили так много битой посуды. Скопившаяся здесь за огромный период времени, она теперь дала возможность археологам в хронологическом порядке представить себе, как изменялись формы древней посуды, отражая в конечном счете изменения во вкусах древних людей и местных гончаров. Но Фреду этого было мало. Профессиональный блеск в глазах не пропал - он должен был найти древнюю архитектуру. Казалось, заложи раскоп в нескольких десятках метров в стороне, и он бы имел возможность расчищать не только мусорные слои, но и спальни и гостиные, дворы и кухни вместе с тем, что в них осталось от прошедших тысячелетий.

И такой шанс Фреду был предоставлен. Закончив свой раскоп, он долго ходил и выбирал место для нового, пока не остановился на площадке, показавшейся ему наиболее перспективной. Первые взмахи лопат и сразу под слоем дерна появились кирпичи, обещающие остатки древней архитектуры. Всего несколько часов понадобилось чтобы убедиться, что и на этот раз надежды оказались пустыми. Это были кирпичи не стен былых помещений, а древней могилы.

Но какой! Впервые мы обнаружили кирпичную гробницу, разделенную внутри дополнительной стеночкой на две части. В одной из них на боку, в скорченной позе покоилась умершая женщина, в другой части находились заупокойные приношения, положенные вместе с ней ее заботливыми родственниками. И чего только здесь не было! Сосуды разных форм и размеров, украшения, бронзовый сосуд, медное зеркало, массивная печать - вот далеко не полный перечень находок, сделанных в этой могиле, случайно обнаруженной на Гонуре.

Но не могила интересовала Фреда! И он сделал еще одну попытку. Выбрав место чуть ниже по склону, он заложил здесь уже третий по счету раскоп. И упорство его было вознаграждено. Сразу под слоем дерна появились стенки от одного частного дома, состоявшего из обширного, внутреннего двора и примыкающих к нему помещений разного назначения. Кухня сохранила в углу печь для приготовления еды, другое, прямоугольное помещение скорее всего являлось жилым, следующее - видимо спальней. Но все это было установлено в результате долгой и утомительной работы. Каракумское солнце уже набрало свою силу. С каждым днем становилось все тяжелее работать. А срок экспедиции уже приближался к концу. И чем больше воодушевлялся результатами раскопок Фред, тем меньше оставалось энтузиазма у рабочих. И настал день, когда я увидел на раскопе Фреда и Кет, которые выбрасывали из помещений, накопанную ими же землю, а рабочие-землекопы, сидя на краю раскопа, следили за качеством этих работ! Но, несмотря ни на что, наши американские коллеги получили совершенно новые и оригинальные материалы, которые послужат им для дальнейших исследований прошлого народов современного Туркменистана.

А между тем, раскопки на южном Гонуре продолжились. Совершенно запутавшись в лачугах бедняков и рядом расположенных остатках форта с его фигурным бордюром и классической, монументальной архитектурой, покоившейся почему-то на толстых мусорных слоях, мы со Святом решили зайти с другого конца памятника, с его южного фаса. Для этого разбили новый раскоп в той части бывшей крепости и начали пробные раскопки с целью определения, имеются ли здесь остатки древних строений и, в случае положительного результата, попытаться выяснить характер этих строений. И уже с самого начала новый раскоп нас озадачил. Здесь оконтурились стены, стоявшие на материке, и таким образом относящиеся к самому первому периоду строительства на этом месте. Но тут же рядом шли тонкие стеночки, выстроенные на мусорно-зольных слоях, и, следовательно, относящиеся к более позднему времени. А в самом юго-западном углу крепости мы обнаружили вытянутые в цепочку и выкопанные прямо в материке три прямоугольные камеры, сильно обожженные изнутри, напоминающие алтари огня с Тоголок-21. Правда, здесь их было не пять, как в храме Тоголок-21, а всего три, да и размерами они уступали, но в целом сходство было налицо. Расчищая площадку вокруг предполагаемых алтарей, мы неожиданно наткнулись на

кенотаф с погребальными приношениями, состоящими из нескольких сосудов, между которыми находился великолепный бронзовый топор того же типа, что и встреченные ранее в могилах Тоголок-21. Однако он выгодно отличался от прошлых своими вычурными формами, а главное обухом, художественно отлитым в виде петушиного хвоста. На втулке топора сохранился рельефно выполненный человеческий глаз с выделенным зрачком. Это был явно церемониальный, а не бытовой топор, он напоминал аналогичные топоры Бактрии, а в еще большей степени восточного Ирана, где точно такие были встречены в древних захоронениях могильниках Шахдад и Хинеман.

Пока я расчищал алтари и кенотаф, Свят продолжал раскопки рядом, где он успел расчистить несколько помещений, возведенных на материке и относящихся к основному периоду. В одном из них торцовая стена оказалась обмазанной в несколько слоев гипсом, но не сплошь, а в виде трех полос, которые заканчивались у пола соответственно тремя сосудами намертво скрепленными между собой слоем белого гипса. Пока еще трудно с точностью судить о назначении всего этого помещения, но явно не случайна его близость с так называемой «белой комнатой» храма Тоголок-21, бесспорно связанной с приготовлением культового, опьяняющего напитка. И хотя у нас не было целостного представления о том, что же мы копаем на южном Гонуре, продолжение раскопочных работ могло внести ясность в этот пока не разрешенный вопрос.

Именно поэтому осенью того же 1989 г. мы стали вести раскопки с двух концов крепости. Основные силы были сосредоточены на раскопках форта, так как до сих пор он представлял собой интригующую загадку. Второй раскоп мы продолжили с противоположной стороны памятника, где весной обнаружили помещение до определенной степени напоминающее собой «белую комнату» храма Тоголок-21 и алтари огня.

Раскопки форта были доверены Олегу, который решил не углубляться внутрь, а тщательно и методично расчистить все помещения, расположенные между фортом и центральным въездом в крепость. С каждым днем расширялся его раскоп, открывая все новые жилища бедняков. Это были все те же неправильной формы косоугольные помещения с покосившимися стенами, небрежно устроенными очагами для приготовления пищи, подсобными и хозяйственными помещениями... Так продолжалось до тех пор пока между бывшими въездом в крепость и расположенным напротив фортом не появилась незастроенная площадка овальной формы размером 10 на 10 м. Нам и раньше встречались поздние ямы хозяйственного назначения, которые были устроены последними по времени обитателями памятника. Так что, сначала мы не придали этому обстоятельству особого значения. Однако таких размеров яма нами была обнаружена впервые. Внутри она оказалась заполненной не обычными мусорными слоями, а чистой, комковатой землей, почти без включений разбитой керамики или зольно-мусорных линз.

Лучшие люди экспедиции были брошены на раскопку ямы. Когда прошли трехметровую глубину, сбоку ямы оконтурился проход, пол которого был тщательно выложен кирпичами, образующими ступеньки. Все это жило напоминало дромос, или спуск в могильную яму. Довольно известная деталь многих могильных сооружений древности. Казалось бы дромос и должен был выявить дно предполагаемой могильной ямы, так как именно на этом уровне он обычно и заканчивался. Но мягкая насыпная земля шла еще ниже. Несмотря на это несоответствие, лично у меня создалось впечатление, что мы обнаружили могилу. Судя по огромным размерам - чуть ли не княжескую. А по отсутствию каких-либо перекопов можно было ожидать, что она не была ограблена. Но тогда это могла быть княжеская могила наподобие царской могилы в Уре, в Месопотамии пышные золотые погребальные приношения которой до сих пор служат предметом всеобщего восхищения мировой сокровищницы древности. Так Ур или Гонур?

В тот год я должен был на некоторое время выехать в США по приглашению журнала «Нэйшнл Джеографик». Во время пребывания в Вашингтоне я несколько раз встречался с руководством журнала и мы обсуждали вместе возможные пути дальнейшего сотрудничества. Я настолько был уверен, что в это время мои коллеги уже обнаружили

предполагаемое богатое захоронение, и так живописно описывал своим американским собеседникам это, что один из них серьезно спросил меня, какие из предполагаемых золотых и серебряных сосудов будут располагаться в головах и ногах покойного. И только вернувшись в Каракумы, я узнал, что на десятиметровой глубине ямы закончилась мягкая засыпка и начался твердый материк. До сих пор я не знаю точное назначение этой ямы, наиболее вероятным можно допустить, что это был древний колодец, но и тогда остается не совсем ясным, почему его стены не сохранили никакой обкладки. Даже сейчас колодцы в пустыне имеют обкладку из жженого кирпича или, на худой конец, футляр из плетенных прутьев, что предохраняет их стенки от осыпания.

Пока выяснялся вопрос об истинном назначении ямы, в противоположном конце крепости Свят и Валерий расширяли свои раскопы, чтобы выявить былую архитектуру этой части памятника. Совместными усилиями они установили, что сохранившиеся к моменту раскопок стены бесспорно относятся к первому, основному периоду, и таким образом были возведены одновременно с внешними, обводными стенами крепости. Но дальше констатации самого этого факта в тот год более ничего определенного установить не удалось.

Дело в том, что раскапываемый участок ровный и даже слегка пониженный способствовал застаиванию на этом месте дождевой воды, которая, смешиваясь с надувным песком, со временем образовала почти цементный слой. Его и предстояло раскопать и расчистить, чтобы выявить некогда стоявшие здесь стены. Работа эта оказалась невероятно сложной и трудоемкой, так что за весь осенний сезон удалось лишь удалить цементированную землю и в самой общей форме выявить обрывки былых стен.

Но не все так мрачно было в том осеннем полевом сезоне. При раскопках многих десятков помещений было обнаружено много находок, среди которых особое место занимают каменные амулеты. Гвоздем сезона стал крупный амулет, выточенный из черного стеатита с сочной двухсторонней гравировкой. На одной стороне амулета сохранилось изображение птицы, предположительно орла, с распущенным хвостом и поднятыми вверх крыльями. Голова на длинной шее повернута назад, передавая образ птицы, показанной в оборонительной позиции. Не исключено, что эта опасность получила свое графическое выражение на оборотной стороне амулета в виде змееподобного извивающегося дракона с торчащими вверх крыльями и широко разинутой пастью. Из раскрытой пасти дракона частично высовывается какое-то существо, возможно человек, которого он заглатывает. Очень близкая композиция известна на амулете, происходящим из Бактрии, где змееподобный дракон заглатывает однозначно человека.

На другом амулете, выточенном из красного камня в форме уступчатого ромба, на одной плоскости выгравирован горбатый бык, изображение которого было частично повреждено еще в древности, а на другой - плетенка без начала и конца в виде терзающих друг друга рогатых драконов, сюжет известный по другим маргианским амулетам, происходящим с Гонура.

Древними мифами веет от еще одного стеатитового амулета с изображением на одной плоскости человека с птичьей головой, а на другой - животного тоже с птичьей головой. Отсутствие крыльев не дает права видеть в нем грифона, хотя на Тоголок-21 был обнаружен подобный орлоголовый грифон, документально свидетельствуя, что в верованиях маргушцев этот персонаж был достаточно хорошо известен.

Но в тот год замечательные находки были сделаны не только в ходе археологических раскопок. Старая, подслеповатая мать одного нашего местного благожелателя Гюльгары Клычева, собирая траву на распаханном тракторами поле, неожиданно около своего дома обнаружила совершенно целую ажурную печать, отлитую в виде крупного скорпиона, по бокам которого были помещены две маленькие фигурки орлов в геральдической позе с поднятыми вверх крыльями и повернутой в сторону головой. Точно такие медные печати, но более художественно выполненные, известны в Бактрии, где они были положены в могилы вместе со своими владельцами.

Весной 1990 г. наша экспедиция уже уверенно разбила свой полевой лагерь около Гонур депе. Предшествующие, пробные раскопки твердо убедили нас в перспективности работ на этом памятнике.

Для начала следовало почистить старые раскопы, где остались не до конца расчищенными помещения, а главное за зиму в них нанесло много надувного песка. В тот год с нами вместе работал Андрей Стадник из Луганска, который впервые приехал к нам еще в 1983 г. За это время он успел закончить Университет, повоевать в Афганистане и теперь руководил историко-краеведческим кружком в своем родном городе. В этом году Андрей решил еще раз посетить «места своей юности» и на один сезон приехал к нам. Профессиональный археолог, он с особой тщательностью и аккуратностью расчищал от наносного песка прошлогодние помещения и в особенности крупные сосуды, некогда вкопанные в их полы. Переходя из одного помещения в другое, Андрей, наконец, дошел до маленькой комнатки, в середине которой на земляном «столбе» мы еще с прошлого года оставили один такой сосуд, предполагая дочистить его позднее. Сосуд находился близко к дневной поверхности, частично растрескался, и требовалась особая тщательность при его расчистке. Вот за эту очередную расчистку очередного сосуда и принялся Андрей в один из первых весенних дней нового полевого сезона.

Под его кисточкой появился сначала сам венчик, затем все горло и наконец, верхняя часть сосуда. Смахивая комки глины с сосуда, Андрей вдруг с удивлением заметил на его поверхности следы какого-то оттиска, а приглядевшись внимательно, он обнаружил изображения полулюдей-полуптиц, крылатых животных, птиц, парящих в воздухе. Словом, он нашел то, чего до сих пор в Маргиане еще никто не находил. Сразу же оценив важность находки и чуть не задохнувшись от радости, он сел на бровку раскопа и, лишь выкурив сигарету и немного успокоившись, позвал остальных посмотреть на свою находку.

Перед нами действительно находился обычный, каких было сотни и тысячи сосудов в Маргиане, но с одним отличием - безвестный мастер-гончар перед тем как обжечь в горне свой полуфабрикат, сделал по сырой глине сосуда прокатку своей цилиндрической печатью. О том, что было сделано не специально, а так, «от нечего делать», можно судить по тому, что оттиск изображения на печатке нанесен вниз головой по отношению ко всему сосуду.

Не потребовалось много времени, чтобы установить общую композицию этого изображения. Центральную часть ее составляет обнаженная крылатая фигура человека с птичьей головой, держащая за задние ноги поверженных им крылатых же козлов. По бокам от этой центральной микрокомпозиции изображены видимо орлы, парящие в воздухе и рядом еще птицы.

Можно было со всей уверенностью сказать, что не только в Туркмении или Средней Азии, но и во всей западной Азии еще никогда и никто не находил подобные композиции. Неизвестны они ни в Иране, ни в Афганистане, но зато имеются в северной Месопотамии, в особенности на цилиндрических печатях, где мужской персонаж так же держит за ноги поверженных им животных. Но там как правило были изображены реальные люди, а не фантастические существа в виде птицелюдей, как это мы обнаружили в Маргиане. Может быть это уникальное, больше нигде неизвестное изображение, является чисто маргианским изобретением.

Как бы заманчиво не было такое предположение, от него пришлось отказаться после просмотра каталогов, посвященных печатям и амулетам Сирии, Малой Азии и Греции. Именно в этом огромном исторически связанном регионе были распространены цилиндрические печати и описки с изображением крылатых людей, держащих за ноги поверженных животных. Хотя и редко, персонажи в виде людей с птичьими головами известны в сиро-хеттском мире, где они подобно Маргианским, изображены рядом с поверженными животными. Сходство настолько очевидно, что не вызывало у нас никакого сомнения. Более того, найдены были такие изображения на Кипре и даже в Греции, куда такие печати могли попасть в качестве импорта, а затем копироваться местными резчиками по камню.

Но в конце-концов, для нас не столь важно установить, где впервые появились такие фантастические персонажи, важно то, что они проникли так далеко на восток, в Маргиану.

Уже давно доказано, что гравированные композиции на печатях и амулетах, где бы они не были найдены, не являлись бездумной фантазией мастеров, а представляли собой «конспект» или «цитаты» мифов, которые распространены в среде создавших их людей. Но и сами эти мифы по преимуществу имели глубоко религиозное значение. Так что сходные композиции могут указывать на сходство мифологических и религиозных представлений создавших их людей.

В самом деле, вот уже две тысячи лет как возникла христианская религия с ее определенной символикой, и, если мы находим маленькое распятие независимо на каком континенте, хоть в джунглях Амазонки или саванне Африки, мы однозначно считаем что оно принадлежало христианину. Это тем более верно для древнего времени, когда люди искренне верили в те мифы и культовые обряды, которым строго следовали их родители. Вера - самая устойчивая и консервативная категория человеческой психики и мировоззрения, и мы знаем много примеров сегодняшнего дня, когда ради своей религии люди часто готовы принести в жертву и саму жизнь. Оттиск цилиндрической печати с Гонур депе первый, но далеко не последний пример существующей исторической связи между эгейско-анатолийским и бактрийско-маргианским регионами. И может не случайно греческие, ахейские племена приходят в материковую Грецию в начале II тыс. до н.э. примерно тогда же, когда появляются новые племена в Бактрии и Маргиане.

Новым доказательством тому были новые находки, сделанные на Гонуре. На одном из раскопов был обнаружен большой обломок сосуда с нацарапанным изображением дерева, по бокам которого, стоя на задних ногах, изображены два наклепных козла. Эта композиция чрезвычайно близко перекликается с широко распространенным в древней Сирии мотивом «древа жизни» с предстоящими козлами, где они, подобно маргианским, нередко показаны стоящими на задних ногах. Но имеются там и такие композиции, когда на дереве восседают еще и птицы. Такое точно изображение было найдено на одном явно ритуальном сосуде, происходящим с поверхности Гонур депе.

Словом, нет никаких оснований сомневаться в реальности существовавших историко-культурных связей между Передней Азией и Маргианой с Бактрией. И лишь конкретный механизм этих связей остается еще нам не до конца понятным.

Но вернемся к раскопкам в крепости Гонур депе. В этот раз мы решили сосредоточить работы на исследовании все еще загадочного форта. До сих пор изучение его шло как-то отрывочно, раскопки проводились с разных концов так, что местами проявлялась широкая обводная стена, в другом случае - угловая башня, в третьем - полубашня ... Необходимо было представить себе хотя бы в общих чертах былую конфигурацию этого сооружения. Учитывая его огромные размеры, примерно 40 на 30 м, не было никакого резона вести здесь обычные и непомерные раскопки. В этом случае общую его конфигурацию мы смогли бы выяснить лишь через несколько лет. Поэтому решено было для начала ограничиться раскопками его внешних обводных стен, что само по себе представляло большую и очень трудоемкую по объему работу.

В результате этих работ удалось установить, что первоначально это было здание крестообразной конфигурации с широкими стенами. В центральной части каре по углам стояли круглые башни. Из середины каждой из его четырех сторон отходило по одному «лучу» этого креста так же с угловыми башнями и специальными проходами в них.

Когда мы, наконец, установили общую внешнюю конфигурацию этого, все еще загадочного сооружения, мы с удивлением заметили, что оно напоминает храм огня в западном Иране под названием Тепе Нушиджан, раскопанный английскими археологами чуть ли не четверть века назад. Подобно маргианскому форту, и он имеет крестообразную форму с башнями по углам. Но маргианский форт на Гонур депе почти на тысячу лет древнее, чем Тепе Нушиджан. Значит, при его сооружении была заимствована архитектура более известная и распространенная в восточно-иранском мире, включая сюда Маргиану.

При всей смелости и даже фантастичности такого предположения нельзя забывать, что существует точка зрения лингвистов, согласно которой собственно иранские племена пришли в Иран откуда-то с востока, что хорошо согласуется с археологическими данными и, в частности, полученными при раскопках форта на Гонур депе. Конечно, потребуется еще много исследовательской работы в этом направлении, но показательно, что эту гипотезу поддерживают лидер советского востоковедения всемирно известный лингвист из Ленинграда И.М.Дьяконов, а так же итальянский академик Дж.Ньоли, который специально посетил раскопки в Маргиане и в частности форт на Гонур депе.

Но для археологического доказательства необходимо было «заглянуть» внутрь форта, где подобно иранскому Тепе Нушиджан можно было ожидать находку алтаря огня.

С этой-то целью осенью 1990 г. мы приступили к продолжению раскопок форта с его внутренней части, казалось бы надежно скрытой за толстыми стенами, ожидая обнаружить монументальную архитектуру, достойную монументальности внешних обводных стен форта. Но действительность уже в который раз опровергла наши надежды. Под лопатами рабочих появились стены, построенные хотя и в самый первый период, но ничего общего не имеющие с монументальной архитектурой. Это были частные дома с обычными бытовыми очагами в кухнях и отопительными очагами в жилых комнатах. Вокруг располагались складские и хозяйственные помещения, нередко с вкопанными в полы большими пифосами для хранения съестных запасов. Более того, наши раскопки все более убеждали нас, что эти строения не имеют никакого отношения к форту, хотя и располагаются внутри него! В нашей археологической практике такое было встречено впервые, и, конечно же, озадачило нас. Частные дома были возведены на материке, а внешние стены форта на уже накопившихся мусорных слоях. Иначе говоря, они относились к разным временным периодам, форт был построен много позже, чем бытовые строения внутри него.

Пока мы ломали голову над этой загадкой, подошел большой христианский праздник Пасха, и мы решили отвлечься от грустных поисков монументальной архитектуры форта.

Теперь главной проблемой для нас был поиск крашенных яиц. Я поехал в близлежащий поселок, где проживал едва ли не единственный христианин, наш старый друг Сурен, местный инженер-электрик. Сурен пообещал привезти нам все необходимое для праздничного стола. И сдержал свое слово. Накануне Пасхи он приехал к нам за многие десятки километров с теплыми чуреками, крашенными яйцами и многим другим. На следующий день теплыми словами вспоминали мы нашего благодетеля. А через несколько дней нас ошеломило известие о гибели Сурена. Причиной его смерти стал оголенный провод во время ремонтных работ.

Судьба забросила Сурена далеко от его родных мест. Среди иноязычного населения поселка он был чужим и по своему вероисповеданию. Казалось, кто возьмет на себя все формальности, связанные с этим печальным событием? И даже я, уже давно знакомый с Туркменией и ее людьми, был поражен тем чувством сострадания и милосердия, проявленными туркменами.

Около дома Сурена был устроен высокий навес, и три дня непрерывным потоком шли сюда люди отдать последнюю память покойному. Естественно, что все расходы взял на себя совхоз, который выслал две автомашины в Ашхабад и Мары, чтобы привезти на поминки родственников. Сами поминки были сделаны отдельно по мусульманскому и по христианскому обрядам. Один из родственников у гроба покойного сказал: «Даже мы армяне и ближайшие родственники не смогли бы так организовать похороны, как это сделали вы, туркмены!»

Весенний полевой сезон заканчивался на такой минорной ноте, что казалось хуже уже ничего и быть не может. Но оказывается, в этой жизни все может быть - даже самое невероятное. Как всегда в конце мая мы закончили наши работы и вернулись в Москву. А в начале июня встретились с нашим Дангатаром Гулмурадовым, вернувшимся из деловой зарубежной командировки. За столом царил неподдельное веселье, как это бывает всегда при встрече близких людей после долгой разлуки. Расстались мы с ним у дверей

туркменского посредства в Москве «до встречи осенью в Туркмении». До сих пор я не могу забыть его мягкую, добрую улыбку с которой он попрощался с нами, как оказалось, навсегда.

Неделю спустя, собираясь утором на работу, Дангатар почувствовал себя неважно. Чтобы не беспокоить родных, прилег на диван, попросив разбудить его через полчаса. Это сделала самая младшая из детей Биби. Вернувшись из кабинета отца, она сказала матери: «Каака турмади», т.е. «Папа не встает». Так ушел от нас мудрый и поистенне незабвенный Дангатар Гулмурадов. Думается мне, что он был слишком хорош для этой жизни, его беспредельная доброта ко всем и ко всему не укладывалась в рамки этого слишком рационального и сурового мира. В расцвете лет ушел Дангатар из этого суетного мира, так и не сумев ни приспособиться, ни изменить его. Если доброта его оставила свой след на тех, кто его знал, значит не даром они имели счастливую возможность жить рядом с ним!

Три дня стар и млад, не только из Ашхабада или его родного Теджена шли люди, чтобы отдать последнюю память покойному. Специальными автобусами из Кизил-Арвата, Мары и других отдаленных городов ехали те, кто знаком был с ним по работе или в жизни, все хотели отдать последний долг Дангатару Гулмурадову. Так было на девятый и сороковой дни, так будет ежегодно и впредь, как положено согласно туркменскому похоронному обряду «Худай Юлы».

Осенний полевой сезон 1990 г. проходил не совсем обычно, в основном под знаком международных встреч.

Первой прибыла к нам в Каракумы телевизионная группа из Бостона (США) для проведения съемок телевизионного фильма о работе экспедиции. Затем были визиты сначала итальянских, а потом французских археологов, пожелавших ознакомиться с результатами экспедиции на месте. И, наконец, по нашей инициативе здесь состоялся Международный Полевой Семинар, в котором, помимо советских специалистов, приняли участие археологи из США, Италии, Германии и Финляндии, что конечно не могло не сказаться на полевой работе экспедиции.

Тем не менее раскопки форта были продолжены, и мы смогли ответить на все наши вопросы по поводу временного несоответствия в строительстве обводных стен форта стенам внутри него.

Как показали раскопки, с самого начала на этом участке памятника располагалась рядовая планировка, состоявшая из жилых и хозяйственных помещений. Затем, по прошествии какого-то времени этот участок был заброшен, на его месте было возведено монументальное здание, которое мы условно назвали фортом. Но это еще не все. Древние строители возвели широкие обводные стены, образовавшие крестообразное в плане здание, но по-видимому, так и не приступили к строительству стен внутренней застройки. Чрезвычайно редкий случай в археологической практике, но не единственный. В силу каких-то обстоятельств, о которых приходится лишь догадываться, строительство было остановлено и не завершено.

Дальнейшие раскопки видимо уточнят такое допущение, но уже сейчас можно отметить интересное открытие, сделанное в ходе этих раскопок. Так, расчищая восточный фас форта, мы неожиданно наткнулись на огромную яму диаметром около 15 м и глубиной до 2 м, заполненную внутри сплошным мусорным слоем. По краю она была обнесена невысокой стеной, как бы отграничивающей саму яму от остальной части былых строений.

В противоположном конце крепости, вдали от форта Свят продолжал свои раскопки этого участка. С каждым днем он открывал все новые помещения, веером располагающиеся вокруг внутреннего двора. И, хотя общая планировка комплекса оставалась не совсем ясной, очевидно было одно - все они принадлежали первому, основному периоду, тому времени, когда еще не было форта, а на его месте располагались дома рядовых жителей Гонур депе. Среди вскрытых помещений выделялось одно, сохранившее три прохода наподобие вестибюля, причем сохранность их оказалась оптимальной, от порога до притолки. Проходы отсюда из вестибюля вели в смежные помещения, одно из которых, по-видимому, было

хозяйственным, так как в полу находились глубокие вкопанные хозяйственные пифосы. Они были не простыми, а запечатанными глиняными буллами наподобие современных пломб с оттисками по сырой глине печатями и амулетами.

Среди них выделялась одна булла с оттиском в виде орла с распростертыми крыльями, хорошо известная нам по печатям Маргианы. Удалось найти и саму печать на полу одного помещения, расположенного далеко от этого складского помещения в районе форта.

Как и на булле, на этой медной печати изображен орел в геральдической позе. Лишь самые отчаянные оптимисты рискнули приложить ее к самой булле. И не ошиблись! Рисунок печати с точностью подошел к оттиску не оставляя никаких сомнений, что именно этой печатью примерно три с половиной тысячи лет назад местный «завхоз» запечатал содержимое пифоса, надежно зарытого в пол одного из складских помещений.

Более того, можно предполагать, что в помещении, где была найдена эта печать, скорее всего проживал и сам «завхоз», что в свою очередь дает право считать, что эти два конкретных здания существовали в одно и то же время, что имеет для нас чрезвычайно важное значение.

Но больше всех проникся важностью находки буллы и печати Свят, который теперь не пропускал ни одного комка земли, что бы не осмотреть его со всех сторон в надежде обнаружить новые отпечатки, а возможно и древнюю надпись!

Вообще-то, к этому времени наш Святик уже был повышен в должности и теперь стал Святославом Владимировичем, рачительным хозяином всего нашего экспедиционного имущества, распорядителем всего экспедиционного быта. А самое главное - у него был свой раскоп. Так что, иначе, как первооткрывателем древнейшей в СССР письменности он уже себя не мыслил да и мы тоже. Не знаю, как насчет письменности, но его тщательная методика раскопок, которой он скрупулезно придерживался, привела к еще одному интересному открытию.

Если мы в основном раскапывали новые помещения, то Свят тщательно расчищал каждый сосуд, даже безнадежно растрескавшийся и разваливавшийся от времени. Так было и в этот раз, когда он принялся смахивать песок с нижней сохранившейся части сосуда. Под легкими и мягкими взмахами кисточки появились замысловатые кривые линии, напоминающие обычные трещины разбитого сосуда. Но это первое впечатление не обескуражило Святлика.

Под палящими лучами солнца, когда мы уже давно пребывали в послеобеденной сиесте, он упорно снимал кисточкой и скальпелем все новые слои надувного песка, пытаясь скрепить клеем рассыпающиеся кусочки расслоившейся керамики. Труды его были вознаграждены сторицей. После завершения этой адской работы под косыми лучами вечернего солнца проявилась, наконец, вся картина, некогда нанесенная на поверхности этого сосуда.

Это была целая композиция, выполненная явно не профессиональным мастером настолько неумело, что трудом можно было представить ее общую идею. Здесь были изображены лучники, стреляющие в каких-то животных, но в каких точно определить невозможно. Имеются здесь и другие персонажи, возможно, и рыбы. Дальнейшее исследование находки уточнит общую идею композиции. Но главное, что это первое граффити такого рода для этого времени, честь открытия которого полностью принадлежит Святу.

Крупномасштабные раскопки внутри крепости южного холма Гонура ставили перед нами все новые вопросы, а результаты раскопок приобретали все большее значение, далеко выходящие за рамки интересов среднеазиатского региона. С целью обсуждения многих накопившихся проблем было решено устроить на базе экспедиции, прямо на месте, Международный Полевой Семинар. Мы пригласили на него крупнейших специалистов мира. Профессор Карл Ламберг-Карловский и его лучший ученик, уже знакомый нам Фред Хиберт совершили многочасовой перелет из США в Москву, оттуда в Ашхабад и Мары, чтобы на

месте ознакомиться с памятниками древней страны Маргуш. Они уже оказали неоценимую помощь нашей экспедиции, затратив несколько тысяч долларов из средств Пибоди Музея для проведения многих анализов наших материалов в лабораториях США. Благодаря их любезности мы теперь знали, что древние мастера-литейщики Маргианы при получении бронзы добавляли в медь свинец, а не олово или мышьяк, радиоуглеродные анализы уточнили наши представления о времени, когда в Маргиане жили эти племена, узнали какие точно злаки они выращивали на своих полях и какие точно животные паслись в их стадах.

Вместе с ними из США приехал и крупнейший специалист по палеозоологии Ричард Мидоу, давший нам очень важную консультацию прямо на месте.

Дело в том, что до его приезда в Маргиану мы предполагали, что в стадах домашних животных были ослы. Но пока никто не мог доказать это документально. Пока мы вели теоретические дискуссии, стоя на развалинах Маргианы, проф. Р.Мидоу с завидной педантичностью просматривал многие сотни обломков костей, что накопились за многие годы в наших полевых музеях. И, нашел то, что искал - кости домашнего осла, который в этих экологических условиях играл важную, если не сказать исключительную роль в качестве тяглового животного.

Из Финляндии в нашем Семинаре приняли участие два специалиста, один из которых Х.Юнгер, являясь заведующим радиоуглеродной лаборатории в Хельсинском Университете, взял на месте угли и древние обломки керамики, на предмет установления из возраста и позднее предоставил нам эти данные.

Другой финский ученый индолог проф. Аско Парпола специально оставил свои лекции в Университете в Хельсинки, чтобы на месте сопоставить данные пущенной книги Ригведы с данными археологии. Дело в том, что еще задолго до Семинара, изучая древние манускрипты, он пришел к выводу, что Маргиана имела самое прямое отношение к тем событиям, что были описаны в Ригведе. Так что теперь у Аско Парпола появилась возможность проверить и перепроверить их, как бы перенесясь в далекое прошлое.

Советский архитектор Валерий Антонов, давно работающий по материалам раскопок в Маргиане. Ему принадлежат все реконструкции раскопанных здесь памятников вместе со своим коллегой из Германии Дитрихом Хофф должны были оценить на месте с точки зрения архитектуры те здания, что почти два десятилетия изучала наша экспедиция.

Археолог из Италии Рафаэль Бишони и его младший коллега из Рима, решившие на практике заняться исследованием древностей страны Маргуш, принимали пока участие в качестве «наблюдателей», они больше слушали, чем говорили. Ознакомившись на месте с амулетами Маргианы, которые предположительно связаны с эгейским миром, Рафаэль по достоинству оценил их значение и предложил совместное сотрудничество по этой проблеме, и тем более, что Институт где он работает занимается изучением культуры и искусства Средиземноморья.

Наконец, советский археолог, Елена Кузьмина. Крупнейший специалист по изучению эпохи бронзы Средней Азии и сопредельных стран была везде кроме Маргианы. Теперь у нее появилась возможность на месте проверить свои представления, сравнив их с реальными данными. Стоя на полуразвеянной стоянке былых кочевников в нескольких десятках метров от земледельческого Гонура, она могла теперь уже не «на пальцах», а в натуре дискутировать со своими главными оппонентами, так же давно занимающимися проблемой взаимоотношений степных и оседлоземледельческих племен Средней Азии.

Вот такая интернациональная группа крупнейших специалистов по периоду эпохи бронзы Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии собрались вместе, чтобы в живой, деловой обстановке, а не на официальных академических заседаниях проверить свои представления о тех исторических процессах, которые проходили здесь во II тыс. до н.э. И, если еще до этого академик К.Ламберг-Карловский высказал гипотезу, что Маргиана вместе с Бактрией составляли после Месопотамии, Египта, Китая и Индии пятый центр древней мировой цивилизации, то теперь он кажется окончательно убедился в этом.

Глава 15. Загадочные храмы Гонура

Раскопки южного холма Гонура, несмотря на их масштабность, все еще не давали целостного представления о зданиях, которые были возведены внутри южной крепости в древности. Именно поэтому в 1991 г. работы Экспедиции были направлены на соединение отдельных раскопов, чтобы получить ответ на давно интересовавший нас вопрос: «Что же все-таки было возведено древними архитекторами за толстыми стенами южного Гонура?»

С этой целью мы сосредоточили все наше внимание на прошлогоднем участке, где была обнаружена «белая комната» с обильной гипсовой обмазкой, которая по нашему предположению могла быть связана с приготовлением опьяняющих, культовых напитков. В предшествующий сезон мы обнаружили здесь у стенки три сосуда, густо покрытых гипсовыми промазками. Теперь было решено взять эти сосуды и передать их в лабораторию МГУ все той же доброй душе, Н.Р. Мейер-Меликян. Результаты превзошли самые смелые ожидания не только наши, но и ее тоже. Снимая один гипсовый слой за другим, в одном из сосудов Нона Робертовна обнаружила не только остатки веточек эфедры и мака, но что было еще более интересным - семена конопли. Да в таком количестве, что можно было разглядеть их и невооруженным взглядом. Как оказалось, люди трудившиеся в «белой комнате» за 35 веков до наших дней, после каждого процесса приготовления культового напитка, обмазывали изнутри сосуды толстым слоем гипса, что в свою очередь позволило «законсервировать» оставшиеся в них семена, и в том числе конопли. Это был первый случай в истории науки, когда ископаемая конопля была найдена в археологических находках, да еще в таком количестве. Теперь уже ни у кого не могло оставаться сомнений, что в этой комнате древние маргушцы готовили опьяняющие культовые напитки и наркотические вещества.

Но одна комната, даже такая как эта, еще не решала всей проблемы в целом. Необходимо было раскопать вокруг нее все без исключения помещения. Именно с этой целью мы предприняли широкомасштабные раскопки вокруг «белой комнаты». Днем за днем прибавлялись все новые помещения разной формы и конфигурации, но явно взаимосвязанные между собой общими проходами. И наконец, все они соединились, образуя законченный комплекс, центральную часть которого составляло помещение типа внутреннего двора с четырьмя проходами в середине каждой стены. Сами того не ожидая, мы раскопали помещение того же типа, что и в храмах Тоголок-1 и Тоголок-21. Как и там, здесь в южном Гонуре рядом находилась «белая комната». Очевидно, это была парадная часть всего раскопанного здесь комплекса, рядом с которым, и опять таки в полном согласии с храмами Тоголок-1 и 21, располагались хозяйственные постройки.

Результаты раскопок не только выявили очевидное сходство всех этих памятников, но и дали новые доказательства их особого назначения. Так, рядом с «белой комнатой» на полу одного вытянутого обширного помещения было обнаружено восемь целых т.н. керамических подставок, видимо связанных с процессом приготовления опьяняющих напитков. Возможно, на такие подставки ставились крупные сосуды-цедилки, под которые в свою очередь были подставлены более мелкие чаши, куда из сосудов стекала отцеженная жидкость. Дальнейшие работы уточнят конкретное назначение т.н. керамических подставок, но их функциональная связь с приготовлением наркотических веществ и опьяняющих напитков бесспорна.

Дальнейшие раскопки подтверждали, что храм Гонура был много меньших размеров, чем храмы Тоголок-1 и Тоголок-21. Это мог быть при дворце храм, предназначенный для нужд местного правителя, дворец которого мог располагаться здесь же рядом за толстыми стенами самой крепости. Но для доказательства этого необходимо обнаружить сам дворец, а под лопатами открывались все новые помещения, связанные только с центральным храмом.

И несмотря на широкий размах археологических раскопок, наши находки выглядели более чем скромно. Мы находили все новые обломки той же битой керамики, фрагменты костей животных, мусорно-зольные отвалы. И здесь, как и на Тоголоке, когда храм пришел в запустение и был заброшен, его заняли местные бедняки. Кое-как подправив и подремонтировав стены и крыши, они стали жить здесь, и все, что мы находили сейчас, представляло собой остатки жилищ последних его обитателей.

В таком случае, он был мирно оставлен его служителями, которые унесли вместе с собой все самое ценное. Казалось бы нам оставалось надеяться лишь на случайно закатившуюся под циновку и незамеченную древними, какую-либо ценность.

И опять посчастливилось Олегу. Согнувшись в три погибели, он часами заравнивал полы бывших помещений, да так, что разогнувшись ему действительно «небо казалось в овчинку»! Так было и в этот раз, тонкими слоями снимал он землю своей знаменитой, острой лопатой, приближаясь все ближе к уровню пола. Пройдены последние сантиметры слоев, накопившихся над бывшим полом, и не убранных нерадивыми храмовыми служителями. Уже полностью очищен пол помещения, но Олег продолжал «доскребывать» углы комнаты не столько в надежде на какую-либо находку, сколько из врожденного педантизма. И как оказалось, не зря. Под очередным слоем бывшего мусора, под острым лезвием лопаты высветился красноватый кружок каменного амулета. Да какого! На ладони у Олега лежал круглый амулет, выточенный из камня красноватого цвета, с тонкой двусторонней гравировкой, с одной его плоскости на нас смотрел горбатый бык, наклонив голову и выставив рога. Бык стоит перед ступенчатой пирамидой, а вся эта композиция до удивления напоминала изображения на знаменитых печатях хараппской цивилизации долины Инда.

На другой плоскости этого амулета сохранилось изображение птице-человека, держащего за задние ноги поверженных им животных, антилопу и полосатого тигра. Мы уже находили изображения птице-людей с поверженными животными. Эта находка казалось была лишь дополнением к уже известным. Но это было первое впечатление. Приглядевшись внимательно, мы сразу определили необычный стиль изображений главного персонажа. Массивный, подтреугольный торс птице-человека резко контрастировал с его тонкими, плавно изогнутыми в коленях ногами. Это напоминало стиль изображения людей в искусстве ахейской Греции, где, кстати, так же были известны изображения героев с поверженными животными. Наконец, перед лицом главного персонажа было изображение трех треугольников - знак, хорошо известный и древней письменности от хараппской до хеттской и греческой. Имеется этот знак и в протоэламской и шумерийской письменности, где он означает слово «горы». Но, независимо от точного назначения знака на маргианском амулете, он представляет исключительно научный интерес, так как подтверждает связь древней страны Маргуш с соседними странами.

Не успели утихнуть наши восторги, как в соседнем помещении была обнаружена булла, комочек хорошо промешанной глины правильной овальной формы, с четким оттиском цилиндрической печати. На этот раз мы нашли изображение все того же птице-человека, попирающего ногами поверженного на землю врага, одной рекой он держит дикого кабана, а другой предположительно змеино-го дракона. Мотив явно свойственный культуре передовых центров тогдашнего мира, возможно Месопотамии, но само изображение было сделано здесь маргианскими мастерами. Вернувшись в Москву, я решил проконтролировать свое представление и послал фотографию этой буллы в Лондон известному специалисту древних печатей и амулетов проф. Д.Коллон. Согласно ее авторитетному мнению композиция на цилиндрической печати, оттиск которой мы нашли в храме южного Гонура, имеет отличия от классических, канонических композиций Месопотамии. Во-первых, на нашей булле птице-человек стоит на поверженном враге обеими ногами, в то время как, по месопотамским канонам, он должен попирает врага одной ногой; рядом с диким кабаном на маргианском амулете изображен второй кабан, что опять-таки противоречит классическим композициям такого рода в искусстве Месопотамии. Очевидно, что этот месопотамский мотив получил в Маргиане чисто местную переработку.

А между тем раскопки храма на Гонуре продолжались. Наконец, мы вышли к его передней, фронтальной части, представляющей собой некогда высокую глухую стену с двумя проходами. Вот теперь-то начиналось самое главное: где-то совсем близко должен быть по нашим предположениям дворец, для обитателей которого и был по нашему разумению построен небольшой храм. Но проходили дни за днями, все дальше уходил наш раскоп на восток, а под лопатами не появлялись не только стены предполагаемого дворца, но и вообще не было никаких стен. Стало очевидным, что перед храмом находилась пустая незастроенная площадь. Пока мы установили, что ширина площади перед его парадным фасадом была не менее пяти метров.

С надеждой выявить реальные размеры площади перед храмом и обнаружить остатки предполагаемого нами дворца мы и вернулись осенью того же года к раскопкам южного Гонура. Начало работ было не очень удачным.

Увлечшись поисками предполагаемого дворца мы совсем забыли, что в «тылу» у нас, на самой окраине памятника, остались несколько плохо сохранившихся помещений. Их следовало дочистить прежде, чем дальше продолжать раскопки.

Окраинная часть любого памятника всегда является неблагоприятным объектом археологических раскопок. В течение сотен, а то и тысячи лет, сюда на окраину стекают наносные слои глины под действием дождевых ливней и сильных ветров. Надувной песок смешивается с дождевой водой и затвердевает до цементной плотности.

Такие участки очень трудны для землекопов. Окраинные части поселений как сейчас, так и тогда были приспособлены под хозяйственные постройки и не сулили интересных находок.

Так вот, именно на таком участке мы должны были расчистить несколько оставшихся комнат, чтобы полностью замкнуть весь раскоп. Работа шла с большим трудом, вскоре лопаты были заменены на кирки, да и те с трудом откалывали пласты спрессованной земли. Неожиданно железная кирка вонзилась во что-то мягкое. Брызгами под ярким солнцем разлетелись разноцветные мелкие кусочки от какой-то глиняной скульптурки, безнадежно разбитой усердными рабочими. И понадобилось проделать поистине адскую работу, чтобы хоть в общем виде представить ее былую форму. Как оказалось, в углу заброшенного помещения находилась глиняная скульптурка стоящего в спокойной позе человека со сложенными руками. Высота ее была около 20 см. Вся скульптурка была покрыта белой гипсовой обмазкой. Брови, ресницы, волосы - подчеркивались цветной росписью.

Такая находка была первой не только в Маргиане, но и во всей Средней Азии того периода. Она свидетельствовала о высоком профессиональном уровне и вкусах маргианских скульпторов и умельцев. Она напоминала такие же глиняные скульптуры, найденные в древних могилах Шахдада в восточном Иране.

Это еще одно доказательство культурно-исторических связей Ирана с Бактрией и Маргианой.

Но сколько бы не сетовали на постигшую нас неудачу, раскопки вокруг храма продолжались. В тот год вместе с нами в раскопках Гонура принимали участие два итальянских археолога из научно-исследовательского института Лигабуэ. При въезде в Венецию вас встречает огромная светящаяся реклама, на ней огромными буквами выведено «ЛИГАБУЭ». Это - процветающая фирма, которая принадлежала отцу Джионкарло Лигабуэ. Много лет проучившись во Франции Джионкарло стал дипломированным палеонтологом, но не ограничился своей узкой специальностью, заинтересовавшись смежными науками и в том числе археологией, он в течение нескольких лет принимал участие в раскопках иранского поселения Шахри Сохте, работал на других памятниках и, может быть, стал бы известным археологом, если бы не необходимость заменить отца и возглавить его фирму. Став бизнесменом Джионкарло не только не оставил науку, но напротив использовал новые возможности для ее продолжения и развития, будь то храмы Египта или Латинской Америки вплоть до динозавров в пустыне Гоби.

Для этого он основал фонд Лигабуэ и исследовательский центр, который вот уже многие годы поводит экспедиции в разных местах Азии, Африки и Америки. Центр Лигабуэ издал несколько богато иллюстрированных книг по результатам этих работ, но, пожалуй, самым выдающимся является публикация специального тома, посвященного древностям Бактрии.

Как профессионал и одновременно любитель древностей, Джионкарло понимал, вместе с исчезновением великолепных погребальных приношений из разграбленных могил Бактрии, исчезает и сама ее древняя история Афганистана. Именно для того, чтобы сохранить все, что еще возможно он и предпринял издание обширного тома по Бактрии в котором были собраны, опубликованы великолепные изделия древнебактрийских мастеров, которые уже исчезли во многих частных коллекциях мира. К участию в написании тома были привлечены лучшие специалисты мира давно и упорно занимающиеся древностями Бактрии. И нужно сказать, публикация тома стала заметным явлением в научном мире, а сам Дж. Лигабуэ вписал свое имя в историю научного исследования Ближнего Востока.

Не ограничившись этим фонд Лигабуэ выделил большие средства для приобретения для своего музея тех памятников древнего искусства, которыми наводнили антикварный рынок мира современные «джентельмены удачи», специализирующиеся на хищнических раскопках многих тысяч могил Бактрии. Этим до какой-то степени удалось спасти их от частных коллекционеров и сохранить для истории.

Вообще же сама внешность Джионкарло Лигабуэ предполагает в нем незаурядную личность. Высокий, если не сказать величественный, с неизменной улыбкой и хитринкой в глазах, всегда готовый обнять и обласкать каждого, он, казалось, был создан лишь для официальных приемов и светских раутов. Но в Венеции я видел фильм об палеонтологической экспедиции в пустыню Гоби, где Джионкарло сменив дорогой костюм на джинсы, а белоснежную сорочку на выцветшую от солнца рубашку, в пыли и песке расчищает скелет динозавра.

Бескорыстный рыцарь науки Дж. Лигабуэ решил принять участие в раскопках Маргианы, и вот теперь два итальянских археолога вместе с нами трудились над исследованием древностей Маргианы.

Один из них проф. Сандро Сальватори хорошо известен в археологических кругах исследователей Ближнего Востока, в свое время он возглавлял археологическую экспедицию на раскопках Шахри Сохте, работал он на развалинах Шахдада все в том же восточном Иране и опубликовал несколько работ по этой теме. Одним словом, это был профессиональный археолог, который своими знаниями и опытом мог во многом помочь нам в работах по изучению древностей Маргианы.

Второй наш итальянский коллега профессор Габриэль Росси-Осминда помимо того, что был археологом широкого профиля, еще и хорошо освоил технику фотографирования и киносъемок, именно его великолепные цветные иллюстрации украшают книги, выпущенные Институтом Лигабуэ.

К приезду наших коллег мы приготовили им отдельный микролагерь с лучшими по возможности для пустыни условиями, что было по достоинству оценено ими. За целый месяц совместных полевых работ у нас не возникло ни одного недоразумения, и даже более того, нам удалось совместить разные методики раскопок. Так как у нас было ограниченное число рабочих-землекопов, мы не смогли выделить им отдельный раскоп. Как археологи мы понимали, что наши итальянские коллеги хотели бы опробовать свои силы и знания на новом для них памятнике.

Сначала они деликатно приглядывались к нашей методике раскопок, как бы примеряя свои знания и опыт к новым условиям, а затем попросили разрешения взять маленький участок на нашем раскопе, где бы они собственными силами провели мини раскопки. Дело в том, что мы, ставя своей целью максимально широкое изучение южного Гонура, использовали большое количество рабочих с привлечением всей возможной техники. Понятно, что при такой методике раскопок некоторые второстепенные детали остаются вне

внимания раскопщиков, но при раскопках крупных памятников археологи сознательно идут на это. Именно такой объект и представлял собой южный Гонур с его монументальной архитектурой и общей площадью почти в полтора гектара.

За весь полевой сезон итальянцы раскопали всего лишь две комнаты. Но как! Без рабочих, только вдвоем, изо дня в день они как трудолюбивые муравьи ножами и щеточками вскрывали один сантиметровый пласт за другим, фиксируя не только обломки керамики, но и каждую косточку животного, каждую зольную линзу, просеивая и пропуская через свои не только руки, но и пальцы всю землю этих комнат. Такая методика раскопок позволила с математической точностью подсчитать сколько черепков керамики находилось в двух конкретных помещениях, сколько косточек животных располагалось около очагов и, наконец, обнаружить и подсчитать количество пшеничных и ячменных зерен, которые были выращены здесь почти четыре тысячи лет назад.

Такая тщательная методика раскопок не было новостью для нас, и мы использовали такую же при раскопках могил или некоторых отдельных археологических объектов, но она не подходила для нашей основной цели - выявить древнюю архитектуру внутри крепости южного Гонура.

Но вернемся к нашим раскопкам. Как мы помним, в весенний полевой сезон наши раскопки сосредоточились на незастроенной площади перед парадной частью небольшого храма. Мы ушли уже вперед на пятиметровую ширину, но так и не обнаружили никаких строений этого периода. Уже вскоре под лопатами появились сначала отдельные стены, потом комнаты, которые объединяясь составляли анфилады помещений.

Но все они относились не к первому, основному периоду, когда здесь стоял этот храм, а к последующему, когда он уже был заброшен: основания выявленных помещений покоились не на материке, а на уже накопившихся за время существования храма мусорных слоях.

Вскоре наши раскопки удалились от передней части храма на расстояние более 20 м. И в этом сезоне мы так и не обнаружили строений, которые бы существовали одновременно с храмом. Но в таком случае можно предположить, что перед храмом располагалась просторная, незастроенная площадь, на которой появились постройки бедняков только после его запустения.

За этот сезон мы раскопали многие десятки помещений. Среди жилых и хозяйственных комнат выделялись всего несколько. Они сохранили на стенах белую гипсовую обмазку, которая иногда переходила на стоящий рядом сосуд. До определенной степени они напоминали «белую комнату». Не исключено, что и в них в древности приготавливали опьяняющие напитки, но только специальные анализы органических остатков смогут дать на это окончательный ответ. И кроме того, если принять его внимание, что такие комнатки располагаются не в храме, а в частных домах, можно допустить, что опьяняющие напитки были довольно широко распространены и в местной среде.

Лингвисты, изучающие священную книгу зороастрийцев Авесту, обратили внимание на то, что пророк новой религии Заратустра яростно выступал против всяких опьяняющих и галлюциногенных напитков (иначе говоря против обычного, бытового пьянства). Вместе с тем, в той же Авесте имеются многочисленные стихотворные псалмы, восхваляющие этот напиток под названием хаома. Для разрешения этого противоречия наиболее убедительным представляется следующее предположение. Еще в дозороастрийское время в местной восточно-иранской среде были широко распространены культы, связанные с наркотическими и опьяняющими напитками, нередко излишне часто употребляемые и частными лицами. В конечном счете это могло привести их к решительному отрицанию религии, запрещающей старые вековые традиции. И Заратустра был вынужден согласиться с этими традициями, но действие их ограничил культово-религиозными правилами.

Если с таких позиций подойти к обнаруженным нами помещениям типа «белых комнат» в частных домах, то можно допустить, что они представляют тот дозороастрийский период, когда использование галлюциногенных напитков еще не было ограниченным.

Так или иначе, но раскопки южного Гонура установили существование «белых комнат» не только в специальных храмах, но и в частных домах, обитатели которых могли быть как-то связаны с ритуалами культового характера. С целью окончательного решения этой важной проблемы мы пригласили на раскопки Нону Робертовну Мейер-Меликян вместе с ее ассистентом, специалистом по пыльцевому анализу.

Недолго они пробыли на месте раскопок, но сделали много. Посетив старые раскопы на Тоголок-1 и Тоголок-21, они взяли из этих храмов дополнительно материалы для последующего их анализа в лаборатории МГУ на предмет определения ископаемых органических остатков.

Наше желание обнаружить остатки предполагаемого дворца было настолько сильным, что мы забыли о многом, и в том числе забыли про тщательный каждодневный уход за нашей экспедиционной техникой. И вот, настал день, когда наш газик окончательно заглох, и сколько не таскали мы его на буксире трактором по такыру, он не проявлял ни каких признаков жизни. На завтра был назначен отъезд наших итальянских коллег в Москву, а до ближайшего населенного пункта свыше тридцати километров безжизненной пустыни. Оставался один выход: на тракторе по бездорожью доехать до поселка и попробовать найти там нужную нам деталь.

Хитроумный Святник, ставший к тому времени моим помощником, долго обходил эту тему, а затем прямо высказал сокровенное, обращаясь ко мне: «Только Вы сумеете найти эту деталь», не оставив мне никаких путей к отступлению. В тот год в наших раскопках принимал участие наш многолетний экспедиционный сотрудник Володя Орлов из далекого города Ростов Великий. После окончания десятилетки он приехал в поисках романтики, затем, как и многие из нас, был околдован пустыней и, отслужив в армии, вернулся к нам уже студентом Университета и будущим археологом. Маленький, удивительно складный, а главное всегда спокойный и ровный, он умел все: и копать наравне с самыми сильными раскопщиками, и водить машину, и сладить одним топором всю нашу экспедиционную мебель. Вот его-то я и уговорил отправиться вместе со мной в это длинное, а главное утомительное путешествие.

Еле втиснувшись в кабину трактора рядом с Володей мы отправились с ним в неизвестное. В тот раз все было против нас.

Хорошо известную нам дорогу бескрайним озером залила вода, выпущенная откуда-то издалека нерадивыми колхозниками, и нам пришлось прямо по барханам объезжать это топкое место. По бездорожью, ориентируясь лишь по общему направлению, мы, наконец, приехали в поселок, где, конечно, нужной нам детали не было. Предстояло ехать дальше еще много километров, и под вечер мы все-таки нашли нужное. Уже затемно мы вернулись в лагерь. Машина наша была отремонтирована, за завтрашний отъезд итальянских гостей мы могли быть спокойны. Несколько раз проверил Володя наш газик, лихо выписывая восьмерки по ровному такыру к радости всех участников экспедиции. Все было в полном порядке.

Но, действительно: человек полагает, а Бог располагает. Когда на следующее утро весь багаж был уложен в машину и все распрощались с отъезжающими, наш газик напрочь отказывался заводиться. Зацепив тросом за трактор Володя отчаянно таскал его по ровному такыру в надежде, что вот-вот послышатся выхлопы и машина заведется. Но все напрасно! Оставалось одно - прицепить газик к трактору, попытаться доехать до ближайшего поселка и там найти другую машину. Вконец опозоренные в глазах наших гостей, которые, кстати, отнеслись ко всей этой истории с большим юмором и много спокойнее нас, влезли мы в газик, который завелся сразу же, как только трактор сдвинулся с места. И это после того, как мы не менее часа гоняли машину по ровному такыру!

Машина ровно урчала мотором, и уже можно было не бояться опоздать на самолет, так как оставался еще большой запас времени. Но мы все-таки опоздали, хотя приехали в город с большим запасом времени. Но он-то и подвел нас. Наши друзья туркмены не тратили попусту время. Для почетных гостей был приготовлен прощальный обед в ресторане, где мы

по достоинству, в который уже раз, могли оценить их гостеприимство. Горячие блюда и теплые, задушевные тосты затянулись и, когда мы подъехали к аэродрому, то увидели лишь хвостовые огни улетающего самолета. Катастрофа была налицо - пропавшие авиабилеты, оплаченные в валюте, и еще многое другое. На наше счастье с нами был большой любитель древностей своего края, большой души человек, Ата Ташлиев, который и раньше помогал нам, чем мог. И теперь он незаметно скрылся куда-то в аэропортовские кабинеты и появился с перерегистрированными билетами на следующий рейс. А ведь в Ашхабаде итальянских археологов ждут с прежним рейсом, но оказывается, Ата Ташлиев предусмотрел и это, и по ашхабадскому аэропорту уже раздавался голос радиодиктора, оповещающая, что итальянцы прибудут следующим рейсом.

До следующего рейса еще два часа и не пропадать же им даром! И вот мы опять сидим в том же банкетном зале и продолжаем проводы «на посошек». На этот раз все обошлось.

Наши гости садились в самолет в подаренных туркменских халатах и косматых шапках-тельпеках.

Проводив гостей, мы стали подумывать и о собственном отъезде. И, хотя стояла до удивления хорошая погода, настоящая «золотая осень», полевой сезон подходил к концу. В оставшиеся дни мы так и не обнаружили остатков предполагаемого дворца, зато на полу одного частного помещения нашли крупный стеатитовый амулет с изображением на одной плоскости двух разъяренных змеиных дракона с широко разинутыми пастьями, а на другой - пару предположительно львов со вздыбленными загривками и раскрытыми пастьями. Это была, пожалуй, самая ценная находка осеннего полевого сезона 1991 г. Мы уезжали, так и не разгадав истинного назначения т.н. форта и не обнаружив дворца, но с надеждой на новые находки на холме южного Гонура.

Вместо заключения

...Как и пятнадцать лет назад, мы опять сидим у вечернего под бездонным куполом маргианского неба. Густая темносиняя плоскость небосвода расцвечена огромными, с кулак, мерцающими звездами. Вокруг костра сидят мои сотрудники и коллеги, но теперь уже не зеленые юнцы, а испытанные песчаными бурями и палящим солнцем настоящие «степные волки». Им уже не страшно одиночество пустыни, напротив, они оживили ее своими многочисленными открытиями. Для них пустыня полна шумных голосов маргушцев, мычанием быков, бляением коз и овец. Они здесь как у себя дома - был бы спальный мешок, буханка хлеба да ведро воды, и можно обжить любой уголок Каракумов. И не нужно сверять маршрут с картой - мы знаем как это все выглядело 35 веков назад. Там впереди высятся многометровые стены кремля Гонура, в обширных залах которого местная администрация готовила прием послов из соседних стран. Южнее Гонура мощные глухие стены, усиленные башнями и полубашенками храма Тоголок-21. В отблесках костра мы отчетливо видим, как храмовые служки, позевывая и кутаясь в длинные одежды, ломают приготовленные с вечера дрова и закладывают их в глубокие камеры, составляющие алтари огня.

Многое подсказывало наше воображение, но теперь не плод одной лишь фантазии, а научное осмысление реальных археологических фактов, полученных нами в ходе многолетних раскопок в стране Маргуш. Так, что же мы теперь знаем? Веками прорывалась через горные теснины и бескрайние плоскости равнин река Мургаб, доходя до юго-восточных Каракумов и заканчиваясь здесь в песках слепыми потоками. Широкий дельтовый веер реки, оплодотворенный илом, что принесла с собой река в сезоны ежегодных разливов, представлял оптимальные условия для занятия древним земледелием и скотоводством. Первые, хотя и неудачные, попытки освоения дельты реки были сделаны еще в конце IV тыс. до н.э., но лишь через тысячу лет здесь, в юго-восточных Каракумах, будут заложены основы древне-земледельческой жизни.

Ксеротермический период, глобальная засуха охватила на рубеже III-II тыс. до н.э. почти всю Переднюю Азию, в результате чего сдвинулись со своих мест целые «страны и народы». В поисках новой родины, которая могла бы прокормить их домочадцев, они движутся в разных направлениях, но вскоре восточное становится более перспективным. Подобно цепной реакции одни племена, вступая в чужие пределы, Сдвигая с насиженных мест другие, пока не достигают на крайнем северо-востоке мургабской и бактрийской равнин, а на крайнем юго-востоке индийского субконтинента.

Сначала в дельту р. Мургаб просачиваются отдельные племена из подгорной полосы южного Туркменистана. Но вскоре со стороны восточного Ирана сюда хлынули в поисках новой родины десятки древних племен, и в результате чего здесь и закладываются основы древней страны Маргуш.

Вдоль благодатных, полных прохладной воды протоков дельтового веера, возникают все новые поселки древних земледельцев, на прилегающих полях которых вызревают уже богатые урожаи пшеницы и ячменя. На заливных альпийских лугах пасутся тучные стада домашних животных: быков, верблюдов, коз и овец. Вместе земледелие и скотоводство обеспечивали и стимулировали оседлоземледельческий образ жизни первых колонистов древней дельты Мургаба.

Со временем прогресс во всех областях палеоэкономики приводит к резкому росту местного населения. Уже не десятки, а сотни больших и малых поселений группируются вдоль боковых потоков дельты Мургаба, что помимо прочего приводит к усложнению и социальной организации древнего общества. Постепенно многие десятки таких поселков образуют отдельные ирригационные оазисы с внутренней автономией, но вместе с тем такой бурный рост народонаселения приводит к организации более сложного общественного устройства. Появилась необходимость в централизованной власти, которая бы ведала общими вопросами, касающимися не отдельных поселков и даже ирригационных оазисов, но всей страны в целом.

Для этих целей на месте современного памятника Гонур-1 и возводится кремль, обнесенный высокими стенами, за которыми располагаются обширные залы, связанные между собой сложной системой коридоров. Здесь - резиденция местной администрации, распоряжения и предписания которой неукоснительно соблюдались всеми жителями страны Маргуш. И может быть, не случайно кремль окружен вокруг пониженными участками, возможно древними площадями. Здесь своеобразные народные собрания могли отвергать или утверждать решения центральной администрации, прежде чем они становились законом для всех.

Прогресс древней палеоэкономики создавал необходимые предпосылки для развития и местной культуры. Древнее керамическое искусство даже встреченное во фрагментах, восхищает своими пропорциями. Местные металлурги, кузнецы и ювелиры изготавливают изделия не только копирующие, но и ничем не уступающие западным прототипам. Парадные, церемониальные топоры, медные булавки с фигурными навершиями, браслеты, кольца и серьги - далеко не полный ассортимент древних умельцев страны Маргуш. Редкие золотые и серебряные украшения свидетельствуют уже и о высоком ювелирном мастерстве.

Многочисленные каменные амулеты с тонкогравированными, часто тематическими, композициями были особым явлением в древневосточной глиптике. В работах древних мастеров чувствуется ирано-месопотамские влияния. Высокое мастерство в камнерезном искусстве подтверждается мраморными скульптурками, чаще всего быков и верблюдов, тонкошлифованными бусами из разноцветных поделочных камней, из лазурита, бирюзы, сердолика.

Чрезвычайно высокая и вместе с тем оригинальная культура страны Маргуш занимала особое место в системе всей Передней Азии. Слава об этой стране шла далеко на запад, через Иран до Месопотамии, и на юг, через Афганистан до индийских субконтинентов. Привезенные из этих отдаленных стран изделия, найденные в стране Маргуш, свидетельствуют о ее широких экономических связях.

Открытие дворцов и храмов со сложной планировкой и «своими» канонами свидетельствует о существовании особой маргианской школы древнего зодчества. Все это говорит о высоком интеллектуальном уровне местных племен, уже хорошо знакомых в то время с математикой, геометрией, астрономией. Лишь отсутствие собственной письменности в какой-то степени препятствует определению исторического места, которое занимала страна Маргуш среди древних цивилизаций Востока.

Уже почти потух наш маленький лагерный костер, все гуще становилась ночная тьма, а мы продолжаем тихую беседу, пытаясь представить реальную жизнь местных племен.

Тишина изредка нарушается лишь далеким детским плачем голодных шакалов, да тоскливым криком пустынной совы. Казалось, прошлое вставало из вековых руин, и окружив нас плотным кольцом, с интересом прислушивалось к нашим спорам. Легкий ветерок поднял песок и, закрутив вихрем, плеснул нам в лицо, как бы предостерегая от излишней фантазии. Но и реальные факты нашей археологической работы подтверждали наши смелые предположения. Еще задолго до нас крупнейшие русские востоковеды обратили свои взгляды на древнюю Маргиану, пытаясь восстановить ее былую историю. Но тогда археологические данные были так малы, что ученые были вынуждены вновь и вновь обращаться к скудным данным древнего эпоса. Среди таких ученых особое место занимает академик В.В.Струве, который почти полвека назад утверждал, что именно Маргиана являлась родиной Заратуштры и его учения. Ученый подметил, что в Авесте только страна Маргуш определяется как «мощная, верующая в Аша», т.е. в основу основ учения Заратуштры. Подобная характеристика не дается ни одной другой древней стране из перечисленных в Авесте.

Академик В.В. Струве приходит к однозначному выводу, что зародившееся в Маргиане новое учение широко распространяется и в соседние древние области. В частности, на север от Маргианы, где на бескрайних степных просторах жили кочевники-скифы.

Выдающийся лингвист, он заметил, что в древне-персидских надписях упоминаются скифы «хаумоварги» или иначе «хаому изготавливающие». В тех же текстах упоминаются скифы «амюргийские», имя которых с одной стороны восходит к названию реки Мургаб, а с другой - соответствует названию скифов «хаумоварга», т.е. «хаому изготавливающих».

По глубокому убеждению ряда выдающихся ученых наличие сходство звуков между «хаумоварга» и «амюргийские», указывает на то, что речь в надписях идет об одном и том же скифском племени. Но в таком случае, по их же рассуждению, это скифское племя, судя по сходству с древним названием реки Мургаб, должно было, если не жить в дельте Мургаба, то иметь тесные контакты с мирными племенами. Исходя из этих же лингвистических наблюдений, советский археолог В.И.Абаев допускает, что Заратуштра был выходцем из скифской среды, который, не получив признания у себя на родине, вскоре покинул ее.

Эти и другие теории и гипотезы лингвистов и историков религии вспоминали мы поздним осенним вечером, когда подводили итоги наших многолетних археологических работ в Маргиане.

В те времена, когда ученые пытались разгадать скудные данные древнеперсидских надписей в дельте Мургаба, кроме скифских древностей ничего известно не было. Другое дело теперь, когда здесь открыта целая страна под названием Маргуш, которая достигла своего расцвета за полторы тысячи лет еще до того, как скифы стали известны на исторической арене.

При изучении оседлоземледельческих оазисов Маргуш в массе местной гончарной посуды (типично земледельческой), мы находили единичные обломки грубой посуды (вылепленной рукой кочевника). Наконец, в гонурском и аучинском оазисах в непосредственной близости от оседлых поселений нам удалось открыть ранее неизвестные стоянки номадов-скотоводов точно с такой же грубой посудой. Причем, теперь уже среди

этой грубой, лепной посуды встречаются единичные фрагменты гончарной, характерной для оседлоземледельческих поселений.

Иначе говоря, налицо были культурно-исторические связи оседлых и скотоводческих племен, естественные для этих людей, обитавших в контактной зоне. Расположение стоянок кочевников в непосредственной близости от оседлых поселений со всей очевидностью указывает на вполне мирное их соседство.

Уже давно доказано, что именно эти скотоводческие племена и были, хотя и отдаленными, но прямыми предками скифов, которые позднее упоминаются в древнеперсидских надписях. В этом случае прослеживается связь оседлоземледельческих и скотоводческих племен, издревле обитавших в смежной, контактной зоне, между пашнями и степями древней дельты Мургаба.

А между тем, до сих пор не смолкают ожесточенные споры между двумя противоположными лагерями специалистов. Одни из них считают, что именно степные скотоводческие племена были теми ариями, которые упоминаются в Авесте. В самом деле, арии представлены в Авесте как сравнительно отсталые племена, преимущественно скотоводы, а не земледельцы. С тем же упорством, и ссылаясь на ту же Авесту, другая группа специалистов предлагает видеть в ариях оседлоземледельческое население подобное обитателям страны Маргуш. Но, если с точки зрения археологов устанавливается их вполне мирное сосуществование уже со столь отдаленного времени, не исключено, что население контактной зоны имело смешанную и поэтому близкую друг другу культуру. И тогда, может быть именно поэтому, в Авесте мы находим характеристику, более присущую отсталым скотоводческим, а не более развитым в культурном отношении, земледельческим племенам. В таком случае нельзя ли допустить, что в древнеперсидских надписях под скифами «хаумоварга» и подразумеваются племена, обитавшие в контактной зоне дельты Мургаба, где теперь мы нашли явные следы изготовления и употребления опьяняющего напитка типа хаомы, как например в Тоголок-21?

Вспомним себе ситуацию когда, как и где были сделаны эти надписи. Все они были написаны в середине I тыс. до н.э. при дворе ахеменидской империи, политический центр которой располагался на крайнем западе Ирана. И хотя среди специалистов долгое время существовало мнение, что зороастризм зародился именно в западном Иране, прямых доказательств тому нет. Главным аргументом для этого послужили результаты раскопок американцами столицы ахеменидского государства Персеполя. Здесь, в царской сокровищнице, были найдены великолепные мраморные блюда, подносы, ступки и пестики с надписями, в которых как долго считали ученые, упоминалось растение Хаома. Весь этот комплекс был определен как ритуальный, и, казалось, проблема была решена однозначно в пользу западно-иранской родины зороастризма. Однако советский филолог В.А.Лившиц заново вернулся к прочтению надписи на блюдах и доказал, что они всего лишь фиксируют изготовление их ремесленниками, являются регулирующими записями и не имеют ничего общего с церемонией приготовления хаомы. Позднее эту точку зрения приняли все крупнейшие лингвисты мира, а французский ученый П.Бернар считает, что найденные ступки, пестики и тарелки составляют всего лишь часть посуды из дворцовых кухонь. Все это результаты совершенно не отрицают того факта, что для приготовления хаомы употреблялись блюда, ступки и пестики, но найдены они не в Персеполе, а на Тоголок-21, да к тому же относятся к более раннему времени.

Итак, сейчас восточно-иранская родина зороастризма, как с точки зрения иранистов, так и археологов, кажется наиболее вероятной. Это утверждение отвечает всей сумме, имеющихся к настоящему времени, фактов.

Вот с этих-то позиций и попробуем представить себе писцов, которые в середине I тыс. до н.э., сидя в архивах Персеполя, воссоздавали на глиняных табличках современную им историю. Не в пример современным ученым, они-то хорошо знали, где находилась родина зороастризма, одним из главных культов которого являлось изготовление и употребление в ритуальных целях хаомы. Для них родина зороастризма располагалась

далеко на востоке и даже не в восточном Иране, а много дальше, в бассейне древней дельты реки Мургаб, на границе, где кончался земледельческий мир и начинался кочевой. Вряд ли кто-нибудь из писцов сам был в этих отдаленных от Персеполя местах, для них это была глухая окраина, «конец света», и все свои сведения о ней они получали, главным образом, через вторые руки. Да и сами информаторы могли лишь понаслышке знать, что где-то на краю древнеземледельческой Ойкумены, на варварской периферии, которую они традиционно считали населенной номадами, обитали также и скифы - хаумоварты, изготавливающие хаому. Вспомним, что еще за полторы тысячи лет до них, здесь, в Маргиане, уже намечался процесс контакт между исконными земледельцами и скотоводами. К моменту же, когда писцы Персеполя вели свои летописи, древнеземледельческое население страны Маргуш переместилось далеко на юго-запад от былых своих предков, оставив скифов кочевать на все тех же степных просторах.

Вот один из возможных ответов на все еще загадочную и интригующую проблему поисков родины зороастризма и основателя этой религии Зороастра. Можно не сомневаться, что будущие исследования внесут новые коррективы, уточнят и дополняют теории, но так же можно не сомневаться, что Маргуш была одним из центров, если не самой родиной Заратуштры, учение которого, зародившись далеко в глубине юго-восточных Каракумов, вскоре станет первой мировой религией. И кто знает, не по этим ли пыльным маргианским дорогам брел в свое изгнание непонятый у себя на Родине новоявленный пророк Заратуштра. Слава о нем в скором времени далеко выйдет за границы не только родного поселка и даже страны, а распространится на большую часть тогдашнего цивилизованного мира.

... Давно догорел костер, на востоке вставало круглое, цвета расплавленного золота солнце, а вместе с ним и новые проблемы, ожидающие нас впереди. И как это часто бывает с археологами, чем больше открывалась завеса времен, тем больше появлялось вопросов, связанных с древней историей все еще загадочной и таинственной страны Маргуш. Но главную задачу, поставленную нами весной 1972 г., мы полностью выполнили, в сердце Каракумов мы нашли ранее никому неизвестную страну Маргуш. А это главное.

Впереди новые открытия. Придут новые поколения археологов, и достойным призом будут им открытые нами древности страны Маргуш.